

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

<i>Кучин Ю.С.</i> ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ КРИВИЧЕЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ СЕР. XX в. – НАЧ. XXI в.	5
<i>Слободянина А.В.</i> ИТОГИ И ПОСЛЕДСТВИЯ АНГЛО-ФРАНКО-СОВЕТСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.....	15
<i>Егоров Д.И.</i> КРИТЕРИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ И РОЛЬ ИДЕОЛОГИИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ИСТОРИИ Х. УАЙТА	23
<i>Волбуев О.В.</i> О МОТИВАЦИИ ОТБОРА КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ДЛЯ СТАЛИНА (ПО СВОДКАМ ПИСЕМ 1947 г.)	28

РАЗДЕЛ II. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

<i>Воронин С.А.</i> К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ СВЕТСКОГО И ИСЛАМСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА В ИНДОНЕЗИИ (КОНЕЦ XIX – 1-ая ПОЛ. XX в.)	38
<i>Кудрявцева Н.А.</i> ИММИГРАЦИЯ В АВСТРАЛИЮ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI вв. И ОСОБЕННОСТИ РОСТА РУССКОЙ ДИАСПОРЫ НА «ЗЕЛЕНОМ КОНТИНЕНТЕ»	43
<i>Анашкина А.Г.</i> ООН И ПРОБЛЕМА КОСОВО. ПОСРЕДНИЧЕСКАЯ МИССИЯ АХТИСААРИ	50
<i>Печищев Л.А.</i> РОЛЬ “МЯГКОЙ СИЛЫ” В СОТРУДНИЧЕСТВЕ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И СТРАНАМИ СААРК В НАЧАЛЕ 2000-х гг.	55

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ РОССИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

<i>Мезенцева Ю.И.</i> КАМЕННОЕ ШАТРОВОЕ ЗОДЧЕСТВО XVI-XVII ВЕКОВ	59
<i>Идрисов Ю.М., Абдусаламов М.-П.Б.</i> СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ КАВКАЗ, ЕГО ГЕОГРАФИЯ, НАСЕЛЕНИЕ И ФЕОДАЛЬНАЯ ЭЛИТА В ОПИСАНИЯХ ЭВЛИИ ЧЕЛЕБИ И АДАМА ОЛЕАРИЯ: РАЗЛИЧИЯ И СХОДСТВА	63

РАЗДЕЛ IV. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

<i>Скорик А.П., Гадицкая М.А.</i> ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ И КОСТЮМ КАЗАЧЕСТВА ЮГА РОССИИ В 1930-х гг. КАК ЭЛЕМЕНТЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ	69
<i>Балашова Е.Г.</i> АРХИЕПИСКОП СЕРГИЕВСКИЙ ВАРФОЛОМЕЙ (РЕМОВ) – РЕКТОР ТАЙНОЙ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ В 1930–1935 гг.	75
<i>Давыдова Ю.А.</i> МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УЧРЕЖДЕНИЙ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ СИБИРСКИХ ГОРОДОВ)	80
<i>Варшавский Д.И.</i> СОЗДАНИЕ СОЛДАТСКИХ ДОМОВ ОТДЫХА ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	87

РАЗДЕЛ V. ПОЛИТОЛОГИЯ

<i>Быстров С.В.</i> ПРИМЕНЕНИЕ МАНИПУЛЯТИВНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ: ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ ФИЛЬМА «ПЛУТОВСТВО»	92
<i>Гибизов Д.В.</i> ГУМАНИТАРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОНЦЕПТА БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА	96

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Рецензия на монографию Н.Д. Постникова «1-ая армия Ренненкампа: битва за Восточную Пруссию» (М.: Издательство МГОУ, 2013)	101
--	-----

НАШИ АВТОРЫ	102
--------------------------	-----

CONTENTS

SECTION I. HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDY

<i>Yu. Kuchin.</i> THE PROBLEM OF KRIVICH'S ETHNIC IDENTIFICATION IN NATIONAL HISTORIOGRAPHY OF THE MID. XX TH CENTURY AND THE BEGINNING OF THE XXI ST CENTURY	5
<i>A. Slobodyanina.</i> RESULTS AND CONSEQUENCES OF ENGLISH-FRENCH-SOVIET NEGOTIATIONS BEFORE THE SECOND WORLD WAR IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY	15
<i>D. Yegorov.</i> CRITERIA OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE AND ROLE OF IDEOLOGY IN H. WHITE'S LINGUISTIC THEORY OF HISTORY	23
<i>O. Volobuyev.</i> ON THE MOTIVES FOR SELECTING THE CORRESPONDENCE FOR STALIN (ON THE SUMMARY OF 1947 CORRESPONDENCE)	28

SECTION I. GENERAL HISTORY

<i>S. Voronin.</i> ON THE FORMATION OF A SECULAR AND ISLAMIC NATIONALISM IN INDONESIA (THE END OF THE NINETEENTH CENTURY – 1 ST HALF OF THE XX TH CENTURY)	38
<i>N. Kudryavtseva.</i> IMMIGRATION TO AUSTRALIA IN THE LATE XX – EARLY XXI CENTURIES AND PECULIARITIES OF GROWTH OF THE RUSSIAN DIASPORA IN THE «GREEN CONTINENT»	43
<i>A. Anashkina.</i> THE UN AND THE PROBLEM OF KOSOVO. AHTISAARI'S INTERMEDIARY MISSION	50
<i>L. Pechishcheva.</i> THE ROLE OF "SOFT POWER" IN THE COOPERATION BETWEEN GERMANY AND SAARC STATES AT THE BEGINNING OF THE 2000 ^S	55

SECTION III. HISTORY OF RUSSIA THE MIDDLE AGES AND NEW TIME

<i>Yu. Mezentseva.</i> STONE TENT-ROOFED ARCHITECTURE OF XVI-XVII CENTURIES	59
<i>Y. Idrisov, M. Abdusalamov.</i> NORTH-EAST CAUCASUS, ITS GEOGRAPHY, POPULATION, AND FEUDAL ELITE DESCRIBED BY EVLIYA CHELEBI AND ADAM OLEARY: DIFFERENCES AND SIMILARITIES	63

SECTION IV. CONTEMPORARY HISTORY OF RUSSIA

<i>A. Skorik, M. Gaditskaya.</i> FOOD SUPPLY AND NATIONAL COSSACKS COSTUME AS ELEMENTS OF EVERYDAY LIFE IN THE SOUTH OF RUSSIA IN 1930 ^S	69
<i>E. Balashova.</i> ARCHBISHOP OF SERGUIEVO BARTHOLOMEW (REMOV) – RECTOR OF THE SECRET MOSCOW THEOLOGICAL ACADEMY IN 1930-1935 ^S	75
<i>Y. Davidova.</i> MATERIAL PROVISION OF HEALTH CARE INSTITUTIONS IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (ON THE EXAMPLE OF SIBERIAN CITIES): 1941-1945	80
<i>D. Varshavski.</i> CREATION OF REST HOUSES FOR SOLDIERS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR	87

SECTION V. POLITOLOGY

<i>S. Bystrov.</i> THE IMPLEMENTATION OF MANIPULATIVE POLITICAL TECHNOLOGIES IN MODERN POLITICS: TRUTH AND FICTION IN THE FILM "WAG THE DOG"	92
<i>D. Gidizov.</i> THE HUMANITARIAN COMPONENT OF THE HUMAN SAFETY CONCEPT	96

SCIENTIFIC LIFE

REVIEW OF N.D. POSTNIKOV'S MONOGRAPH "RENNENKAMPF'S 1ST ARMY: BATTLE OF EAST PRUSSIA" (M.: MSRU PUBLISHING HOUSE, 2013)	101
---	-----

OUR AUTHORS	102
-------------------	-----

РАЗДЕЛ I.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 930 (470) “20/21”

Кучин Ю.С.

Московский государственный областной университет

ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ КРИВИЧЕЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ СЕР. XX В. – НАЧ. XXI В.

Yu. Kuchin

Moscow State Regional University

THE PROBLEM OF KRIVICHS' ETHNIC IDENTIFICATION IN NATIONAL HISTORIOGRAPHY OF THE MID. XXTH CENTURY AND THE BEGINNING OF THE XXIST CENTURY

Аннотация. В статье рассматривается отечественная историография проблемы этнической идентификации кривичей. Хронологические рамки историографического обзора определены второй половиной XX – началом XXI вв. В этот период появилось значительное число работ, посвящённых «кривичской» проблематике. Поэтому обобщение результатов научных исследований этнической идентификации кривичей за данный отрезок времени имеет актуальное значение. Автор обозначены основные проблемы и подходы отечественной историографии в освещении данной темы.

Ключевые слова: историография, восточные славяне, кривичи, этническая идентификация.

Abstract. The article deals with the way the problem of Krivichs' ethnic identification was reflected in national historiography. The chronological framework of historiographical review is defined by the second half of the XXth century and the beginning of the XXIst century. Within the period mentioned a lot of works were devoted to the investigation of Krivichs. Therefore, the generalization of the research results is relevant. Author determines the basic problems and approaches to the theme existing in the national historiography.

Key words: historiography, the eastern Slavs, Krivichs, ethnic identification.

Предметом исследования в статье является историография вопроса об этнической принадлежности кривичей. Хронологические рамки определены периодом с середины XX в. и до наших дней. Исследовательский интерес к данному периоду обусловлен тем, что в это время в отечественной исторической науке: 1) появляется значительное число научных работ, которые в общем объёме всех исследований, посвящённых этническому аспекту истории кривичей, составляли и продолжают составлять основной историографический пласт; 2) формируются целостные научные подходы к этнической идентификации кривичей.

Особенностью обозначенного историографического периода является активное использование при рассмотрении «кривичского» вопроса археологических источников, что явилось

следствием постоянных и системных, начиная с 50-х гг. XX в., археологических изысканий, направленных на получение материальных свидетельств по истории кривичей.

Историографический обзор уместно начать с констатации того, что к середине XX в. советская историческая наука не имела однозначного ответа на вопрос об этнической идентификации кривичей. Например, Б.А. Рыбаков в работе «Древние русы», упоминая племенные «огромные союзы, возникшие за несколько веков до летописца», пишет, что кривичи объединяли, «возможно, и славян и часть литовских племён (сохранивших древнее имя кривичей в имени бога Криве)» [17, с. 26]. Такая же этническая характеристика была дана Рыбаковым союзу кривичей в журнале «Вопросы истории» [18, с. 43].

Позднее (в 1958 г.) во 2-м томе серии «Очерков истории СССР» Рыбаков по-прежнему осторожно, предположительно указывает: «Кривичи, вероятно, представляли некогда крупный союз племён, в который могли входить и некоторые литовские племена (например, голядь и др.)» [16, с. 858]. Присутствие слов «возможно», «вероятно» в выводах Рыбакова связано не в последнюю очередь с тем, что в тот период времени в советской исторической науке общее распространение имело утверждение о славянском происхождении кривичей.

Так, в монографии П.Н. Третьякова «Восточнославянские племена» кривичи рассматриваются как «группа северного славянства» [34, с. 233]. И далее в той же работе констатируется: «В настоящее время можно считать вполне установленным, что кривичи, как и словене новгородские, представляли собой древнее и этнически своеобразное объединение восточного славянства – прочный союз исторически и этнически родственных племён» [34, с. 234]. В вышедшем в 1965 г. 8-м томе «Советской исторической энциклопедии» выводы Третьякова, изложенные в указанной работе, легли в основу его статьи, посвящённой кривичам, где последние определены как «восточнославянское племенное объединение» [36, с. 150]. В 1953 г. в

серии «По следам древних культур» выходит книга, посвящённая археологическим исследованиям истории древней Руси. В статьях П.Н. Третьякова [38] и С.А. Таракановой [33] на основе археологического материала кривичи этнически определены как известное по древнерусским летописям под этим именем славянское население.

Другим известным учёным, у которого мы встречаем в начале 50-х гг. прошлого века славянскую идентификацию кривичей, был А.Н. Насонов. В его докладе «К вопросу об образовании древнерусской народности», представленном на заседании учёного совета Института истории, кривичи – наиболее значительное племя северной группы восточнославянского населения [15, с. 69]. Следует упомянуть В.В. Мавродина, также рассматривавшего кривичей как часть восточного славянства [14].

В 1954 г. была защищена диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук «Кривичи и словене», автором которой был В.В. Седов. Работа будущего крупного исследователя славянской этнической истории, ставшего одним из тех, чья научная деятельность по времени почти целиком охватывает рассматриваемый в настоящей статье историографический период, высоко была оценена И.И. Ляпушкиным. В своей монографии «Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства» он выражал сожаление, что «Проделанная В.В. Седовым большая работа в связи с его диссертацией «Кривиче и словене» не нашла отражения в печати. Больше того, этих материалов нет даже в архиве Института археологии, где хранится рукопись диссертации...» [13, с. 96].

Первой научной публикацией В.В. Седова, касающейся кривичской тематики, с полным правом можно считать статью «Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX-XIV вв.)» в сборнике «Советская археология» [31]. В этой статье Седов, анализируя археологический материал, предположительно характеризующий новое этническое объединение, в качестве

компонентов такого объединения указывал на несколько «древних славянских племён: словен новгородских, кривичей, полочан» [31, с. 193].

В другой важной для понимания формирующей концепции В.В. Седова работе «Кривичи», опубликованной в 1960 г. [25], полочане – уже не отдельная восточнославянская этническая общность, а одна из трёх локальных групп кривичей. И эти «три локальные группы кривичей – псковская, смоленская и полоцкая в дальнейшем имеют самостоятельное обособленное развитие», в соответствии с которым, по мнению исследователя, «можно говорить о трёх политических объединениях (племенных союзах)... – союзе псковских кривичей, союзе смоленских кривичей и союзе полочан» [25, с. 62]. Позднее В.В. Седов, уточняя и эту точку зрения, не разделяет кривичей на смоленских и полоцких, а считает, что кривичи «уже на ранней стадии дифференцировались на две этнографические группы – псковскую и смоленско-полоцкую» [29, с. 385].

С именем В.В. Седова связано начало дискуссии в 60-70-е гг. XX в. по ещё одному вопросу, касающемуся этнической идентификации кривичей. В 1967 г. в номере 2-м журнала «Советская этнография» в разделе «Дискуссии и обсуждения» публикуется статья «К происхождению белорусов (Проблема балтского субстрата в этногенезе белорусов)» [24], в которой В.В. Седов высказал мнение о значимости роли балтского субстрата в формировании белорусской народности. Свои наблюдения о присутствии балтского следа в археологическом материале, относимом к древнерусским древностям, исследователь публиковал и ранее [30]. Поэтому можно сказать, что дискуссионная статья была результатом выводов В.В. Седова, основанных на данных археологических изысканий.

В 4-м номере «Советской этнографии» за тот же год публикуется по обсуждаемой тематике статья П.Н. Третьякова [35]. В следующем, 1968 г., к дискуссии присоединяются В.А. Жучкевич [9] и М.Я. Гринблат [8]. В 1-м номере 1969 г. В.В. Седов публикует свой от-

вет на критические замечания [23]. В обсуждение роли балтского субстрата после выхода в 1970 г. работы В.В. Седова «Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья» [27] включаются Г.Ф. Соловьева [32]¹ и М.И. Артамонов [6].

Высказанные В.В. Седовым положения о балтском субстрате в формировании восточнославянской общности кривичей (а точнее, их части, определяемой исследователем как смоленско-полоцкие кривичи) становятся одним из основополагающих элементов его гипотезы этнического происхождения кривичей. Так, например, в работе «Славяне в раннем средневековье» имеется следующее обобщение: «Кривичи – одно из восточнославянских племен, формировавшееся в результате метисации пришлого славянского населения с местными балтскими племенами» [28, с. 47]. В отдельном томе серии «Археология СССР с древнейших времён до средневековья», посвящённом восточным славянам VI-XIII вв., этот тезис дан в такой редакции: «Балтские элементы в кривичских курганах VIII-XII вв. бесспорно свидетельствуют об участии дославянского этнического элемента в генезисе смоленско-полоцких кривичей. Очевидно, важнейшие культурно-племенные признаки их и обособление от псковских кривичей обусловлены славянизацией балтов...» [19, с. 164]. В свою очередь, согласно утверждениям В.В. Седова, одной из особенностей этнографической группы псковских кривичей было наследие дославянского прибалтийско-финского населения [21, с. 142].

Ключевым моментом «кривичской» гипотезы В.В. Седова является признание им принадлежности археологической культуры длинных курганов кривичам. Такая этническая атрибуция длинных курганов была еще дана Седовым в самом начале его научной деятельности [25], не изменилась она и в последующем [26, с. 17]. Отдельному и подробному описанию длинных курганов было посвящено опубликованное в серии «Археология СССР. Свод археологических источников» в 1974 г. исследование, в котором В.В. Седов, основываясь на имеющихся в тот период времени ре-

¹ См. ответ В.В. Седова [22].

зультатах археологических изысканий, определил этническую принадлежность «людей, похороненных в длинных курганах» как кривичскую. Но кривичи – «это не только пришлые носители славянского языка, но и местное население, смешавшееся с пришельцами. Поэтому не будет ошибкой назвать длинные курганы памятниками смешанного славяно-балто-финского населения» [20, с. 40].

Наконец, определяющим во взглядах В.В. Седова по «кривичскому» вопросу было его утверждение о «миграции средневропейского населения» на территорию, относимую летописями к кривичской, иначе говоря, «предположение о западном происхождении кривичей» [19, с. 58]. Т. е. речь идет о западном этническом суперстрате и местном субстрате.

Таким образом, позицию В.В. Седова по этнической идентификации кривичей можно представить следующим образом: 1) кривичи – славянская по окончательному формированию этническая общность; 2) исходно «западного происхождения»; 3) древнейшими археологическими памятниками которой являются длинные курганы; 4) археологически кривичи выделяются в две этнографические группы – а) смоленско-полоцкие кривичи, б) псковские кривичи; 5) в формировании кривичей важная роль принадлежит местному неславянскому этническому субстрату: а) участие одного из которых – балтского – легло в основу этнографической группы смоленско-полоцких кривичей, б) другого – преимущественно прибалтийско-финского (но также и балтского) – легло в основу этнографической группы псковских кривичей; 6) археологически кривичи прослеживаются до XIII века [19, с. 158-159].

П.Н. Третьяков полагал, что в середине и 2-й половине I тыс. н.э. движение славян «отдельными ручейками» осуществлялось с юга, хотя, «возможно, наперерез их движению с запада шла другая, сравнительно незначительная волна славянского расселения», причем балтское население сохранялось в виде «островков» [40, с. 280]. В конце 3-й четверти I тыс. н.э., по мнению исследователя, последо-

вала новая миграционная волна славянского населения, оставившего «после себя своеобразные погребальные памятники – длинные курганы» [40, с. 280]. Это были кривичи, «западное» происхождение которых П.Н. Третьяковым не отрицалось [40, с. 282]. Признавал П.Н. Третьяков и участие местных балтов, подвергшихся ассимиляции славянами, в формировании славянских этнических общностей [37], но не считал балтийский субстрат исключительной особенностью белорусской народности, а относил его наличие к формированию всей древнерусской народности [39].

Таким образом, взгляды В.В. Седова на восточнославянскую этническую историю были близки к взглядам П.Н. Третьякова, который также считал кривичей славянами и связывал длинные курганы с этим славянским населением [34, с. 233-236]. Это позволило Е.А. Шмидту в одной из последних своих работ, посвященных кривичам, употребить формулировку «концепция Третьякова-Седова» [47, с. 23].

Несколько отличное от взглядов П.Н. Третьякова и В.В. Седова мнение об этнической принадлежности кривичей было высказано В.Л. Яниным и М.Х. Алешковским в статье, посвященной вопросу происхождения Новгорода. По мнению авторов данной публикации, принимая во внимание свидетельства археологии и лингвистики о «балтийско-славянском контингенте населения Новгорода», с учётом кривичской атрибуции культуры длинных курганов, которая хотя и «не имеет чисто славянского облика» (объясняется это тем, что «балтийские славяне в своем движении с запада на восток должны были пройти через неславянские массивы племен и осесть среди этих массивов, подпав под влияние их культуры»), «неизбежно следует признать кривичей славянами», но славянами балтийскими [51, с. 51].

Гипотезы В.В. Седова в основном придерживался и Л.В. Алексеев. В вышедшей в свет в 1966 г. монографии «Полоцкая земля» [4] им уделено внимание этнической атрибуции длинных курганов (которые Л.В. Алексеев

полагал кривичскими [4, с. 34]), проанализированы результаты по более поздним археологическим памятникам [4, с. 35-49], сделан вывод об ассимиляции кривичами в Полотчине и Смоленщине аборигенного балтийского населения [4, с. 34]. В очерке о Полоцкой земле, исследователь, ссылаясь, в числе других авторов, на В.В. Седова и не рассматривая «кривичскую» тему подробно, пишет о славянстве кривичей [3, с. 206] и принадлежности им длинных курганов [3, с. 212-215]. В 2007 г. данная работа Л.В. Алексеева была напечатана в 5-м выпуске серии «Наследие Полоцкой земли» (с небольшими картографическими и иллюстративными дополнениями) [2].

В монографии Л.В. Алексеева, посвященной Смоленской земле в IX -XIII вв., опубликованной в 1980 г., культуре длинных курганов отведено незначительное место [5, с. 33-35]. Про этническую атрибуцию этой археологической культуры сказано, что она, «по В.В. Седову – славянская, по мнению некоторых других исследователей, – также балтская» [5, с. 33]. О бесспорно славянских племенах на территории будущего Смоленского княжества, по мнению автора, «можно говорить лишь с IX в. То были кривичи...» [5, с. 33]. Одной из последних работ Л.В. Алексеева, касающейся рассматриваемой нами тематики, является сводный труд «Западные земли домонгольской Руси» [1], опубликованный в 2006 г.

Подытоживая, можно причислить В.В. Седова и близких к нему по взглядам других исследователей к представителям того подхода к этнической идентификации кривичей, который условно назовем «**славянским**».

В археологическом аспекте проблема этнической принадлежности кривичей во многом связана, о чём уже говорилось, с этнической интерпретацией погребений длинных курганов. Славянская атрибуция этих археологических памятников признавалась не всеми отечественными исследователями.

Следует отметить, что подобного рода суждения в работах некоторых из них не всегда сопровождались отрицанием принадлежно-

сти кривичей к славянам. Так, в уже упомянутой рецензии на работу В.В. Седова «Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья» М.И Артамонов пишет: «Мнение о славянской принадлежности длинных курганов и в настоящее время распространено в археологической науке, хотя и не может считаться доказанным. То, что эти курганы не кривичские, вытекает из их распространения за границами кривичской территории. ...самая принадлежность их не только кривичам, но и славянам вообще остаётся более чем сомнительной. С значительно большей вероятностью, чем славянскими, их можно признать балтскими памятниками» [6, с. 251]. В другом месте: «Длинные курганы следует учитывать наряду с другими памятниками, представляющими тот балтский субстрат, с участием которого происходило формирование белорусов...» [6, с. 254].

В работе И.И. Ляпушкина «Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства» читаем: «...мнение, что древнейшими известными археологическими памятниками кривичей являются длинные курганы ...принять ...в той общей форме, в какой оно выступает в литературе, нельзя» [13, с. 19-20]; «...длинные курганы не могут быть признаны специфическими погребальными памятниками ...кривичей, даже если допустить, что они в какой-то своей части оказались бы памятниками славянской культуры. Однако достаточных данных для обоснования этого (последнего) положения ...нет» [13, с. 96]; «...длинные курганы VIII-IX вв. являются свидетелями ...того, что в VIII-IX вв. наряду с проникшими сюда славянами здесь продолжали жить и балты» [13, с. 117-118]; «...достоверно славянскими могильными памятниками ...следует считать круглые и полусферические курганы с трупопожжением» [13, с. 117]. Но в то же время кривичи Ляпушкиным упомянуты в одном месте работы как северные славяне [13, с. 22], а в обзоре письменных источников – как одно из славянских племён [13, с. 24].

Доводы Артамонова и Ляпушкина о неславянской принадлежности длинных курганов, приведённые в указанных работах, были

рассмотрены В.В. Седовым и, по его выражению, «отвергнуты» [19, с. 54] в монографии, посвящённой этим археологическим памятникам [20, с. 36-41].

Для понимания дальнейшего формирования позиции М.И. Артамонова по этнической идентификации кривичей необходимо обратиться к опубликованной уже после его смерти (в 1990 г.) статье, пролежавшей в архиве, как указано редакцией, «почти 20 лет». В ней автор уже считает возможным утверждать, что в IX в. кривичи ещё не славяне, а балты, и «название «кривичи», по-видимому, не славянское, а балтское, только в славянской огласовке, перенесённое с балтов на славян» [7, с. 284].

Среди исследователей, которые занимают «колеблющуюся позицию в отношении длинных курганов», И.И. Ляпушкин в последней своей монографии называет Е.А. Шмидта и Е.И. Горюнову [13, с. 96].

Упоминание Ляпушкиным имени Шмидта в таком контексте станет для нас отправной точкой для рассмотрения иного подхода к этнической идентификации кривичей, отличного от того, к которому принадлежал Седов.

Обращение к работам Е.А. Шмидта закономерно. Е.А. Шмидт, так же как В.В. Седов, является представителем поколения исследователей, чья научная деятельность началась в 50-х гг. XX в. и по времени охватывает рассматриваемый в настоящей статье историографический период. Предметом его научного интереса была и остаётся история кривичей и археологическая культура длинных курганов. Как писал сам Шмидт в одной из последних своих работ, изучением культуры длинных курганов он занимается с 1951 г., а раскопки их в пределах Смоленского Поднепровья и Подвинья им проводились «в течение ряда лет с 1952 по 1994 гг.» [47, с. 26].

Важно также, что взгляды Е.А.Шмидта по вопросу этнической принадлежности кривичей в полной мере отражают отношение части научного сообщества к данной проблеме, сформировавшееся во многом на отрицании славянского происхождения длинных курганов.

В 1963 г. в «Материалах по изучению Смоленской области» публикуется исследование Шмидта об археологических памятниках 2-й половины I тысячелетия, в котором автор смоленско-полоцкие курганы относит к древностям балтов [42]. В дальнейшем, уже в XXI в., Шмидт неоднократно обращается к этой своей работе в более поздних исследованиях [47, с. 30, 49; 50, с. 114, 115]. В 1969 г. в работе, посвящённой балтской культуре, Шмидт вновь высказывает мнение о возникновении длинных курганов «в балтийской среде» [43, с. 144]. К тем же выводам исследователь приходит после изучения женского инвентаря смоленских длинных курганов, что находит своё отражение в публикации 1970 г. в «Материалах по изучению Смоленской области» [44].

Таким образом, с 60-х гг. XX в. археологическая культура смоленско-полоцких длинных курганов рассматривается Шмидтом как имеющая балтское происхождение¹. Данное утверждение является ключевым моментом в его подходе к этнической идентификации кривичей.

Собственно «кривичская» тематика стала разрабатываться Шмидтом вслед за признанием этим исследователем к началу 70-х гг. прошлого века смоленско-полоцких длинных курганов кривичскими археологическими памятниками. Его работы, посвящённые кривичам, выходят в 1972 [48], 1973 [41], 1980 [49], 1985 [45] и последующих годах.

Позицию Е.А. Шмидта по этнической идентификации кривичей можно представить следующим образом: 1) «кривичи как группа населения сформировались к рубежу VII и VIII вв. в землях Восточной Литвы и Юго-Восточной Латвии и по своей культуре были балтами. В VIII в. расселились на значительных пространствах Подвинья и Поднепровья» [46, с. 78]; 2) археологическими

¹ За рамками настоящей статьи остаются изменения в позиции Е.А. Шмидта по длинным курганам на разных этапах его научной деятельности. Представляется важным, что начавшаяся формироваться с первых лет исследовательской работы его точка зрения на смоленские длинные курганы как древности балтов в дальнейшем стала ключевой в его научных взглядах.

памятниками этого балтского населения является культура смоленско-полоцких длинных курганов; 3) данная археологическая культура «распространилась в Поднепровье и Подвинье в уже сложившемся виде» [50, с. 118]; 4) балтское население культуры длинных курганов будет правильнее условно называть «Крива (Krieva)» [47, с. 113]; 5) к середине IX в. среди балтов «постепенно расселяются славянские племена»: а) «на Двине – славяне-полочане», б) на Днепре – «смоляне» [47, с. 79]; 6) происходит процесс ассимиляции славянами местного балтского населения; 7) «культура двух групп населения настолько сближается, и патронимический этноним «кривичи» к XI в. распространяется на все население Смоленского Поднепровья, Витебско-Полоцкого Подвинья и Верхнего Поволжья, т. е. на славянизированных Krieva, славян и некоторые группы славянизированных поволжских финнов, обитавших на рассматриваемых нами пространствах» [47, с. 79-80].

Для обоснования своих выводов Е.А. Шмидт приводит не только данные археологических источников, но также обращается к письменным памятникам. По мнению исследователя, в пользу балтской идентификации кривичей свидетельствуют известия о кривичах в недатированной части «Повести временных лет». Он обращает внимание на то, что «среди пришедших славянских племен, владевших славянской грамотой, кривичи не названы», «в отличие от всех славянских племен для кривичей используется определение «сеждать» без «пришли», так же как и для неславянских племён, «кривичи и их места расселения характеризуются не теми определениями, как все славяне», следовательно, кривичи «приравниваются к неславянским аборигенным племенам» [47, с. 115]. «Летописец, по всей видимости, сознательно не причислил кривичей к племенам, говорившим по-славянски, или к племенам, имевшим другие свои языки, так как их язык даже в его время (рубеж XI и XII вв.) имел свои особенности и несколько отличался от языков славянских племен, обитавших в Поднепровье

и на смежных территориях, хотя, возможно, был летописцу понятен в отличие от «инни языци», – утверждает он [47, с. 116].

По мнению Е.А. Шмидта, у кривичей был свой язык, отличный от славянского. В последующем, когда в результате контактов со славянами активизировалась ассимиляция кривичей, «не исключено, что первоначально возникало двуязычие, ... язык кривичей стал заметно изменяться», однако, «еще в XI в. у кривичей сохранялись некоторые особенности их, уже славянизированного языка» [47, с. 116].

Итогом исследований Е.А. Шмидта стало формирование подхода к этнической идентификации кривичей, который условно можно назвать «**балтским (или балтийским)**».

Не находит места кривичам среди славянских этнических общностей в известиях «Повести временных лет» и Г.С. Лебедев. Исследуя этногеографию Восточной Европы по материалам этого письменного источника, Лебедев представил классификацию летописных этнических общностей, в которой кривичи – автохтоны, в отличие от славянских племён, которые являются мигрантами. В иерархии восточноевропейских племён по характеристикам «Повести временных лет» кривичи занимают место между славянскими и не славянскими племенами [11, с. 415-423; 12].

Однако представление Лебедева об этнической принадлежности кривичей отлично от мнения Шмидта, как впрочем, и Седова. В одной из работ Лебедева содержится гипотеза, в которой этническая идентификация кривичей рассматривается все же через призму славянского этногенеза [10]. По мнению исследователя, «в глубинах лесной зоны Восточной Европы продолжалось самостоятельное развитие «протославянских» группировок... Это проявилось и в своеобразном двойственном положении таких этнических образований, как летописные «кривичи» [10, с. 112]. Поэтому, считает Лебедев, «Повесть временных лет не включает их в число племён «славянского языка», но и не обособляет от остальных славян как иноязычные финно-

угорские или летто-литовские племена. Они, видимо, воспринимались как население, хотя и отличное по своим историко-этнографическим судьбам, но близкородственное славянам...» [10, с. 112].

Подход Г.С. Лебедева к этнической идентификации кривичей можно условно называть «протославянским» и представить в следующем виде: 1) кривичи – «протославянская» этническая общность; 2) представляющая собой «население, хотя и отличное по своим историко-этнографическим судьбам, но близкородственное славянам»; 3) древностями этого населения являются смоленско-полоцкие длинные курганы, «а, возможно, также... новгородские сопки и псковско-боровичские длинные курганы» [10, с. 112].

Таким образом, в рассматриваемый историографический период сформировались различные научные направления исследования этнической принадлежности кривичей. Отсутствие единства по данному вопросу объясняется недостаточностью соответствующих письменных источников и, как следствие этого, необходимостью прибегнуть к интерпретации существовавшего археологического материала, за счёт которого происходило (и происходит) расширение исследовательской базы. Между тем данные археологических изысканий на сегодняшний день не позволяют дать однозначного ответа на поставленный перед научным сообществом вопрос об этнической идентификации летописных кривичей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеев Л.В. Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры. В 2 кн. Кн.1. – М.: Наука, 2006. – 289 с.
2. Алексеев Л.В. Полоцкая земля. – Полоцк: А.И. Судник, 2007. – 50 с.
3. Алексеев Л.В. Полоцкая земля // Древнерусские княжества X-XIII вв. – М.: Наука, 1975. – С. 202–239.
4. Алексеев Л.В. Полоцкая земля (Очерки истории Северной Белоруссии) в IX-XIII вв. – М.: Наука, 1966. – 295 с.
5. Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX-XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. – М.: Наука, 1980. – 261 с.
6. Артамонов М.И. Некоторые вопросы отношений восточных славян с болгарами и балтами в процессе заселения ими Среднего и Верхнего Поднепровья (В.В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970) // Советская археология. – 1974. – № 1. – С. 245–254.
7. Артамонов М.И. Первые страницы русской истории в археологическом освещении // Советская археология. – 1990. – № 3. – С. 271–290.
8. Гринблат М.Я. К происхождению белорусской народности (По поводу теории субстрата) // Советская этнография. – 1968. – № 5. – С. 79–92.
9. Жучкевич В.А. К вопросу о балтийском субстрате в этногенезе белорусов // Советская этнография. – 1968. – № 1. – С. 107–113.
10. Лебедев Г.С. Археолого-лингвистическая гипотеза славянского этногенеза // Славяне. Этногенез и этническая история. (Междисциплинарные исследования). Межвузовский сборник. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. – С. 105–115.
11. Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. – СПб.: Евразия, 2005. – 640 с.
12. Лебедев Г.С. Этногеография Восточной Европы по «Повести временных лет» // Историческая этнография: традиции и современность. Проблемы археологии и этнографии. Вып. II. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. – С. 103–111.
13. Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства (VIII – первая половина IX в.). Историко-археологические очерки. Материалы и исследования по археологии СССР. № 152. – Л.: Наука, 1968. – 187 с.
14. Мавродин В.В. Образование древнерусского государства. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1945. – 432 с.
15. Насонов А.Н. К вопросу об образовании древнерусской народности // Вестник АН СССР. – 1951. – № 8. – С. 69–70.
16. Очерки истории СССР: Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III–IX вв. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 947 с.
17. Рыбаков Б.А. Древние русы (К вопросу об образовании ядра древнерусской народности в свете трудов И.В. Сталина) // Советская археология. XVII. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – С. 23–104.
18. Рыбаков Б.А. Проблема образования древнерусской народности в свете трудов И.В. Сталина // Вопросы истории. – 1952. – № 9. – С. 40–62.
19. Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. – М.: Наука, 1982. – 326 с.
20. Седов В.В. Длинные курганы кривичей. Археологические исследования. – М.: Наука, 1980. – 261 с.

- логия СССР. Свод археологических источников. Вып. Е1-08. – М.: Наука, 1974. – 67 с.
21. Седов В.В. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 317 с.
 22. Седов В.В. Ещё раз о вкладе балтов в культуру восточных славян (о статье Г.Ф. Соловьевой «О роли балтского субстрата в истории славянских племен Верхнего Поднепровья») // Советская археология. – 1973. – № 3. – С. 73–81.
 23. Седов В.В. Ещё раз о происхождении белорусов // Советская этнография. – 1969. – № 1. – С. 105–121.
 24. Седов В.В. К происхождению белорусов (Проблема балтского субстрата в этногенезе белорусов) // Советская этнография. – 1967. – № 2. – С. 112–129.
 25. Седов В.В. Кривичи // Советская археология. – 1960. – № 1. – С. 47–62.
 26. Седов В.В. Север Восточно-Европейской равнины в период переселения народов и в раннем средневековье (предыстория северновеликорусов) // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 218. – М.: Наука, 2005. – С. 12–24.
 27. Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. Материалы и исследования по археологии СССР. № 163. – М.: Наука, 1970. – 199 с.
 28. Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. – М.: Фонд археологии, 1995. – 416 с.
 29. Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. – М.: Языки русской культуры, 2002. – 624 с.
 30. Седов В.В. Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах древней Руси // Советская археология. – 1961. – № 2. – С. 103–121.
 31. Седов В.В. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX–XIV вв.) // Советская археология. XVIII. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – С. 190–229.
 32. Соловьева Г.Ф. О роли балтского субстрата в истории славянских племен Верхнего Поднепровья // Советская археология. – 1971. – № 2. – С. 124–132.
 33. Тараканова С.А. Древности Псковской земли / По следам древних культур: Древняя Русь. – М.: Гос. Изд-во культ.-просв. лит.-ры, 1953. – С. 187–216.
 34. Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. 2-е изд. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 311 с.
 35. Третьяков П.Н. Восточные славяне и балтийский субстрат // Советская этнография. – 1967. – № 4. – С. 110–118.
 36. Третьяков П.Н. Кривичи // Советская историческая энциклопедия. Т. 8. – М.: Советская энциклопедия, 1965. – С. 150.
 37. Третьяков П.Н. О балтах и славянах в области Верхнего Поднепровья // Acta Baltico-Slavica. Т. VI. – Bialystok, 1969. – С. 117–128.
 38. Третьяков П.Н. У истоков древней Руси / По следам древних культур: Древняя Русь. – М.: Гос. Изд-во культ.-просв. лит.-ры, 1953. – С. 9–34.
 39. Третьяков П.Н. У истоков древнерусской народности. Материалы и исследования по археологии СССР. № 179. – Л.: Наука, 1970. – 156 с.
 40. Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. – М.-Л.: Наука, 1966. – 307 с.
 41. Шмидт Е.А. Археологические данные о формировании кривичей // Этногенез белорусов: тезисы докладов на конференции, 3–6 дек. 1973 г. – Минск: АН БССР, Институт искусствоведения, этнографии и фольклора, 1973. – С. 21–23.
 42. Шмидт Е.А. Археологические памятники второй половины I-го тысячелетия н.э. на территории Смоленской области // Материалы по изучению Смоленской области. Вып.5. – Смоленск: Смоленское книжное изд-во, 1963. – С. 85–128.
 43. Шмидт Е.А. Балтийская культура в верховьях Днепра во второй половине I-го тысячелетия н.э. // Acta Baltico-Slavica. Т. VI. – Bialystok, 1969. – С. 129–144.
 44. Шмидт Е.А. К вопросу об этнической принадлежности женского инвентаря из смоленских длинных курганов // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. VII. – М.: Московский рабочий, 1970. – С. 219–235.
 45. Шмидт Е.А. К вопросу об этническом составе населения Смоленского Поднепровья и Подвинья в IX–X вв. н.э. // Тезисы докладов советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии. – М.: Наука, 1985. – С. 117–118.
 46. Шмидт Е.А. Кривичи и варяги на волоках пути «Из варяг в греки» // Древнейшие государства Восточной Европы. 2009 г. Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. Памяти Игоря Сергеевича Чичурова. – М.: Индрик, 2010. – С. 78–87.
 47. Шмидт Е.А. Кривичи Смоленского Поднепровья и Подвинья (в свете археологических данных). – Смоленск: И.А.Флиманкова, 2012. – 168 с.
 48. Шмидт Е.А. О некоторых особенностях курганных погребений XI–XIII вв. в земле кривичей // Новое в археологии. Сборник статей, посвященный 70-летию А.В. Арциховского. – М.: Изд-во МГУ, 1972. – С. 145–151.
 49. Шмидт Е.А. Особенности погребального обряда кривичей XI – начала XIII вв. в верховьях Днепра в связи с вопросами их этногенеза // Те-

- зисы докладов советской делегации на IV Международном конгрессе славянской археологии. София, сентябрь 1980 г. – М.: Наука, 1980. – С. 87–89.
50. Шмидт Е. Особенности этнокультурного развития племён Смоленского Поднепровья и смежных территорий в VIII-X веках н.э. // Гістарычна-археалагічны зборнік. – 2002. – № 22. – С. 113–120.
51. Янин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. – 1971. – № 2. – С. 32–61.

УДК 433

Слободянина А.В.

Московский государственный областной университет

ИТОГИ И ПОСЛЕДСТВИЯ АНГЛО-ФРАНКО-СОВЕТСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

A. Slobodyanina

Moscow State Regional University

RESULTS AND CONSEQUENCES OF ENGLISH-FRENCH-SOVIET NEGOTIATIONS BEFORE THE SECOND WORLD WAR IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Аннотация. Статья посвящена особенностям освещения переговоров Великобритании, Франции и СССР в 1939 г. в отечественной историографии. Автор делает вывод, что советские историки рассматривают эти переговоры как упущенную возможность создания коллективного фронта защиты мира и предотвращения Второй мировой войны. Они обвиняют англо-французских участников в провале переговоров и считают, что СССР был единственным борцом за мир. Современные авторы результаты переговоров оценивают по-разному. Одни обвиняют английских и французских дипломатов в том, что переговоры не увенчались заключением договора. Другие считают виновным и СССР и говорят о предательстве интересов Англии и Франции при заключении пакта Молотова-Риббентропа.

Ключевые слова: советская историография, постсоветская историография, англо-франко-советские переговоры, политика умиротворения, пакт Молотова-Риббентропа.

Abstract. The article is devoted to the specific features of the way Russian historiographers highlight the negotiations held by Great Britain, France and the Soviet Union in 1939. The author comes to the conclusion that these negotiations were considered by the Soviet historiographers as a missed possibility to organize a joint front defending peace and preventing the Second World War. They find faults with the English-French participants of the negotiations imposing the responsibility for their failure on these countries. Besides, they believe that at that time the USSR was the only country which struggled for peace. Contemporary authors assess the results of the negotiations differently. Some scientists accuse the English and French diplomats of not reaching the agreement. Other historians find faults with the USSR too and point out that the Molotov-Ribbentrop non-aggression pact betrayed the interests of Great Britain and France.

Key words: Soviet historiography, post-Soviet historiography, English-French-Soviet negotiations, the policy of appeasement, the Molotov-Ribbentrop pact (of Non-Aggression between Germany and the USSR).

Вторая мировая война занимает особое место в историческом процессе. Много дискуссий возникает вокруг вопросов, связанных с началом Второй мировой войны. Историография этой темы очень обширна. Отечественные историки по-разному отвечают на вопрос о причинах войны и виновниках в её развязывании. Вопрос об англо-франко-советских переговорах 1939 г. – один из ключевых в этом направлении. Главной идеей дипломатических и военных переговоров трёх государств было заключение между Францией, Англией и СССР союзного договора, который был бы направлен против экспансионистских устремлений Германии. Было ясно, что фашистское правительство ведёт дело к новой мировой войне. Чем дольше Франция, Великобритания и другие страны проводили политику умиротворения, тем больше росли аппетиты Германии. Советское руководство одно из первых увидело опасность новых потрясений. Прогрессивно мыслящие круги Англии и Франции тоже осознавали ошибочность политики умиротворения. Участники переговоров обсуждали возможность помо-

© Слободянина А.В., 2013.

щи, в том числе и военной, друг другу и ряду других государств, которые не могли защитить себя самостоятельно в случае нападения на них Германии. От результатов этих переговоров зависело, удастся ли предотвратить новую мировую войну, создав коллективный фронт защиты мира...

Целью данной работы является рассмотрение в хронологической последовательности вопроса о том, как освещались итоги и последствия англо-франко-советских переговоров в отечественной историографии. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) рассмотреть особенности советской историографии данного вопроса,
- 2) выявить общие черты и направления постсоветской историографии этих переговоров.

Первые отклики и мнения о результатах переговоров стали появляться уже в августе 1939 г. Их давали сами участники событий. Естественно, их мнения во многом определяли направления в историографии 1939 г.

Среди советских учёных, изучавших эту тему, можно особо отметить В.Я. Сиполса, М. Панкрашову, И. Овсяного, В.Ф. Мальцева, Н.Н. Яковлева.

Большое внимание этому вопросу уделил В.Я. Сиполс, выпустив в свет ряд монографий: «Внешняя политика Советского Союза. 1936–1939»; «Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны»; «Тайны дипломатические: Канун Великой Отечественной, 1939–1941 гг.»; «На пути к великой победе. Советская дипломатия 1941–1945 гг.»; «За кулисами иностранной интервенции в Латвии. 1918–1920»; «Тайная дипломатия. Буржуазная Латвия в антисоветских планах империалистических держав. 1919–1940» и многие другие работы. Такое обилие книг обусловлено тем, что Вилнис Янович Сиполс – доктор исторических наук, профессор – в течение 25 лет работал в Министерстве иностранных дел СССР, с начала 1970-х гг. он был заведующим сектором истории внешней политики Советского государства института Истории СССР АН СССР. Что характерно – он сохра-

нил свои взгляды и после разрушения СССР. Все его книги логически связаны. Сам автор необходимость написания книг, посвящённых предвоенным годам, объясняет тем, что существует «накопившийся за полвека огромный круг источников. В нашей стране издан ряд документальных сборников. Стали доступны принципиально важные для освещения рассматриваемых проблем архивы, в том числе архив Народного комиссариата иностранных дел СССР... Эти документальные материалы, вместе с имеющимися дневниками и воспоминаниями общественных и политических деятелей тех лет, а также научными исследованиями дают возможность обстоятельно осветить весь комплекс основных внешнеполитических проблем того времени» [17, с. 7].

Труд М. Панкрашовой и В. Сиполса «Почему не удалось предотвратить войну. Московские переговоры СССР, Англии и Франции (Документальный обзор)» позволяет реконструировать в хронологической последовательности события кануна Второй мировой войны. Авторы в изложении материала делают упор на документы. В тексте много цитат, выдержек из писем советских, английских, французских дипломатов. К каждому документу авторы дают комментарии, пояснения, проводят сравнение, анализируют, делают выводы. Например, они приводят доказательства двойной игры английских и французских дипломатов. Документальный анализ содержится и в работе Н.Н. Яковлева «Накануне, 1931 – 1939: как мир был ввергнут в войну: Краткая история в документах, воспоминаниях и комментариях [Сборник]». В этом же направлении можно отметить труд В.Ф. Мальцева «Документы по истории Мюнхенского сговора, 1937 – 1939 гг.».

Одним из классических примеров работ, относящихся к советской историографии англо-франко-советских переговоров накануне Второй мировой войны, является труд И. Овсяного «1939: последние недели мира».

Взгляды этих авторов во многом схожи. Многие историки утверждают, что дипломаты Англии и Франции знали о намерениях

Гитлера из данных своих разведок! Почему же они не предприняли никаких мер? Историки считают, что «западные империалисты поставили неприязнь к СССР и свои личные интересы выше государственных», а переговоры с СССР рассматривали как «средство перестраховки¹ на тот случай, если их попытки договориться с гитлеровцами всё же будут безрезультатными и они окажутся в состоянии войны с Германией» [13, с. 12]. Ярко подтверждает эту мысль такой пример: Беран – лидер аграрной партии Чехословакии, принадлежащий к крайне правому крылу чехословацкой реакции, на совещании узкого круга представителей правящей «элиты» вытащил из кармана бумажник, хлопнул им по ладони и сказал: «Если придёт Гитлер, он мне его оставит, а Ворошилов его отнимет!» И. Овсянный подытожил эту фразу: «Бумажник – дороже родины! – такова аксиома в мире капитала» [12, с. 45].

Н.Н. Яковлев ссылается на полномочного представителя СССР в Великобритании И.М. Майского, утверждавшего, что и в правительственных кругах Англии далеко не все поддерживали идею сближения с Германией и попытки столкнуть её с СССР. Он приводит высказывания в воспоминаниях У. Черчилля о том, что Чемберлен хотел умиротворить, реформировать Гитлера, привести его к полному смирению. В частных беседах он о Чемберлене говорил жёстче: «Он думает, что можно ехать верхом на тигре» [18, с. 78].

Многие историки, писавшие об англо-франко-советских переговорах, говорят об отношении народов Англии и Франции, а также ряда политиков, дипломатов к Мюнхенскому сговору. В. Мальцев пишет: «Англо-германская декларация, подписанная 30 сентября в Мюнхене, вызвала во Франции удивление и определённое недоверие к английской внешней политике. Толкование, которое давали декларации некоторые газеты, например, «Фелькишер беобахтер», назвавшая её неким пактом о ненападении, только усилила это недоверие. Поэтому 1 октября премьер-министр Чемберлен направил пред-

седателю французского правительства послание, в котором подчеркнул значение франко-английского сотрудничества и тесных связей между двумя государствами. На это послание председатель совета министров Даладье ответил 4 октября очень тепло, указав, «что дружба обоих народов, ещё больше укрепившаяся во время сентябрьского кризиса, является наиболее прочной гарантией мира» [5, с. 408–409].

Ещё одной яркой иллюстрацией того, как многие французские и английские дипломаты проводили политику, которая противоречила мнению народов этих стран и их интересам, является запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР с послом Франции от 16 октября 1938 г.: «... англичане, включая даже членов кабинета, жаловались на то, что, противясь политике Чемберлена и его планам, они обманулись в своих надеждах получить поддержку со стороны Даладье и Бонне...» [5, с. 367]. При этом многие английские дипломаты осознавали явный провал политики умиротворения, что видно из их дневниковых записей. О. Харви – личный секретарь министра иностранных дел Англии, пишет, что германское правительство как будто смеялось над англичанами [16, с. 220–221].

Однако Лондон и Париж готовы были менять методы, но не цели! Ведя переговоры с СССР, они не теряли надежды договориться с Германией. Кроме того, эти державы «боялись, что СССР, поставленный в положение международной изоляции, может согласиться на какую-то форму нормализации отношений с Германией, например, на подписание с ней договора о ненападении» [16, с. 224–225].

Во время переговоров военных миссий СССР, Англии и Франции, Лондон и Париж были готовы вести переговоры, но не имели конечной цели подписать выгодный для всех сторон договор. При этом П. Дракс говорил, что К.Е. Ворошилов «не хотел терять времени и стремился как можно скорее заключить соглашение с Францией и Британией» [16, с. 262–269]. А в это время «во Франции всё громче раздавались голоса за заключение со-

¹ Так в тексте.

юза трёх держав – Франции, Англии и СССР. Известный французский буржуазный журналист А. Кериллис резко критиковал главу правительства Э. Даладьё и его сторонников, как открытых врагов Союза с СССР, считавших верхом дипломатического искусства подталкивание Германии к захвату Украины. Он говорил, что отказ от заключения англо-франко-советского союза – это крушение антигерманской плотины на Востоке Европы, к тому же влекущее за собой соглашение между Германией и СССР» [17, с. 254–255].

Советские авторы приводят много доказательств того, что именно Советский Союз постоянно пытался предпринять все возможные усилия для достижения конечного результата – подписания союзного договора. Они уверены, что «войну ещё можно было предотвратить» [17, с. 17]. Эти историки указывают на то, что именно наша делегация была самой авторитетной и представительной из всех трёх и имела наибольшие полномочия: подписать договор, а не вести переговоры о договоре, как это было у английских и французских представителей. В связи с этим они называют пакт Молотова-Риббентропа вынужденным решением [13, с. 94–97], являющимся не результатом настойчивой политики Германии, а следствием провала англо-франко-советских переговоров 1939 г.

Авторы считают, что поднятая ими тема очень важна для понимания послевоенной жизни и расклада сил на внешнеполитической арене. Актуальность исследуемой ими проблемы они обосновывают следующим образом: «... нельзя пройти мимо того факта, что в западных державах встречается немало историков, которые пытаются представить эти события в искажённом виде. То и дело появляются работы, авторы которых стремятся любыми средствами оправдать англо – французских участников мюнхенской сделки, снять с английского и французского правительств вину за безрезультатность московских переговоров 1939 г. Более того, имеют даже место попытки возложить вину за начало Второй мировой войны на единственного в то время последовательного борца за мир –

Советский Союз. Такого рода попытки не являются чем-то новым. В своё время они были убедительно опровергнуты в исторической справке «Фальсификаторы истории». Однако империалистические круги, силы милитаризма и реванша по-прежнему стремятся извратить прошлое, в частности для того, чтобы оправдать в глазах народов свою нынешнюю политику, чреватую опасностью новой, ещё более разрушительной войны» [13, с. 3–4].

Несколько работ, посвящённых предвоенному периоду, опубликовал В.К. Волков в соавторстве с другими историками. О трансформации взглядов данного автора следует сказать особо.

Те его работы, которые относятся к советскому периоду, написаны с «традиционной» точки зрения. Например, предисловие его книги «Мюнхен – преддверие войны (исторические очерки)» озаглавлено следующим образом: «Мюнхенский сговор и тенденции империалистической политики в период общего кризиса капитализма» [4, с. 3]. Характерен и подзаголовок к разделу III этой книги: «Социалистические страны и ликвидация международно-правовых последствий Мюнхенского сговора» [4, с. 271]. В другой монографии, «1939 год: уроки истории», он говорит об англо-франко-советских переговорах как об упущенной возможности [2, с. 298–318].

Тем не менее в 1990-е гг. взгляды этого историка, видимо, кардинально изменились. Так, в книге «Восточная Европа между Гитлером и Сталиным, 1939–1941 гг.» глава II озаглавлена «Гитлер, Сталин и генезис четвёртого раздела Польши» [3, с. 77]. Он пишет о том, что в конце 30-х гг. Польша играла довольно значительную роль на международной арене. Эта роль не была predeterminedена её историческим развитием и не являлась результатом целенаправленных действий польского правительства, но В.К. Волков считает, что значение этой роли до сих пор недостаточно оценено историками [3, с. 77]. Автор приводит «несколько типичных примеров такого насквозь идеологизированного подхода», ссылаясь на работы В.Я. Сиполса, В.Т. Фомина,

А.А. Громыко («История дипломатии»), А.А. Гречко и других авторов [3, с. 77–78].

В постсоветской историографии по указанной теме тоже есть различные исследования. Некоторые авторы продолжают развивать те идеи, которые выдвигались ещё советскими учёными, и их взгляды близки к тем, что высказывались их предшественниками. Но есть среди современных авторов и те, кто придерживается совершенно противоположных взглядов: они критикуют позиции, изложенные в работах советских учёных. Их взгляды часто совпадают с теми, что высказываются зарубежными авторами.

К авторам, продолжающим традиции советских учёных, можно отнести Н.А. Нарочницкую, В.М. Фалина, С. Переслегина, А.Б. Мартиросяна.

Одна из наиболее значительных работ в этом направлении – труд Н.А. Нарочницкой в соавторстве В.М. Фалиным и другими учёными «Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну». Название монографии очень символично: слово «партитура» означает многоголосье в хоре или оркестре [1, с. 174]. Эта работа подготовлена Фондом исторической перспективы во взаимодействии с комиссией при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории. В этом коллективном труде представлены документы из архива внешней политики МИД РФ, часть из которых только недавно рассекречена и ранее не издавалась: письма, телеграммы, записи бесед дипломатов, мемуары, дневниковые записи.

Среди исследований по данной теме стоит отметить и работу С. Переслегина «Новая история Второй мировой».

Несколько работ о взаимоотношениях СССР с Великобританией, Францией, Германией и другими странами есть у А.Б. Мартиросяна. В книге «Кто привёл войну в СССР?» он описывает сложную международную обстановку 1930-х гг., которая привела к Мюнхенскому договору [6, с. 33–37]. Он рассказывает о многовековых корнях антироссийской политики Англии. Эти идеи он развивает в работе «Кто проторил дорогу к пакту» [7, с.

3–5]. Также он поднимает проблему исторических мифов о секретных протоколах к пакту Молотова-Риббентропа, о визите В.М. Молотова в Берлин в начале 1940 г. Эти и другие мифы он разоблачает в работе «Сговор диктаторов или мирная передышка?» [9, с. 3–5]. В книге «Накануне 23 августа 1939 г.» он рассматривает торгово-экономический аспект заключения договора и развеивает мифы о том, что Сталин и ряд других руководящих лиц в СССР, якобы, были «интендантами Гитлера» [8, с. 256].

Что касается взглядов этих авторов, то можно выделить и общие черты – все они подчёркивают особую роль СССР в переговорах и считают, что советская делегация была единственной, кто стремился к заключению договора на деле, но в их работах есть и особенные неповторимые черты.

Например, С. Переслегин рассуждает следующим образом: «Вторая мировая война не кончилась без малого 65 лет назад. Она продолжается до сих пор – в исторических исследованиях и школьных учебниках, в романах и фильмах. И приходится признать, что сегодня мы терпим поражение в войне, выигранной нашими дедами и прадедами. С каждым годом Великая Победа всё менее достоверна – в новой реальности, навязываемой нам врагами России, Великая Отечественная низведена до уровня второстепенного фронта Второй мировой, Советский Союз ничем не лучше гитлеровской Германии, а горячий снег Сталинграда и падение Берлина не важнее «спасения рядового Райана» или «списка Шиндлера»... Велика русская история, а отступать больше некуда – потому что от того, кто выиграет эту войну за людские умы и сердца, зависит не только наше Прошлое и Настоящее, но и Будущее» [14, на обложке].

Н.А. Нарочницкая считает, что давно назрела необходимость самостоятельной и свободной от идеологических клише оценки событий, происходивших в мире накануне Великой Отечественной войны [11, с. 5]. В этом отношении с ней нельзя не согласиться. Проблема искажения исторических фактов и борьбы с фальсификацией истории, умыш-

ленной или непреднамеренной, остаётся одной из важнейших проблем современности и проходит красной нитью через всю монографию.

Она высказывает очень интересное мнение о начале Второй мировой: «Историческая правда заключается в том, что к моменту нападения Гитлера на Польшу 1 сентября 1939 г., что и считается, не вполне обоснованно, датой начала Второй мировой, мировая война уже шла полным ходом и в Азии и в Европе, и в Африке, где страны «оси» – Германия, Италия и Япония – уже в течение нескольких лет ультиматумами и вводом войск переделывали мир и границы, которые стали зыбкими, как никогда ещё в истории. Гитлер с попустительства западных демократий захватил Австрию и Чехословакию. Китай, борясь с середины 30-х годов с японской агрессией, уже потерял миллионы жизней, а Италия оккупировала Албанию и погубила в муках 200 тысяч абиссинцев, применив отравляющие вещества» [11, с. 5]. Несмотря на то, что такая позиция не является традиционной, она достаточно основательно аргументирована.

Н.А. Нарочницкая поднимает и проблему закрытости ряда важнейших источников для изучения, исследования, обнародования. Она считает, что многие западные учёные, вместо того, чтобы добросовестно открывать неисследованные страницы истории и архивы, видят свою главную задачу в том, чтобы избавиться от комплекса неполноценности. Она добавляет, что часто и мы сами предаём своё Отечество, его историю, «наши постсоветские либералы» говорим, что у «плохого» Советского государства не было ничего «правильного». Этот тезис стал на Западе основой для дискуссий о начале Второй мировой войны, «где замолчал негромкие возражения отдельных добросовестных учёных, СМИ не удосуживаются обсуждать ни документы, ни новые факты, а лишь обрушиваются на тех, кто не побоялся смело разворошить их гнездо лицемерия» [11, с. 5].

Н.А. Нарочницкая призывает рассекретить документы о политике западных держав, которые Россия не публиковала все послево-

енные годы из тактичности перед союзниками по антигитлеровской коалиции: «даже немногочисленные отдельные публикации документов неопровержимо свидетельствуют, что именно западные державы, прежде всего, Британия, положили начало масштабному европейскому переделу мира и границ, заключив мюнхенский стовор, как в советской историографии называли англо-франко-германо-итальянское соглашение 1938 г. о расчленении Чехословакии» [11, с. 6].

Но ряд современных авторов склонен отстаивать идеи, характерные для большинства западных историков, желающих возложить на СССР равную с другими странами ответственность за неудачный исход переговоров, обвинить его в предательстве интересов союзников при заключении пакта Молотова-Риббентропа. Среди таких работ – статья М.М. Наринского «Международно-политический кризис кануна Второй мировой войны».

В этой статье реконструированы события внешнеполитического кризиса 1938–1939 гг., завершившегося Второй мировой войной. Автор проанализировал события в Европе, начиная с кризиса в Чехословакии, описал действия правительства Польши, причины и следствия провала переговоров между СССР, Англией и Францией о создании эффективного механизма противодействия агрессивным планам нацистской Германии. М.М. Наринский считает: «В результате взаимного недоверия англо-франко-советские переговоры закончились провалом... Напротив, в условиях подготовки нападения на Польшу, руководство Германии форсировало развитие отношений с СССР, вплоть до заключения договора о ненападении, сопровождавшегося подписанием дополнительного секретного протокола. Его подписание было тактическим успехом для СССР, обернувшимся стратегическим поражением» [10, с. 23]. И далее: «Недооценка угрозы со стороны гитлеровской Германии, неготовность к разумным компромиссам обусловила неудачу тройственных англо-франко-советских переговоров весной-летом 1939 г... Предвоенный

международно-политический кризис дал яркие примеры недалёковидности и политических просчётов, следования устаревшим догмам и нежелания осознать принципиально новые явления в международной обстановке» [10, с. 44]. Таким образом, СССР обвиняется наравне с другими участниками переговоров. Но сам автор пишет, что по этому вопросу нет единого мнения [10, с. 42].

По ряду вопросов мнение М.М. Наринского совпадает с выводами авторов, о которых говорилось выше: «бесспорно, основным поджигателем войны стала гитлеровская Германия, а также её союзники... Западные державы проводили порочную политику умиротворения агрессора, рассчитывая установить новый международный порядок с участием гитлеровской Германии. На деле эта политика поощряла агрессоров, позволила им без сопротивления Запада осуществить слом Версальской системы» [10, с. 43]. Он согласен, что СССР в сложившейся международной обстановке принадлежит особая роль: «Советское руководство стремилось предотвратить новый Мюнхен, не допустить масштабного соглашения Великобритании и Франции с Германией без участия СССР» [10, с. 43–44].

Из всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Работы В. Сиполса, М. Панкрашовой, И. Овсяного, В.Ф. Мальцева, Н. Яковлева, В. Волкова, Н. Нарочницкой, С. Переслегина, А. Мартиросяна, М. Наринского и других исследователей актуальны. В историографии англо-франко-советских переговоров есть два направления:

1) Советский Союз был единственным в то время последовательным борцом за мир, переговоры закончились провалом из-за соответствующей позиции представителей Великобритании и Франции, что и вынудило СССР пойти на заключение пакта Молотова-Риббентропа (к ним относятся представители советской историографии и ряд современных отечественных авторов);

2) другая точка зрения заключается в одобрении политики умиротворения и возложении вины за безрезультатность переговоров

в равной степени на всех участников. Её сторонники ставят в вину советскому руководству заключение пакта Молотова-Риббентропа после провала англо-франко-советских переговоров (таких позиций придерживается ряд западноевропейских и современных российских авторов, а также, некоторые историки, которые в 1990-е гг. «перекрасились», изменив свои взгляды).

На мой взгляд, ввиду изложенных выше фактов и примеров, наиболее убедительной представляется первая точка зрения.

Провал англо-франко-советских переговоров 1939 г. во многом предопределил Вторую мировую войну, так как не был создан надёжный коллективный фронт защиты мира.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Большая Советская энциклопедия / Гл. ред. Введенский. 2-е изд. Т. 32. – М., 1955. – 648 с.
2. Волков В.К., Илюхина Р.М., Кошкин А.А. 1939 год: уроки истории. – М., «Мысль», 1990. – 508 с.
3. Волков В.К., Гибианский Л.Я., Валеева Е.Л. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным, 1939–1941 гг. – М., 1999. – 524 с.
4. Волков В.К. Мюнхен – преддверие войны (исторические очерки). – М.: Наука, 1988. – 308 с.
5. Мальцев В.Ф. Документы по истории Мюнхенского сговора, 1937–1939 гг. – М.: Политиздат, 1979. – 471 с.
6. Мартиросян А.Б. Кто привёл войну в СССР? – М., 2007. – 608 с.
7. Мартиросян А.Б. Кто проторил дорогу к пакту. – М: Вече., 2009. – 464 с.
8. Мартиросян А.Б. Накануне 23 августа 1939 г. – М., 2009. – 320 с.
9. Мартиросян А.Б. Сговор диктаторов или мирная передышка? – М., 2009. – 464 с.
10. Наринский М.М. «Международно-политический кризис кануна Второй мировой войны» // «Завтра может быть уже поздно...» Вестник МГИМО – Университета. Спец. выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны [сб. ст. и материалов]. – М., МГИМО, 2009. – С. 23–47.
11. Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? / Нарочницкая Н.А., М.В. Демулин, С.Н. Дрожжин [и др.]. – М.: Вече, 2009. – 409 с.
12. Овсянный И. 1939: последние недели мира. – М.: Изд-во политической литературы, 1981. – 318 с.
13. Панкрашова М., Сиполс В. Почему не удалось предотвратить войну. Московские переговоры

- СССР, Англии и Франции (Документальный обзор). М.: Изд-во агентства печати новости, 1970. – 125 с.
14. Переслегин С. Новая история Второй мировой. – М.: Яуза; Эксмо, 2009. – 608 с.
15. Сиполс В.Я. Внешняя политика Советского Союза, 1936 – 1939 гг. – М.: Наука, 1987. – 335 с.
16. Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. Второе издание (доработанное и дополненное). – М.: Международные отношения, 1989. – 235 с.
17. Сиполс В.Я. Тайны дипломатические: Канун Великой Отечественной, 1939–1941 гг. – М., 1997. – 447 с.
18. Яковлев Н.Н. Накануне, 1931 – 1939: как мир был ввергнут в войну // Краткая история в документах, воспоминаниях и комментариях [Сборник]. – М.: Политиздат, 1991. – 272 с.

УДК 930.23

Егоров Д.И.

Московский государственный областной университет

КРИТЕРИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ И РОЛЬ ИДЕОЛОГИИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ИСТОРИИ Х. УАЙТА

D. Yegorov

Moscow State Regional University

CRITERIA OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE AND ROLE OF IDEOLOGY IN H. WHITE'S LINGUISTIC THEORY OF HISTORY

Аннотация. Неуклонное расширение исследовательского пространства исторической науки происходит под воздействием активной интеграции различных дисциплин. Однако некритическое заимствование методик ведет к потере понимания специфики изучаемого предмета. В противовес традиционному историографическому анализу, американский историк Х. Уайт использовал средства литературной критики в исследовании исторических текстов XIX в. и пришел к выводу о художественной природе исторического познания. В статье рассмотрены взгляды Уайта, на основе которых концепции исторического развития не могут иметь статус научных и приобретают «объективное значение» лишь в соответствии с идеологическими дискурсами. Ретроспективный анализ данных убеждений позволяет видеть в них результат неконструктивной критики прежней историографической практики в период обновления теоретико-методологической базы исторической науки во второй половине XX в.

Ключевые слова: лингвистический поворот, дискурс, парадигма, когерентность, идеологический подтекст, детерминизм.

Abstract. Steady expansion of the research space of historical science occurs under the influence of active integration of various disciplines. However, noncritical methodology adoption results in the loss of understanding of the studied subject specificity. Unlike the traditional historiographic analysis, the American historian H. White to resorted to literary criticism while researching the historical texts of the XIXth century and came to the conclusion that historical cognition has an artistic nature. The article examines H. White's views on the basis of which the concepts of historical development cannot have a scientific status. They acquire "objective value" only in accordance with ideological discourses. The retrospective analysis of the views given shows them as a result of nonconstructive criticism of the historiographic practice in the period of renovating of the theoretical and methodological base of historical science in second half of the XXth century.

Key words: linguistic turn, discourse, paradigm, coherence, ideological implied sense, determinism.

Идеи одного из основоположников «лингвистического поворота» в истории Х. Уайта, «разоблачившего» миф о сциентизации исторического знания в XIX в. и «определившего» поэтическую структуру исторического познания, широкого и общепризнанного воплощения в практике собственно историографического исследования так и не получили. К настоящему времени понятийный аппарат и методология Х. Уайта последовательно не применяются в характеристиках и анализе творчества историков и философов истории исследователями не «нарративистского» направления, да и таких остается все меньше. Конкретно-практическая несостоятельность подхода, после долгих дискуссий о его перспективе, дает основания рассматривать его в ретроспективной стезе. Сам «лингвистический поворот» стал лишь одним из нескольких произошедших за последнее время методологических поворотов, и современная историческая наука развивается скорее как альтернатива структуралистским и пост-структуралистским представлениям, а не как их дальнейшее производное.

Статья наиболее значимого отечественного исследователя творчества Х. Уайта М.А. Кукарцевой, посвященная юбилею историка, подводит итоговую черту после пика несколько запоздавшего интереса к «Метаистории» в России. Итоговыми можно считать и завершающие статью слова: «Риторико-спекулятивный подход, который предложил Уайт в качестве метода исторических исследований, не вполне адекватен сегодняшним реалиям исторической науки; возможно, что он не вполне адекватен исторической науке вообще; но парадокс в том, что и вне этого подхода история как дисциплина уже не возможна.» [4, с. 34] Данный парадокс особенно характерен для «новой интеллектуальной истории», где происходит теоретическое осмысление родственных связей истории и литературы; осмысление проблемы того, на каких, собственно, основаниях историки утверждают, что повествуют достоверно о прошлом, а не занимаются вплетением фактов в сконструированные их воображением образы, картины, сюжеты. Понимая, что риторические формы играют активную смысловую роль в исторических текстах, историк должен быть внимателен к их рефлексии, подвергать критическому самоанализу используемый лингвистический арсенал, дабы отображаемое им прошлое не обрастало не специфическими для него чертами [2, с. 23].

Меж тем, всякое смешение действительно и формального, в случае с Уайтом – сведение познания прошлого к литературной критике исторического текста, свидетельствуют о выстраивании дальнейшей цепи рассуждений на основе ложных убеждений. Эти убеждения наиболее четко проявляются в рассуждениях Уайта о том, какие критерии определяют научность знания, и вывод, что история не соответствует этим критериям, а также в рассуждениях о роли противоборствующих идеологий в конструировании взаимоисключающих картин исторического развития.

Конечно же, Уайт не отрицает эмпирической данности прошлого, его критика обращена к теоретическому и философскому

уровням исторического знания. Концептуализация здесь, по его мнению, имеет не когнитивный, а дискурсивный характер, то есть зависит не от природы фактов, а от той повествовательной формы, в которой они будут изложены [9, с. 23-24]. По каким же критериям определять, создана теория научным или не научным путем? Уайт рассуждает следующим образом: «Прогресс естественных наук происходит на основе соглашений, достигаемых время от времени между членами устоявшихся сообществ ученых о том, что считать научной проблемой, какую форму должно иметь научное объяснение и какие типы данных решено считать доказательством истинно научного подхода к реальности. Среди историков такого соглашения нет и никогда не было. Это может отражать всего лишь протонаучную природу дела историографии, но важно иметь в виду, это врожденное несогласие, относительно того, что считать специфически историческим объяснением любой данной совокупности исторических феноменов» [9, с. 32].

Налицо известная ошибка некорректного сопоставления критериев достоверности исторического знания с критериями естественных и точных наук [11, р. 10]. При этом для характеристики научного знания Уайт широко использует понятие «парадигма», в первичных формулировках Т. Куна, как конвенциональное согласие научного сообщества в исключительности определенной фундаментальной теории с ее методологическими средствами [5, с. 236-243]. Также Уайт сравнивает историю с физикой XVI в., где картины мира строились от разных метафизических образов и состояние знания можно определить как протонаучное. Данное положение объясняется тем, что тогда в физике не было надежных средств для наблюдения и опытов, невозможно было создать доказанные системные представления и от них выводить аргументацию дедуктивно-номотетическим путем.

Отсутствие возможности непосредственного наблюдения и проверяемого опыта не означает, что историки не могут получать объективную информацию из источников,

отражающих не только взгляды автора, но и бывшую социальную действительность. В употребляемый же термин «парадигма», в строгом понимании, не попадает не только история, но и весь комплекс социально-гуманитарного знания. Это обусловлено многоаспектностью социально-исторических феноменов, диалектическом переплетением в них субъективного и объективного, присутствием потенциала альтернативного развития. Что, собственно, и предполагает, а порой и требует, наличия различных исследовательских позиций, каждая из которых может заключать в себе «рациональное зерно» [3, с. 456]. Не конвенциональное согласие определяет значение полученного исторического знания, а его когерентные способности, то есть возможность дополнять и включаться в систему накапливаемого опыта. Так, Уайт противопоставляет исторические концепции в гегельянстве, романтизме, позитивизме, марксизме как противоречащие друг другу в представлениях о том, что представляет собой картина исторического развития и что подразумевается под его объективным содержанием. Причины противоречий он видел в использовании различных повествовательных стратегий и дискурсивных практик, что якобы и составляло теоретическое содержание этих концепций. Скорее оправданно рассматривать эти концепции как дополняющие друг друга, во взаимной критике раскрывавшие новые аспекты исторического знания. Гегель раскрыл диалектические законы социального развития, в романтизме закрепился принцип историзма, позитивизм способствовал развитию вспомогательных исторических дисциплин, Маркс обосновал роль материальных факторов в истории. Все обозначенное и является индикатором научного подхода, определяющего объяснение по сущностным признакам, а не по формальным – нарративным характеристикам. Рациональное содержание концепций, а не дискурсивное, определяет их эпистемологический потенциал.

Только убеждение Уайта в ненаучности истории дало ему оправдание в подклю-

нии средств литературной критики к анализу структуры исторического познания и отождествлении его с художественным творчеством. Само это убеждение лишь продукт своего времени, когда в университетах США пересматривались догмы позитивистской историографии, его Уайт оценил не исторически, что послужило поводом к поиску причин непознаваемости прошлого, смешению вымысла и реальности.

Другим убеждением Уайта, легшим в основу его концепции «эстетического историзма», стало представление, что этико-идеологические предпочтения историков являются причинными по отношению к интерпретации характера исторического развития. «Помоему, не существует внеидеологических оснований, по которым можно было судить о конфликтующих концепциях исторического процесса и исторического знания, к которым апеллируют различные идеологии. Ибо, поскольку эти концепции восходят к этическим соображениям, данная эпистемологическая позиция, исходя из которой можно судить о их когнитивной адекватности, сама по себе представляла бы лишь еще один этический выбор... Я не могу и утверждать, что одна концепция исторического знания более «научна», чем другая, не проявляя предвзятости в отношении того, чем должны быть специфически историческая или социальная наука» [9, с. 46]. Так, консерваторы и либералы непременно представят историческое развитие в эволюционном виде, радикалы – в виде революционных скачков, анархисты – как регресс.

Причины этих представлений Уайт видит в лингвистических основаниях. Он рассматривает идеологическую позицию автора как подтекст в структуре нарратива, который для эффекта убедительности должен соответствовать определенному литературному жанру, формируя предписания к формальным и содержательным свойствам произведения. Лингвистическая теория истории оправдывает за своим видением различных картин исторического процесса не более чем различные виды прозаического дискурса, де-

терминированного практикой конструирования значений на основе художественных форм языка.

Удивительно то, что представители «лингвистического поворота» и постмодернизма обвиняют историографические школы в сведении исторического развития к каким-то первичным основаниям, в той мере, в какой они считают целесообразным, в соответствии со своей этикой. Иными словами, для них детерминизм – это всегда идеологическая предвзятость. Хотя сами «нарративисты» кладут анализ языка в основу всех представлений о культуре и человеке, по сути, видя в нем эти первичные основания [8, с. 25-30]. Равным образом и у Уайта лингвистический инструментарий автора формирует текст с характерной идеологической позицией, которая рассматривается не как проявление объективной социальной действительности, а как риторическое предпочтение. Здесь обнаруживается то представление, где язык рассмотрен не как символическое отражение реальности в сознании, а как самодовлеющая сила, создающая не только познание, но и саму реальность.

Но является ли сама лингвистическая теория Уайта деидеологизированным средством критики этически окрашенных концепций исторического развития? По идее, данная критика должна исходить из иных оснований. Фактически это претензия – в рамках социального познания выработать внесубъективную позицию, лишённую идеологических интенций, чего никогда не было. Крайне сомнительно; скорее, это неучет тех социокультурных рефлексий, под которыми сформировалась исследовательская позиция. А взгляды Уайта формировались в среде студенческих протестов 60-х гг. против тогдашней системы образования, участником которых был и он сам. Для студентов-историков было неприемлемо господство тогда политической истории, но отсутствие средств для реальной борьбы привело лишь к радикальному обвинению всей исторической науки в идеологической предвзятости [1, с. 27-28]. С течением временем, в конце 80-х

гг., когда рухнула социальная история в духе теории модернизации, идеи Уайта вышли из своего маргинального положения. Они включились в постмодернистское мировоззрение, органично сочетавшееся с глобальной масс-культурой и характерным отношением к историческому наследию как метафоротворчеству, конструирующим идентичности, апеллируя к прошлому. Сам Уайт так и остался радикалом, и в своих оценках стал все менее категоричен, рассуждая о нерациональной и необъективной природе исторического познания [10, с. 159].

Современное прочтение «Метаистории» показывает, что это была книга своего времени. Мало кто из историков сейчас воспримет ее как откровение, определяя троп, под воздействием которого он пишет текст, его сюжет, тип формального доказательства или идеологический подтекст. С другой стороны, прекратились панические настроения, предупреждающие конец историографии, а нарративный анализ стал неотъемлемой частью источниковедческого исследования. В России с «Метаисторией» познакомились в период критики якобы дискредитировавшего себя исторического материализма, и казалось, что с приходом «лингвистического поворота» разрушатся последние надежды объективного взгляда на прошлое. Меж тем отмечались и положительные черты этого вызова: отказ от упрощенных взглядов на субъекты истории с позиций культурного и социального редукционизма, понимание, что история – не «служанка идеологии», поиск реальности вне дискурса, осторожность в междисциплинарных заимствованиях, дабы собственный предмет сохранял свою специфику [7, с. 124-134].

Но необходимо отметить и сохраняющиеся отрицательные последствия «лингвистического поворота». Хотя история и сохранила свой научный статус, не став разновидностью литературного творчества, когерентные критерии исторической истины стали неразрешимой проблемой исторической эпистемологии [6, с. 270-274]. Историческая истина сейчас – все более лишь прагматический аспект методологической установки или эк-

зистенциональное предпочтение историка. Что касается критики в «лингвистическом повороте» риторики идеологических курсов «метанарративов», то она повлекла за собой кризис идентичности, в которой люди осознавали бы общее в исторических путях. Историческое сознание замкнулось в рамках этнических, гендерных, профессиональных групп и т.д. Идеология не ушла из исторических представлений, она лишь перестала быть тотальной. Но и следствием установки на безграничную толерантность и бесосновательный плюрализм явились фрагментарность и мозаичность знания, что стало препятствием к историческому синтезу, в проектах которого усматриваются лишь претензии установления диктата определенной интерпретации.

Идеи Уайта об активной роли риторических форм в исторических объяснениях и неустранимости идеологического подтекста из представлений об историческом процессе сохраняют определенное значение и сейчас. Критике подверглась интерпретация этих идей с позиции гносеологического релятивизма, характерной для Уайта. В историографическом аспекте методологическая установка историка неразрывна с мировоззренческими взглядами и социальными условиями, существующими в конкретный исторический период. Ошибкой Уайта видится попытка создания внеисторического взгляда на историческое познание путем выявления относительно устойчивых лингвистических элементов в его структуре. Однако внеисторических взглядов не бывает, есть только антиисторические, следование которым сти-

рает грань между вымыслом и реальностью, определяет прошлое как непознаваемое, что свидетельствует о непонимании историком тех рефлексий, под воздействием которых сложилась его исследовательская позиция.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Доманска Э. Философия истории после постмодернизма. – М.: Канон+:РООИ «Реабилитация», 2010. – 400 с.
2. Зверева Г.И. Реальность и исторический нарратив: проблемы саморефлексии новой интеллектуальной истории // Одиссей. – 1996. – М.: Наука, 1996. – С. 11–23.
3. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. – М.: Наука, 2003. – 486 с.
4. Кукарцева М.А. Хейден Уайт и практика исторических исследований XX века // Диалог со временем. – 2008. – М.: Едиториал УРСС, 2008. – С. 8–34.
5. Кун Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.
6. Мегилл А. Историческая эпистемология. – М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2007. – 479 с.
7. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М.: Кругъ, 2011. – 560 с.
8. Хвостова К. В. Постмодернизм, синергетика и современная историческая наука // Новая и новейшая история. – 2006. – № 2. – С. 22–33.
9. Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века. – Екатеринбург.: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 528 с.
10. Уайт Х. Ответ Иггерсу // Одиссей. – 2001. – М.: Наука, 1998. – С. 156–161.
11. Comtois M. Introduction to Historical method [Электронный ресурс] // Spinning Clio: [сайт]. [2010]. URL: http://cliopolitical.blogspot.ru/2005/08/introduction-to-historical_112482482753969170.html (дата обращения: 23.05.2013).

УДК 94(470) «1947»

Волобуев О.В.

Московский государственный областной университет

**О МОТИВАЦИИ ОТБОРА КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ДЛЯ СТАЛИНА
(ПО СВОДКАМ ПИСЕМ 1947 г.)**

O. Volobuyev

Moscow State Regional University

**ON THE MOTIVES FOR SELECTING THE CORRESPONDENCE FOR STALIN
(ON THE SUMMARY OF 1947 CORRESPONDENCE)**

Аннотация. Научная новизна статьи заключается в попытке впервые установить мотивацию отбора писем, приходивших на имя И.В. Сталина, выяснить, какими соображениями руководствовались сотрудники Особого сектора ЦК ВКП(б), отбирая для Вождя самые важные, с их точки зрения, письма. Для анализа использованы письма 1947 г. (46 экземпляров) из ф. 558 Российского государственного архива социально-политической истории, полные тексты которых включены в представляемые лично Сталину сводки писем и заявлений на его имя. Произведена классификация писем по выделенным автором группам, и мотивация отбора определялась применительно к каждой из них. Разумеется, реконструкция мотивов не может не содержать элемента гипотетичности, и автор рассматривает статью как попытку разработать один из аспектов методики анализа данного эпистолярного источника. Приложением к статье является сводная таблица писем с краткими сведениями об авторах и содержании корреспонденции.

Ключевые слова: письма Сталину, тематика, авторы писем, мотивация отбора корреспонденции.

Abstract. The scientific novelty of the article consists in the attempt to state for the first time the motives for correspondence selection for I.V. Stalin, and the attempt to find out the reasons for choosing some of the letters out of many others and why they were considered to be of great interest by the staff of the Special Sector of the Central Committee of the CPSU. The author analyses 46 letters dating back to 1947 which were taken from the F. 558 of the State Archive of the History of Social and Political Sciences. The full texts of these letters were included into the summary of the correspondence meant for I. Stalin personally. The author classified the groups of letters and detected the motives in accordance with the classification. It is obvious that the reconstruction of the motives cannot but has some element of a hypothetical character, so the author considers this article as an attempt to work out one of the aspects of the methodology of analyzing epistolary sources. In the appendix to the article there is a summary table of correspondence where the author gives brief information about the authors and the content of the correspondence.

Key words: correspondence to Stalin, subject matter, authors of the correspondence, motives for correspondence selection.

В Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) в ф. 558 (оп. 11, д. 872, 873) имеется 46 полнотекстовых писем И.В. Сталину, которые в январе-июле 1947 г. были отобраны для него персонально. Отбор писем и заявлений на имя вождя производили сотрудники Особого сектора ЦК ВКП(б), которым в то время заведовал А.Н. Поскребышев. Сводок писем за вторую половину года в архиве не имеется, что, видимо, связано с отсутствием Сталина в Москве и пребыванием на юге по состоянию здоровья, подорванного предельным напряжением немолодого организма за годы военного лихолетья.

Письма, посланные на имя И.В. Сталина, представлены в архиве как в автографах, так и в машинописном виде. Часть этих писем (например, в основном письма-приветствия) были уже первоначально в машинописи. В любом случае представлялись оригиналы и сопроводительные материалы при их наличии (присылаемые фотографии и т. л.) или необходимости

(письма-сопровождения от лиц и учреждений). Письма из-за рубежа на иностранных языках переводились на русский язык (с указанием, кто переводчик). Наряду с полнотекстовыми письмами Сталину поступали аннотации на письма без предоставления оригинала. Таких аннотаций за январь-июль 1947 г. насчитывается 267. Такова была практика ознакомления Сталина с корреспонденцией неслужебного характера, направляемой на его имя. Большая часть писем распределялась Особым сектором ЦК ВКП(б) на основании внутриведомственной аргументации по отделам ЦК, учреждениям и лицам.

В данной статье ставится задача прояснить, по мере возможности, каковы были принципы отбора писем, почему одни письма были представлены только аннотациями, другие – полными текстами. В этом ключе будут проанализированы тематика писем и данные об авторах. Бесспорно, во всех случаях мотивы точно установить не удастся, но такой подход и такая попытка, с нашей точки зрения, могут быть и оправданны и полезны. В качестве исходного материала для анализа будет использована составленная на основании сводок писем таблица, включающая следующие данные: ФИО автора и датировка корреспонденции, его профессия и социальный статус, место работы и должность, место жительства, краткое содержание обращения к Сталину (см.: табл.). Как правило, имеются пометки о судьбе письма, которое отправляется либо кому-то для исполнения (принятие мер, ответ), либо в архив. Такая графа также включена в таблицу.

Прежде всего, распределим письма по группам, исходя из тематики корреспонденции, личности авторов. При этом следует иметь в виду, что в отдельных случаях это отнесение к определенной группе может носить условный характер ввиду многослойности его содержания. Имеющиеся письма по тематике и жанру можно свести в следующие группы с указанием их количества:

- содержащие вопросы теоретического характера, 3 ед.
- с вопросами на общественно актуальные темы, 5 ед.

- проекты и предложения, 7 ед.
 - с просьбами о личной встрече, 4 ед.
 - с просьбами о материальной помощи, 3 ед.
 - с просьбами о решении разных практических вопросов, 2 ед.
 - с просьбой помочь разобраться в вопросах, связанных с жизнью и деятельностью Сталина, 4 ед.
 - с просьбами о восстановлении в правах и в партии, 4 ед.
 - с выражением благодарности, 5 ед.
 - приветственные письма, 7 ед.
 - информативные письма, 1 ед.
- Всего 46 ед.

Начнем с приветствий и благодарностей, так как для этой категории корреспонденции мотивация отбора ясна. В числе 7 приветственных писем имеются послания от общих собраний двух академий (Армянской и Эстонской), одного проводящего конференцию научного общества, совещания интендантов армии и флота, 2-го съезда Демократической партии Северной Кореи, собрания общественных организаций города Карловы Вары (Чехословакия), местной организации итальянской коммунистической партии стекольного завода в городе Венеция (местность Мурано). Принятие приветствий Сталину на собраниях и конференциях было обычным ритуалом, и они, видимо, поступившие от особо значимых Организаций, доводились до сведения Вождя. Приветствия от зарубежных коммунистов и общественных организаций также не были редкостью.

Пять благодарностей представляют наибольший интерес. Сталина благодарят корреспонденты-родители за предоставление возможности детям русских эмигрантов из Шанхая получить образование в СССР, переселенцы-украинцы из Чехословакии – за возвращение на отеческую землю и заботу, известный ученый академик Е.О. Патон – за внимание к внедрению электросварки, родители трактористки Паши Ангиной за присвоение ей звания Героя Социалистического Труда. К этой группе писем мы условно причислим также своеобразную благодарность

эдинбургского рабочего Симона Леви (Левинсона), выраженную в изготовлении им лично подарков Вождю, а именно: письменного стола с секретами и шахматной доски. С. Леви – эмигрант, выехавший из России накануне Первой мировой войны, и его бескорыстная благодарность Сталину, с именем которого связывается разгром нацистской Германии, можно понять. Таким образом, письма-благодарности могут быть написаны по конкретным поводам, но могут быть и без таковых, адресованы вождю как великой исторической личности в общественном сознании адресатов. Мотивация отбора писем-благодарностей также ясна.

Если суммировать приветствия и благодарности, то они (12) составляют чуть более четверти всей отобранной для Сталина корреспонденции, т.е. весьма значительную ее долю.

К этим двум группам корреспонденции близки письма с просьбами о личной встрече со Сталиным. В этом случае отбор писем, полагаем, должен быть очень тщательным. Среди обращающихся и допущенных – либо люди, лично знавшие Сталина в прежние годы либо, скажем так, люди известные. Начнем с первой подгруппы. Воспользовавшись временным пребыванием в Москве, к Вождю обращается М.М. Хомерики, персональный пенсионер, принимавший в прошлом участие в революционной деятельности в Закавказье, в частности в Батумском восстании 1905 г. Аналогичной ситуацией пользуется и Н.Г. Касьянц (Мкоян Шишлык), бывший соратник, как он пишет, Сталина, Орджоникидзе, Кирова и даже Берии по революционной борьбе в Закавказье. О том же просит и третий участник революционного движения в Закавказье, И.Г. Мшидобадзе. Письмо с этой просьбой он направил на имя Л.П. Берии. К подгруппе людей известных, обращавшихся с просьбой о личной встрече, можно отнести мать Зои Космодемьянской.

Весьма интересны по авторству письма с просьбами о содействии с оказанием разных видов материальной помощи. Ясно, что не будь особых обстоятельств, такие письма

до Сталина бы не дошли. В данном случае важна личность автора. Вот к Сталину обращается студентка, дочь Мартироса Грикурова, товарища детства Сталина, с просьбой о пенсии ее отцу и помощи в обмене жилья для улучшения условий жизни. Дело, конечно, не в том, что это студентка, а в том, что она – дочь человека, которого знает вождь. И еще одно аналогичное письмо: от дочери, на этот раз, ссыльного революционера Мартына Горячева. Она в детстве, находясь вместе со своим отцом в ссылке в 1909 – 1911 гг., носила Сталину письма. И вот теперь, спустя много лет, вынуждена просить об оказании помощи ввиду тяжелого материального положения своей семьи. Помочь в получении персональной пенсии просит и некая Т.П. Сухова, по профессии педагог, которая в 1909 г. помогла Сталину совершить побег из сольвычегодской ссылки.

Выделяется группа писем с просьбами к Сталину проинформировать их авторов по вопросам, связанным со сведениями, имеющими отношение к жизненному пути Вождя. Так, Е. Окулова, автор книги о В.К. Курнатовском, интересуется отзывом и воспоминаниями Сталина об этом революционере. Литературовед С. Трегуб хочет выяснить, имел ли Сталин в 1925 г. разговор с Маяковским на вечере в Большом театре, и если да, то о чем. Секретарь Эчмиадзинского райвоенкомата С. Аликян спрашивает, когда и в связи с чем появилась фамилия Сталин. Несколько особняком стоит письмо историка М.С. Волина, информирующего о том, что в числе членов авторского коллектива нового издания краткой биографии И.С. Сталина отсутствует его фамилия, хотя ему принадлежит авторство 70 страниц текста¹.

К пяти вышерассмотренным группам писем можно добавить еще одно чисто информативное письмо. В нем речь идет о персо-

¹ Марк Самойлович Волин – доктор исторических наук, в 1930-е гг. работал в ИМЭЛ при ЦК КПСС, в 1940–1950-е гг. преподавал в МГУ, с 1959 г. ст. научный сотрудник Института истории СССР АН СССР. Состав авторского коллектива 2-го издания Краткой биографии И.В. Сталина: Александров Г. Ф., Галактионов М. Р., Кружков В. С., Митин М. Б., Мочалов В. Д., Поспелов П. Н. [1]

нальном денежном взносе (50 тыс. руб.) на восстановление из руин Сталинграда. В итоге количество писем по выше рассмотренным сюжетам равняется 24, что составляет более 50% от их общего числа.

Вторая половина писем характеризуется общественной значимостью поднятых в них вопросов, хотя степень этой значимости в разных группах и разных письмах может сильно различаться. Начнем с ежегодно встречающейся тематики просьб о реабилитации репрессированных групп населения и отдельных лиц. В анализируемых сводках три таких письма. Одно из них рядовое: хорист ансамбля советской оперы ВТО В. Астров просит восстановить его членство в коммунистической партии. Другое письмо с такой же просьбой гораздо интереснее. Его автор – не самое последнее лицо в политике и хронике советской разведки – А.О. Эйнгорн. Этот чекист, награжденный почетным значком ОГПУ «За участие в борьбе с контрреволюцией», был арестован в 1937 г. и осужден в 1939 г. на 8 лет заключения по обвинению в шпионаже. В письме, посланном на имя Поскребышева и переданном тем в сводку для Сталина, он описывает свои «подвиги» в борьбе с внутренним врагом – троцкистами и во вражеских странах и просит пересмотреть его дело, восстановить в гражданских правах и в рядах дорогой для него партии¹.

Эту группу писем завершает обращение спецпереселенца по фамилии Гайсенон П.Р., посланное из Беломорского района, Карело-Финской АССР. Суть письма: обоснование необходимости и целесообразности пересмотра дел спецпереселенцев с целью их освобождения. Как правило, отбор для Сталина писем по тематике реабилитации был связан либо с личностью обращавшегося (что собой представлял корреспондент), либо с широкой постановкой вопроса.

¹ Биография Абрама Эйнгорна увлекательна: матрос-комиссар бронепоезда «Свобода или смерть» в Гражданскую войну, особо уполномоченный разведупра штаба войск Украины и Крыма, а затем – Марокко, Сирия, Ирак, Турция, Индия, Западная Европа, США, Япония. Выжил на Колыме, в хабаровских и красноярских лагерях, но освободился инвалидом. Подробнее об А. Эйнгорне: [2].

К данной группе писем примыкает обращение к Сталину итальянской Ассоциации родственников военнопленных и пропавших без вести в СССР. В письме содержатся просьбы разрешить военнопленным вернуться на родину, а также представителям Ассоциации – посетить лагерь военнопленных и места захоронения погибших.

Обращались к Сталину и не по столь живо-трепещущим делам, как реабилитация. Иногда помощь требовалась по делам обычным, житейским, но таким, которые не решали соответствующие учреждения и инстанции. Так, группа инженеров обращается с просьбой разрешить им создать жилищный кооператив. В условиях послевоенной нехватки жилья это мог быть важнейший вопрос, и не случайно отчаявшиеся обрести крышу над головой люди дошли до Сталина. С персональной просьбой об издании и переиздании своих книг и с надеждой на поддержку в творческом труде обращается к Сталину семидесятилетний писатель Феоктист Березовский (род. 1877 г.), автор книг «Бабы тропы» и «Мать», весьма известных в 1920-е гг. Эти два письма можно отнести к группе просьб об оказании помощи в решении практических житейских вопросов.

Довольно значительную группу составляют проекты и предложения по самым разным вопросам. Подполковник в запасе П.К. Постовойтов, живущий в г. Стерлитамаке (Башкирская АССР), разработал проект денежной реформы. Не менее актуальна и докладная записка редактора «Ленинградской правды» А. Васильева «Мероприятия по урегулированию вопросов труда в СССР». Многие предложения не носили столь масштабного характера. Военный летчик П.Н. Шустов выступает с подробно разработанным планом использования самолетов для активного истребления волков. Другой летчик хочет ознаменовать празднование 30-летия Октябрьской революции полетом по вписанному в географию СССР звездообразному маршруту. Подполковник железнодорожного движения С.Х. Хумарьян предлагает всем Героям Труда присвоить тогда введенное почетное

звание Героев Социалистического Труда. Секретарь редакции газеты «Ревдинский рабочий» (Свердловская обл.) полагает, что следует изменить некоторые слова в государственном гимне СССР (речь идет о незначительных изменениях). Представляется, что мотивом отбора двух первых писем являлась их значимость (так, идея денежной реформы, можно сказать, носилась в воздухе), а что касается остальных предложений, навверное, поднятые в них вопросы никто, кроме Сталина, решить, как по мнению их авторов, так и по мнению составителей сводок, не мог.

Любопытно и показательно, что для Сталина были отобраны два письма, авторы которых предлагают отметить память президента США Рузвельта в связи двухлетием со дня его смерти. Ленинградец П.В. Левченко полагает, что Рузвельт заслуживает возведения в его честь памятника¹, И. Щербаков из г. Куйбышева предлагает посмертно наградить американского президента советским орденом. Это отзвуки высокой оценки вклада Рузвельта в советско-американское сотрудничество и победу над гитлеровской Германией и Японией во Второй мировой войны.

Для следующей группы писем характерна общественно актуальная тематика. Партийный агитатор из Москвы Я.П. Анненков просит дать ответ на волнующие трудящихся вопросы. Вопросы настолько острые (разрыв между материальной обеспеченностью и необеспеченностью разных групп населения), что, видимо, ни он, ни его непосредственные кураторы не берутся убедительно на них ответить. Чрезвычайно интересно письмо московского рабочего Маскалева, участника Великой Отечественной войны, орденоносца, который смело и откровенно рассказывает о тяжелом продовольственном положении простого столичного люда. Мотивация по двум первым письмам в этой группе определялась, думается, политической остротой тематики.

¹ В аннотации на письмо Левченко выделено его предложение о сооружении в Москве памятника Рузвельту, но большая часть письма посвящена успехам страны под руководством Сталина и вопросам к Вождю о том, кто может быть его преемником и продолжателем во главе партии, государства и армии.

Столь же смело высказывается о порядках в МГБ ст. лейтенант С. Блохин, критикующий режим работы и всю атмосферу в центральном аппарате этого ведомства, заставляющие чекистов находиться в напряженном состоянии по 14–16 часов ежесуточно, а также процветавшие там бюрократизм, мещанство и невежество. Блохин объясняет свое решение написать письмо тем, «что только Вы, т. Сталин, можете совершить «переворот» в МГБ СССР в отношении режима и порядков, только Вы можете вдохновить всех чекистов на то, чтобы они смелее развернули критику и самокритику, тем самым вскрыть дополнительные резервы для борьбы с врагами народа»². В случае с Блохиным все понятно: Сталин обязательно должен быть в курсе обстановки в центральном аппарате МГБ.

Скрипач, лауреат Всесоюзного конкурса, Михаил Гольдштейн интересуется мнением Вождя в отношении состояния современной отечественной музыки и заодно упрекает ведущих советских композиторов за отрыв от народного музыкального искусства. Вопросам геронтологии посвящено письмо академика Л.С. Штерн, директора Института физиологии АН СССР³. В нем явственно прослеживается стремление заинтересовать

² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 873. Л. 133.

³ Лина Соломоновна Штерн – известный физиолог, работала в Женеве, преподавала в Женевском университете, с 1925 г. – в СССР, инициатор создания Института физиологии, редактор «Бюллетеня экспериментальной биологии и медицины». В 1941 г. была избрана в президиум Еврейского антифашистского комитета, в январе 1949 г. арестована по «делу» этого комитета. В 1952 г., после длительного пребывания в тюрьме члены Еврейского антифашистского комитета были приговорены к высшей мере наказания. Л.С. Штерн, выдержавшая все допросы, была единственной, кто получил три с половиной года лишения свободы и пять лет ссылки. Ссылку отбывала в г. Джамбуле (Казахстан). По амнистии 1953 г. была освобождена и вернулась Москву, в 1958 г. реабилитирована. Первое письмо Сталину Штерн написала в мае 1943 г. в связи с исключением из редакции «Бюллетеня экспериментальной биологии и медицины» двух сотрудников, евреев по национальности. Ответа на это письмо о политике интернационализма в СССР не было. Не было ответа и на письмо 1947 г., но можно полагать, что оно, как и исследования по геронтологии и раковым заболеваниям, сыграло свою роль в «мягком» приговоре. Умерла Л.С. Штерн в 1968 г. Подробнее см. [3]

дряхлающего Вождя профилактическими достижениями геронтологии. Эти два письма в данной подборке были предусмотрительно сориентированы на интересы Вождя, да и авторы их были людьми заслуженными.

В заключение этого обзора рассмотрим три письма по теоретическим вопросам, которые якобы оказываются не под силу научному сообществу и соответственно попадают «на стол» к Сталину. Два из них посвящены проблемам истории философии и основополагающим понятиям диалектического материализма. Они написаны видными философами – зам. директора Института истории естествознания и техники Б.Г. Кузнецовым¹ и профессором физического факультета МГУ З.А. Цейтлиным². Третье письмо принадлежит подполковнику М.Ф. Кабинецкому, интересующемуся, сохранится ли компартия после построения коммунизма в СССР.

То, что к Сталину обращается Кабинецкий, понятно: кто же еще может авторитетно и окончательно ответить на такие фундаментальные и политически опасные дискуссионные вопросы. Но вот когда обращаются серьезные ученые, то стоит задуматься над их мотивами: или они искренне верят в неисчерпаемые теоретические ресурсы Вождя, или ищут авторитетного прикрытия в спорах с оппонентами.

Рассмотрим теперь, что собой представляют авторы адресованных Сталину писем, так как их личность или «коллективность» не могли не влиять на отбор. Из 46 писем 6 пришли из-за рубежа. Это главным образом коллективные приветствия и благодарности. Остальные 40 писем по авторству могут быть распределены по следующим профессиональным и статусным группам:

– учрежденные и производственные коллективы, 7 ед. (профессии их авторов в нижеприводимый перечень не включены)

– военнотрудовые, находящиеся на действительной службе и в запасе, 4 ед.

¹ Борис Григорьевич Кузнецов – доктор философских наук, автор ряда монографий, посвященных развитию теоретической физики и биографиям ученых (Г. Галилея, И. Ньютона, А.Эйнштейна и др.)

² Захар Аронович Цейтлин – специалист в области истории естественнонаучных теорий.

– работники МГБ (служащие и бывшие), 2 ед.

– ученые, 5 ед.

– бывшие участники революционного движения и их родственники, 5 ед.

– члены ВКП(б) со стажем и партийные активисты, 3 ед.

– писатели и литературоведы, 3 ед.

– журналисты, 2 ед.

– деятели искусства, 2 ед.

– работник умственного труда, 1 ед.

– родители известных (культовых) фигур, 2 ед.

– дочь друга детства Сталина, 1 ед.

– технический работник, 1 ед.

– рабочий, 1 ед.

– спецпереселенец, 1 ед.

Как видно из вышеприведенного перечня, среди авторов отобранных писем представлены самые разные социальные и профессиональные группы. Может, пожалуй, удивить только всего одно письмо от рабочего и полное отсутствие писем от крестьян. В то же время высока доля писем от самых разных представителей интеллигенции. Похоже, что на отбор писем социальная и профессиональная принадлежность авторов не имела мотивационного значения. Другое дело, – что уже отмечалось раньше, – не могли не учитываться такие обстоятельства, как известность самого автора (общественная, научная, писательская и т. д.) или его причастность к известной личности (чаще всего родственная).

Мотивация отбора писем в сводки имела важное значение в плане регулирования входящего до вождя информационного потока о жизни страны, общества, партии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография / Сост.: Александров Г. Ф., Галактионов М. Р., Кружков В. С., Митин М. Б., Мочалов В. Д., Поспелов П. Н. / 2-е изд., испр. и доп. – М., 1947. – 243 с.
2. Сидоров Н. Красный Джеймс Бонд / Ветхие страницы. Archive // URL: <http://carabaas.livejournal.com/3211474.html>. (June 29 th, 2010).
3. [Штерн Л.С] Трудные годы Лины Штерн / [Записал Малкин В.Б] // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР: Сб. ст. – М.: Наука, 1995. – С. 156–181.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сведения о письмах, включенных для ознакомления Сталина с их содержанием в сводки 1947 г.

Авторы и датировка писем	Социальный статус автора	Дополнительные сведения об авторе	Место жительства (пребывания)	Тема обращения	Кому направлено
1. Кузнецов Б.Г.	Профессор (историк науки, естествознания)	Зам. директора Ин-та истории естествознания и техники АН СССР	г. Москва	Идеология, связь прошлого с современностью, Естествознание	Жданову
2. Постовойтов П.К. 01.01.47, поступило 03.01.47	Подполковник в запасе		г. Стерлитамак, Башкирская АССР	Проект денежной реформы	На полях Сводки: «Дать мне»
3. Штерн Л.С. 30.01.47	Академик, биолог	Директор Ин-та физиологии АН СССР		Вопросы геронтологии	Молотову Имеются подчеркивания на полях
4. Левченко П.В. 16.12.47, поступило 11.01.47	Член ВКП(б) с 1926 г.		г. Ленинград	О памятнике Рузвельту. Вопросы о преемниках Сталина	Не отмечено
5. Космодемьянская Л.Г. 23.01.47	Мать Зои Космодемьянской		г. Москва ?	Письмо о личном приеме	Не отмечено
6. Группа инженеров завода № 156 МАП (5 подписей) 17.01.47			г. Москва	О разрешении создать жилищкооператив	Антонову Молотову
7. Березовский Ф.А. 18.01.47	Писатель	Участник революционного движения	г. Москва	Об издании и переиздании его сочинений и благодарности за награждение к 70-летию	Не отмечено Сводка
8. Астров В., поступило 06.01.47	Хорист	Ансамбль советской оперы ВТО	г. Москва	Письмо о восстановлении в партии	Жданову Сводка
9. Академия наук Армянской ССР			г. Ереван	Приветствие от общего собрания	Сводка
10. Окулова Е. 24.02.47, поступило 28.02.47	Член ВКП(б) с 1917 г., автор биографической книги о В.К. Курнаговском		г. Москва	Просит дать отзыв о В.К. Курнаговском как о человеке и революционере	Сводка
11. Курбатов Ф.М. 06.02.47	Отв. секретарь редакции	Газета «Ревдинский рабочий»	Гор. Ревда, Свердловской обл.	Об изменении отдельных слов в Имне СССР	Сводка
12. Грикурова М.М. 06.02.47, направлен Президиумом Верховного Совета 19.02.47	Дочь Мартироса Грикурова, тов. детства Сталина	Студентка педагогического института	г. Калинин	Письмо о пенсии отцу и о помощи в обмене жилья	Подлинник послан ЦК КП(б) Грузии 20.02.47

Продолжение табл. на с. 35

Авторы и датировка писем	Социальный статус автора	Дополнительные сведения об авторе	Место жительства (пребывания)	Тема обращения	Кому направлено
13. Родители двухсот детей из Шанхая, отправленных на учебу в СССР, послано 13.12.46, направлено 28.02.47			Генеральное консульство СССР в г. Шанхае	Благодарят за предоставление возможности детям получить образование	Сводка
14. Мшидობадзе И.Г., письмо на имя Л.П. Берия, переслано 10.02.47	Участник революционного движения		г. Тбилиси	Просьба о встрече со Сталиным	Сводка Приложена групповая фотография
15. Члены Научного Инженерно-Технического общества сельского хозяйства 12.02.47	Участники научной конференции			Приветствие тов. Сталину	
16. Анненков Я.П. 24.03. 1947	Агитатор		г. Москва	Просит дать ответ на волнующие трудящихся вопросы	
17. Гайсенко .П. Р. 27.02.1947	спецпереселенец		Вирандозерский МЛП, Беломорский р-н, Карело-Финской АССР	О необходимом пересмотре дел переселенцев с целью их освобождения	
18. Шустов П.Н. 6.03.1947	Легчик, полковник	Начальник Московского аэродрома МАП	г. Москва	Об истреблении волков с самолетов	
19. Щербаков И. 28.03.1947		Начальник Средне-Волжской экспедиции Нефтегаза	г. Куйбышев	Предлагает посмертно наградить Рузвельта советским орденом	
20. Волин М. 21.03.1947	Историк	Член авторского коллектива 1-го изд. Краткой биографии Сталина	г. Москва	Во 2-м изд. Краткой биографии Сталина обнаружил 70 стр. своего текста, но без включения его в этот авторский коллектив	Сводка
21. Гейнце-Горячева К.М. 6.03.1947	Дочь Мартына Михайловича Горячева, «работает на дому»	В 1909-1911 гг в ссылке носила Сталину письма от своего ссыльного отца	г. Москва	Просьба об оказании материальной помощи семье	
22. Сухова Т.П. 28.03.1947	Педагог, знала Сталина по ссылке в 1909 г.	Оказала Сталину помощь в победе из Сольвычегодска	г. Москва	Просьба о содействии в получении персональной помощи	Министерство ство просвещения РСФСР просит представить документы
23. Хомерики М.М. 25.03.1947	Персональный пенсионер, участник Батумского 1905 г. восстания	Был членом Батумской социал-демократической организации	г. Батуми	Находится в Москве и просит о встрече	Сводка

Продолжение табл. на с. 36

Авторы и датировка писем	Социальный статус автора	Дополнительные сведения об авторе	Место жительства (пребывания)	Тема обращения	Кому направлено
24. Н.В. Ангелин и Е.Ф. Ангелина Отпр. 23.03.1947	Родители Паши Ангелиной	Известность П.Н. Ангелиной	с. Бешево	Благодарность за присвоение дочери Героя Соц. Труда	Без пометок
25. Переселенцы из Чехословакии, по решению общего собрания	Крестьяне, коллективное		с. Ульбарово, Дубновского р-на, Ровенской обл.	Благодарность за возвращение на отеческую землю и заботу	
26. Кабинетский М.Ф. 15.04.1947	Подполковник		г. Рига	Просьба разъяснить, сохраняется ли компартия после построения коммунизма.	Сводка
27. Гольдштейн М. 3.04.47	Музыкант, скрипач	Лауреат Всесоюзного конкурса музыкантов-исполнителей	г. Одесса	Просьба указать на основные ошибки ведущих мастеров музыкального искусства	Сводка
28. Треуб С. Отпр. 3.04.47	Литературовед	Работает над книгой «Жизнь и творчество Маяковского»	г. Москва	Имел ли Сталин в 1925 г. разговор с Маяковским на вечеру в Большом театре?	Сводка
29. Маскалев А.И. 01.04.47 Записка Маленкова? Жданову	Рабочий	Участник Великой Отечественной войны, орденносец	г. Москва	Просьба принять меры по улучшению тяжелых условий жизни трудящихся	Сводка
30. Эйнгорн А.С., сопроводительное письмо на имя Поскребышева датировано 17.04.47	Сотрудник ВЧК-ОГПУ-НКВД с 1919 г.	Был осужден в 1939 г. на 8 лет за шпионаж, наказание отбыл	Адрес для сообщения: Москва, Л.Н. Сарней-Эйнгорн	Просьба о пересмотре дела, восстановлении в правах и в партии	Сводка
31. Участники совещания интендантов Армии и Флота	Хрулев и офицеры и генералы, без расшифровки фамилий			Приветствие вождю	Сводка
32. Козуля В.Д. 15.05.47	Легчик, мастер парашютного спорта		Платформа Чкаловская, Московской обл., НИИ ВВС	О перелете в честь 30-летия Октября, звездобразном	Архив
33. Хумарьян С.Х., по уполномочию Тбилисской кассы взаимопомощи Героев Труда 24.05.47	Подполковник железнодорожного движения, Герой труда	Начальник группы международных перевозок Закавказской ж/д	г. Тбилиси	Предлагает всем Героям труда присвоить звание Героя Социалистического Труда	Жданову
34. Круус Х., от имени сессии АН Эстонии, 24.05.47		Президент Академии наук Эстонской ССР	г. Таллинн	Приветствие тов. Сталину	Сводка
35. 2й съезд Демократической партии Северной Кореи, 14.04.47	Письмо получено через ГлавПУР Вооруженных сил СССР 30.05.47	Иностранная организация		Приветствие тов. Сталину	Сводка Архив

Продолжение табл. на с. 37

Авторы и датировка писем	Социальный статус автора	Дополнительные сведения об авторе	Место жительства (пребывания)	Тема обращения	Кому направлено
36. Васильев А., датировано май 1947, объем 10 маш. стр.	Редактор	Газета «Ленинградская правда»	г. Ленинград	Докладная записка «Мероприятия по урегулированию вопросов труда в СССР»	Вознесенскому
37. Цейтлин З.А. Отпр. 10.06.47, объем 5 маш. стр.	Профессор, ст. научный сотрудник	Физический ф-т МГУ, Ин-т философии АН СССР	г. Москва	Просьба ответить на вопросы, связанные с понятием «магерия»	Жданову
38. Итальянская Ассоциация родственников военнопленных и пропавших без вести в России. Получ. 19.04.47		Пер. 3.06.47	г. Виченца	Просьба отправить на родину военнопленных, а представителям Ассоциации посетить лагерь и места захоронений	Вышинскому
39. Смигон Леви (Левинсон), дата 23.05.47	Рабочий	Уроженец г. Харькова, эмигрировал 34 года тому назад (1913 г.)	г. Эдинбург (Англия)	Просьба лично вручить Сталину письменный стол, стул, шахматную доску, им лично изготовленные	Архив, копия Жданову
40. Касьянц Н.Г. (Мкоян Шиллык) 17.06.47	Бывший соратник по революционной борьбе в Закавказье	Помогал Сталину, Орджоникидзе, Кирову, и др.	В Москве на несколько дней	Просьба о личном приеме, ссылаясь на давнее обещание Сталина	Архив
41. Сысоев В.А., дата 20.06.47. Прилагается квитанция Госбанка	Работник умственного труда	От Сталина благодарность, не датирована	г. Пенза,	Сообщение о личном взносе 50 тыс. руб. на восстановление Сталинграда	Архив
42. Пагон Е.О. 11.06.47	Академик, депутат Верховного Совета СССР	НИИ электросварки АН УССР	г. Киев	Благодарность за внимание к внедрению электросварки	Архив
43. Капитанио Антонио Отпр. 18.04.47	Рабочий	Стекольный завод в Мурано	г. Венеция (Италия)	Приветствие от заводской парторганизации и свои стихи «Ленину»	Архив
44. Блохин С. Отпр. 12.07.47. Объем 11 стр.	Ст. лейтенант. Помощник опер. уполномоченного	Отдел 2-Е 2-го Главного Управления МГБ СССР	г. Москва	Записка о нетерпимом режиме в центральном аппарате МГБ	Берии
45. Аликин С. Отпр. 10.07.47	Секретарь первичной парторганизации	Эчмиадзинский райвоенкомат	г. Эчмиадзин Армянской ССР	Просьба о разъяснении, когда и в связи с чем появилась фамилия Сталин	
46. Карез Р. От имени собрания городских общественных организаций	Председатель городского национального комитета		г. Карловы Вары (Чехословакия)	Приветствие	

РАЗДЕЛ II. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 2:327.3(594) «20»

Воронин С.А.

Российский университет дружбы народов (г. Москва)

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ СВЕТСКОГО И ИСЛАМСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА В ИНДОНЕЗИИ (КОНЕЦ XIX – 1-ая ПОЛ. XX в.)

S. Voronin

People's Friendship University, Moscow

ON THE FORMATION OF A SECULAR AND ISLAMIC NATIONALISM IN INDONESIA (THE END OF THE NINETEENTH CENTURY – 1ST HALF OF THE XXTH CENTURY)

Аннотация. Статья посвящена проблеме генезиса и развития идеологии национализма в Индонезии. Автор рассматривает два основных вектора развития этого явления: светский и религиозный. В статье анализируется официальная колониальная политика Нидерландов, так называемый «этический курс», как один из катализаторов формирования индонезийского национализма. Выявляются причины радикализации позиций новой интеллигенции. Пристальное внимание автор уделяет изучению взглядов Раден Картини, идеологии национально-освободительного движения организаций: «Высокая цель» и «Мусульманский союз». Автор делает акцент на социально-экономической трансформации Индонезии, сыгравшей важную роль в формировании индонезийской самоидентичности.

Ключевые слова: Дипонегоро, Сарекат ислам, Буди Утомо, «этический курс», народная армия.

Abstract. The article is devoted to the problem of the genesis and development of the ideology of nationalism in Indonesia. The author examines the two main vectors of this phenomenon: secular and religious. This article analyzes the official colonial policy of the Netherlands, the so-called “ethical course”, as one of the catalysts for the Indonesian nationalism formation. The author identifies the causes of radicalization of the new intelligentsia’s stand. Close attention is paid to the study of Raden Cartini’s views, to the ideology of the national liberation movement organizations: “The idealistic purpose” and “Muslim Union.” The author focuses on the socio-economic transformation of Indonesia, which played an important role in the formation of Indonesian self-identity.

Key words: Diponegoro, Sarekat Islam, Budi Utomo, “ethical course,” the people’s army.

Процесс национальной интеграции Индонезии берет начало на рубеже XIX–XX вв. В качестве основных идейных катализаторов этого процесса (помимо объективных социально-экономических причин) выступили стремление к созданию общеиндонезийского национально-языка (им стал малайский, который использовался всеми этносами архипелага, в качестве второго языка для межличностного общения) [1, с. 30], возникновение и употребление в литературе и прессе топонима «Индонезия» («Островная Индия») в качестве наименования будущего национального независимого государства [6, с. 52].

© Воронин С.А., 2013.

Носителями новых идеологических взглядов в начале XX в. стала новая интеллигенция, сформировавшаяся в Индонезии в результате введенного голландцами в 1901 г. «этического курса».

В 1899 г. была опубликована статья журналиста В.К. ван Дедема, в которой он обвинял Нидерландцы в ограблении Индонезии и требовал возврата ей «долга чести» – 187 млн. гульденов. На общественность также оказали воздействие взгляды социал-демократа Г. ван Коля и журналиста П. Броосхофта, являвшегося автором термина «этический курс». После выборов 1901 г. «этический курс» стал официальной колониальной политикой. Декларировались следующие основные задачи: улучшение материального положения туземного населения, децентрализация управления, развитие образования и здравоохранения [6, с. 46-47].

Новая интеллигенция архипелага не была идейно встроена в структуру колониального общества, в отличие от своих предшественников – бюрократов-интеллигентов, интегрированных в колониальную иерархию. Несмотря на введенный Нидерландами «этический курс», расовая дискриминация и поражение в правах ощущались новым поколением повсеместно. Это привело к радикализации позиций новой интеллигенции.

Личностью, заложившей фундаментальные основы национального движения в Индонезии, стала Раден Картины (1879-1904 гг.). Она резко критиковала феодальные нравы и отношения, выступала против телесных наказаний, была сторонницей эмансипации. Картины считала, что путь к решению всех проблем индонезийского общества лежит через просвещение и образование. Однако её взглядам была свойственна утопическая идеализация режима метрополии. Подразделяя колонизаторов на «хороших» и «плохих», она видела будущее страны в создании «ассоциации» голландцев и местного населения. Её идеи оказали значительное влияние на становление национального самосознания [2, с. 103-132].

Первой светской организацией национально-освободительного движения в Индо-

незии стала «Буди Утомо» («Высокая цель»), созданная выпускниками медицинского училища в 1908 г. [5]. Основным видом их деятельности была культурно-просветительская. Они выступали против регионального национализма, официальным языком их прессы был малайский. Однако умеренный национализм либеральных кругов не мог стать механизмом решения кардинальных проблем колониальной Индонезии. Радикализация национально-освободительного движения выразилась в создании в 1912 г. Индийской партии, которая стала трибуной светского национализма. Индонезийские светские националисты никогда не занимали атеистические позиции. Такая традиция свойственна светскому национализму в исламском мире в целом. Но исламская ортодоксия не являлась доминантой их идеологии. При этом они всегда подчеркивали уважение исламской культурной традиции. Радикальные националисты стремились к консолидации всех этнических групп Архипелага вне зависимости от их религиозной принадлежности. Они осознавали, что путь к независимости лежит через активное массовое движение. Они обращались к традиционному массовому сознанию, с присущим ему комплексом ценностей эгалитарного характера. Индийская партия апеллировала к великому прошлому яванской империи, призывала ликвидировать «комплекс неполноценности» и «дух рабства». В своих выступлениях они напоминали о героизме Дипонегоро и участников Яванской войны [4, с. 133-134]. Мирозренческой парадигмой лидеров движения были эклектические взгляды. Это была гремучая смесь марксизма, восточной теософии, идеализма, противопоставляемого материалистическому Западу. Индийская партия полностью отвергала апелляцию к исламской идеологии, не выдвигала конкретной программы и, оставаясь узколокальной организацией, не сумела стать массовой. Она просуществовала до 1913 г., после чего её лидеры объявили о самороспуске.

Взгляды светских националистов были чужды и непонятны населению архипелага.

Излишний интеллектуализм, апелляция к ассоциации с колонизаторами и к конвергенции культур не могли вызвать отклик в сердцах индонезийцев. Они нуждались в направляющей силе, способной консолидировать их на базе традиционных и религиозных лозунгов. Такой организацией стал Мусульманский союз (Сарекат Ислам), созданный в 1912 г. Количество его сторонников быстро росло, с 66 тыс. чел. в августе 1912 г. до 360 тыс. чел. в апреле 1914 г. [8, с. 39-40]. Мусульманский союз превращался в ведущую силу национально-освободительного движения. Периферийность индонезийского ислама сформировала запоздалую реакцию на изменения, происходившие в центре исламской цивилизации. Это приводило к интерпретации и модификации процессов, идущих в мусульманском мире, на базе индонезийской самоидентичности. Социально-экономическая трансформация в Индонезии в конце XIX – нач. XX вв. сформировала базу для создания идеологии мусульманского национализма. Его идейными предпосылками, прежде всего, выступали призыв к джихаду с колонизаторами-иноверцами, прозвучавшими в Яванской и Ачехской национально-освободительных войнах, к возрождению великого прошлого времен империи Маджапахит. Вся эта социально-политическая ностальгия была помещена в исламскую оболочку, которая трансформировала память о прошлом в призыв к практическому действию. Индонезийскому населению и в XIX – начале XX вв. были близки патриархально-родовые ценности раннего ислама. Однако идеализация средневекового уклада и нравов не могли стать механизмом к решению проблем индонезийского общества начала XX в. Поэтому, как отмечает А.Б. Беленький, «для того, чтобы мусульманский национализм мог возникнуть, необходимо было ... приспособление ислама к нуждам буржуазного развития и освободительной борьбы. Зарождавшаяся национальной буржуазии нужна была религия, которая не освящала бы отставание Востока от Запада, а наоборот, способствовала капиталистическому развитию и отвечала требованиям последнего» [3, с. 192-193].

Сравнительно позднее оформление идей мусульманского национализма в Индонезии связано и с тем, что модернистские концепции М. Абдо и Р. Рида, проникнутые духом буржуазного развития, довольно поздно проникли в Индонезию в силу её отдаленности от культурных центров исламского мира. Лишь в 1905 г. в Батавии была создана первая исламистская организация молодого поколения модернистов («каум муда»), последовательно выступавших за концепцию иджитхада, за признание ценности прав личности, индивидуальности жизненного выбора

Представители «каум муда» и являлись формирующейся индонезийской буржуазией [7, с. 16]. Модернисты понимали необходимость заимствования научно-технических знаний Запада. Это осознание делало их лояльными по отношению к метрополии. Традиционное массовое сознание индонезийцев, как уже отмечалось, не принимало такого подхода.

Лидеры традиционной мусульманской оппозиции выступали с антивестернизированными лозунгами, призывали к возрождению духа раннего ислама, к созданию всемирной уммы [7, с. 18]. Религиозно-исламская риторика в процессе формирования общинно-индонезийской нации приводила к созданию идеологии мусульманского национализма, ставшего идейной платформой Мусульманского союза.

В противоборстве за идеологическое лидерство в массах в начале XX в. уверенную победу над секулярными течениями одержал исламский национализм. «Лозунг единства мусульман означает ... призыв к объединению основной массы населения против поработителей – христиан и объективно носил не столько религиозный, сколько политический характер», – характеризуют идеологическую ситуацию в Индонезии начала второго десятилетия XX в. А.Ю. Другов и А.В. Тюрин [6, с. 62].

В развитии мусульманского национализма в колониальный период выделяется 2 этапа:

– 10-е годы XX в. Мусульманский национализм формируется как идеология;

– 20-е – нач. 40х гг. XX в. В этот период происходит идейный раскол в рядах Мусульманского союза. Из него исключаются «левые» элементы. Доминантой становится панисламизм [7, с. 20].

Борьба за национальную независимость, против феодальных порядков, анахронизмов стали прерогативами мусульманского национализма. Мусульманским националистам удалось, используя исламскую догматику, примирить модернистов и возрожденцев. Используя догмат о единобожии (таухид), об уповании на волю Бога (таваккал), о предопределении (такдир), мусульманские националисты экстраполировали их на земную жизнь, пытались разбудить национальное самосознание и достоинство личности. Опираясь на догмат о равенстве всех членов мусульманской уммы перед Богом, они приходили к идее национального равноправия. Говоря о синтезе исламских ценностей с материальными достижениями западной цивилизации, они надеялись, по замечанию А.Б. Беленького, «овладеть знаниями и богатством и с их помощью улучшить свое положение» [3, с. 197].

I и II Национальные конгрессы Сарекат Ислама, состоявшиеся в июне и в октябре 1917 г. показали значительные успехи мусульманского национализма в Индонезии. На форумах Мусульманского союза, начиная с I конгресса, раздавались призывы к мусульманскому социализму. В 1918 г. был сформирован специальный комитет для «изучения основ социализма в исламе» [6, с. 69-86].

Лидеры Сарекат Ислама У. Чокроаминото и А. Салим выступали за гражданские свободы, за выборный принцип власти. Популярными становятся концепции о демократии, заложенной в исламе, заимствованные из учений мусульманских просветителей. Мусульманские националисты резко осуждали взгляды о якобы политической незрелости индонезийцев.

Интерпретируя мусульманский догмат о «риба» (порицании ростовщичества), они сумели начать встраивать традиционное и неравномерно исламизированное общество в

буржуазные отношения. Тяжким грехом являлась, согласно их взглядам, лишь предпринимательская деятельность иностранцев, национальная, индонезийская – лишена греха, поскольку находится под сенью ислама. А в силу того, что основной бизнес в Индонезии в первой половине XX в. принадлежал иностранным компаниям, было стратегически выгодно использовать догмат о «риба» против них.

Мусульманские националисты выступали против классовой борьбы среди мусульман, братьев по вере. Достижение независимости воспринималось как осуществление социально-политического идеала. Окончательная победа ислама повлечет за собой и национальное освобождение, и преодоление социально-экономических противоречий.

Начало 20-х гг. XX в. обозначило серьезные противоречия среди лидеров Сарекат Ислама. В этот период У. Чокроаминото разработал концепцию «народного государства» Индонезии. Он критиковал западную демократию, утверждая, что демократическая теория и практика на Западе все более отдаляются друг от друга. Только «народная армия», стоящая на страже народных интересов, может обеспечить демократические народные права. А. Салим выступал за соблюдение покорности и поддержания мира. Несмотря на сохранение единой цели антиколониальной борьбы, различие подходов в её достижении становилось у Чокроаминото и Салима всё очевиднее. Чокроаминото выступал за консолидацию всех угнетенных мусульман против колониализма и феодальных пережитков. Салим призывал к интернациональной интеграции имущих слоев исламского мира [7, с. 27-28].

В 30-е гг. XX вв. Индонезии все активнее развиваются капиталистические отношения. Буржуазия и разночинные слои дистанцируются от идей мусульманского национализма, симпатизируя теории мархаэнизма Сукарно, предтечей которого было учение Деванторо.

Эпигонами Индийской партии стали Инсулинде (1913-1919 гг.) и Национальная индийская партия (1919-1923 гг.). Их идеологом

стал Ки Хаджар Деванторо (Суварди Сурьянинграт). Он ратовал за «культурный национализм» общеиндонезийского плана. Деванторо выступал за «конвергенцию культур» на базе синтеза «индонезийской самобытности» и современных научных достижений Запада. Приоритет отдавался индонезийской самобытности. Идеал устремлений Деванторо – гармоничное общество свободных личностей, в котором отсутствуют эксплуататоры и эксплуатируемые. Все осознают свой общественный долг, «каждый и слуга, и господин». Он отвергал классовую борьбу, как дезинтегрирующую социальный консенсус. В его общественно-политической модели всегда главенствовал принцип «демократии семьи», основой которой является подчинение младших старшим. Абсолютная гармония существует и в отношениях между массами и лидерами [9, с. 4]. Выступая против «главных причин духовной смуты» в Индонезии (западные ценности общества достижения – индивидуализм, материализм и рационализм), Деванторо считал, что необходим диалог цивилизаций, конвергенция культурных ценностей. По его мнению, следует использовать социокультурные, политические и экономические достижения и Востока, и Запада, переосмысливая и перемалывая их на фундаменте «индонезийской самобытности» [10, с. 12].

Учение Деванторо оказало значительное влияние на формирование взглядов будущего лидера независимой Индонезии – Ахмеда Сукарно.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бакунин М.М. Тропическая Голландия. Пять лет на острове Ява. – М., 2007. – 434 с.
2. Беленький А.Б. Картины – дочь Индонезии. – М., 1967. – 129 с.
3. Беленький А.Б. Национальное пробуждение Индонезии. – М., 1965. – 212 с.
4. Беленький А.Б. Роль традиционных элементов массового сознания в идеологии светских националистов (на примере Индонезии) // Идеологические процессы и массовое сознание в развивающихся странах Азии и Африки. – М., 1984. 129-139 с.
5. Гневушева Е.И. «Буди Утомо» // Советское востоковедение. – 1958. – № 5. – С. 65-67 с.
6. Другов А.Ю., Тюрин В.А. История Индонезии XX в. – М., 2005. – 453 с.
7. Ионова А.И. «Мусульманский национализм» в современной Индонезии (1945-1965). – М., 1972. – 267 с.
8. Dahm B. History of Indonesia in the 20-th century. – L., 1971. – 566 p.
9. Ki Hadjar Dewantara. – Pranata, Djakarta, 1959. – 331 p.
10. Ki Hadjar Dewantara. Some aspects of national education & The Taman Siswa Institute at Jogjakarta // Indonesia. – 1967. – № 4. 32–33 p.

УДК 314(4/9)

Кудрявцева Н.А.

Московский государственный областной университет

**ИММИГРАЦИЯ В АВСТРАЛИЮ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.
И ОСОБЕННОСТИ РОСТА РУССКОЙ ДИАСПОРЫ
НА «ЗЕЛЕНОМ КОНТИНЕНТЕ»**

N. Kudryavtseva

Moscow State Regional University

**IMMIGRATION TO AUSTRALIA IN THE LATE XX – EARLY XXI CENTURIES
AND PECULIARITIES OF GROWTH OF THE RUSSIAN DIASPORA
IN THE «GREEN CONTINENT»**

Аннотация. В настоящей статье предпринимается попытка анализа особенностей современной иммиграции в Австралию по сравнению с миграционным притоком в эту страну в эпоху биполярного мира. Автор раскрывает, как Австралийский Союз успешно привлекает иммигрантов в интересах своего социально-экономического и демографического развития в течение многих десятилетий. При написании данного сообщения автор опирался преимущественно на материалы Бюро статистики Австралии за период 1990-х – 2011 гг., а также на результаты новейших публикаций отечественных ученых.

Ключевые слова: Зеленый континент, иммиграционная политика, мировое хозяйство, финансово-экономический кризис, рост населения.

Abstract. In this article an attempt is made to analyze the features of modern immigration into Australia compared with the migration inflow to the country in the era of bipolar world. The author reveals the way the Australian Union successfully has been attracting immigrants for many decades in the interests of its socio-economic and demographic development. When writing this message the author relied mainly on the materials of the Australian Bureau of Statistics dating back to 1990s-2011, and on the results of the Russian scientists' latest publications.

Key words: Green continent, immigration policy, world economy, financial and economic crisis, population upsurge.

Австралийский Союз успешно привлекает иммигрантов в интересах своего социально-экономического и демографического развития в течение многих десятилетий. Особенно увеличился приток иммигрантов после кардинального поворота на рубеже 1960-х – 1970-х гг. в иммиграционной политике Австралийского Союза, когда страна, вслед за США, отказалась от поощрения иммиграции исключительно европейского происхождения и разрешила иммиграцию небелого населения из соседних стран Юго-Восточной и Восточной Азии. С того времени доля иммигрантов в населении Австралии быстро увеличивается. В начале XX в. Австралия стала одной из самых «иммиграционнымки» стран мира. Так, в 2010 г. иммигранты составили 22% населения Австралии [1, с. 47].

В отечественной научной литературе интерес к изучению современной иммиграции в Австралию проявился два-три десятилетия назад. К настоящему времени опубликовано несколько монографий и ряд статей по экономическим, демографическим, правовым, историческим и политологическим аспектам иммиграции в Австралию. Например: Шапаров А.Е. Иммиграционная политика: генезис и современные тенденции (Австралия, Великобритания и Канада). – Архангельск, 2010; Якубовская, Н.В. Иммиграция в Австралию: жить и работать в Австралии – это реально : ответы на все вопросы. М., 2007; Филипповец Л.Ф. Работа за рубежом: эмиграция через трудоустройство: Новая Зеландия, Австралия. М., 2006; Архипов В.Я.

© Кудрявцева Н.А., 2013.

Австралия в мировой экономике. М., 2005; Пути легальной иммиграции в США, Канаду, Австралию / Сост. М. Беренбойм. Самара, 1994; Рудницкий А.Ю. Другая жизнь и берег дальний... Русские в австралийской истории. М., 1991.

Отечественные историки и экономисты-востоковеды исследуют, преимущественно, российскую иммиграцию в Австралию [2, 12]. В Институте востоковедения РАН работает межотдельская группа «Российская диаспора в странах Востока», которая провела три научные конференции по данной проблематике, в том числе о русской общине в Австралии. Научные доклады по истории и современной миграции из России в Австралию публикуются также в материалах международных конференций по изучению Австралии, Новой Зеландии и Океании. Круг исследователей, занимающихся историей и другими аспектами российской иммиграции в Австралию, расширяется, что свидетельствует об актуальности и научной значимости названной темы.

Основой роста иммиграции в Австралию всегда являлась экономическая привлекательность «зеленого континента». Если до середины XX в. экономика страны базировалась на интенсивном и не требующем многочисленной рабочей силы сельском хозяйстве, то со второй половины XX в. существенным фактором развития современной Австралии стало богатство ее территории минеральными ресурсами. Рост цен на мировом рынке минерального и углеводородного сырья и возросший уровень их добычи в Австралии приносят стране значительные валютные доходы, которые она направляет на трансформацию национальной экономики. Диверсификация обрабатывающей и добывающей промышленности, равно как и высокая степень интеграции страны в современное мировое хозяйство, шла вместе с ростом иностранных капиталовложений. После 1980-х гг. в стране стала формироваться «экономика инновационного типа». В этой связи отечественный исследователь С.М. Сергеев пишет о роли трансформации «сферы внеш-

неэкономических связей Австралии, которая на протяжении ряда десятилетий играла роль своего рода «двигателя» экономического прогресса». Он подчеркивает особенное значение мер по «диверсификации хозяйства страны и развитию ориентированных на экспорт конкурентоспособных отраслей австралийской промышленности» [4, с. 158]. На рубеже XX – XXI вв. Австралия осуществила успешный «прорыв» в экономике, трансформировав отсталое аграрно-сырьевое хозяйство в высокоразвитую «новую экономику».

Насчитывающая в начале XXI в. около 22,8 млн. граждан, Австралия достигла к 2011 г. высокого уровня производства валового внутреннего продукта (ВВП) в расчете на душу населения – 39 841 долл. США (рассчитано по паритету покупательной способности, ППС). Эксперты Международного Валютного Фонда включают австралийскую экономику в число первых десяти национальных экономик мира. Австралия – одна из немногих стран мира, которым удалось избежать абсолютного падения производства валового внутреннего продукта в 2008–2009 гг. Даже в период последнего мирового финансово-экономического кризиса, когда большинство развитых государств оказались перед лицом резкого снижения темпов экономического развития в 2008 г. вплоть до их отрицательных значений в 2009 г., австралийская экономика показала положительные, хотя и менее высокие, чем ранее, темпы роста [3, с. 15]

Позитивные сдвиги в развитии национального хозяйства и внешних экономических связей Австралийского союза за последние два десятилетия обусловили ощутимое укрепление его позиций как в мировой экономике (включая зону АТР), так и в системе мирохозяйственных связей. Народное хозяйство современной Австралии демонстрирует устойчивость в условиях мирового финансово-экономического кризиса. Формирование высокотехнологичной национальной экономики стало возможным во многом благодаря именно удачному использованию внешних факторов и, прежде всего, привлечению иностранных инвестиций, которые способство-

вали, в частности, созданию новых рабочих мест.

На становление и развитие экономики Австралии серьезное влияние оказывал и продолжает оказывать демографический фактор. Длительное время население страны формировалось в непростых условиях преодоления изоляции от остальной ойкумены. Так, до европейской колонизации южного континента его малочисленное население составляли австралийские аборигены, островитяне Торрессова пролива и аборигены Тасмании. С конца XVIII в. началась иммиграция из Европы, в основном из Великобритании и Ирландии. Еще одной крупной группой иммигрантов из Европы стали германские переселенцы, составившие вторую по численности этническую группу континента к концу XIX в. Это сыграло существенную роль в формировании местного населения и заметно повысило качество трудовых ресурсов. Закономерно считалось, что в Австралии проживали в большинстве своем потомки европейских иммигрантов, которые прибывали сюда на протяжении XIX–XX вв. Население страны нередко увеличивалось «взрывными» темпами: только за одно десятилетие в середине XIX в. оно выросло почти втрое, превысив 1 млн. человек [5, с. 18].

В XX в. благодаря успешному стимулированию европейской иммиграции, население Австралийского союза возрастало еще более высокими темпами: в период между мировыми войнами – в 4 раза, а после Второй мировой войны – более чем вдвое. В начале XXI в. более четверти (из 22 млн.) жителей Австралии составляли лица, родившиеся за рубежом, причем для 4 млн. человек английский язык не является родным языком. У 44% австралийцев либо сами, либо один из родителей родились вне Австралии [8].

Не удивительно, что усиливается многообразие этнического и расового состава населения Австралии. По мнению местных специалистов, наиболее крупными этническими группами среди них являются британцы и ирландцы, новозеландцы, итальянцы, греки, голландцы, немцы, югославы, вьетнамцы и

китайцы. Однако сейчас население Австралии – это далеко не только выходцы из Европы, до 77% – переселенцы из разных регионов мира. После 1945 г. более чем 60-летняя проводимая правительством Австралии сбалансированная иммиграционная политика обеспечила приток в страну более 7 млн. иммигрантов [9]. Массовый приток иммигрантов способствовал развитию Австралии в различных аспектах. В страну прибывали преимущественно квалифицированные рабочие и дипломированные специалисты в разных областях знания. Иммигранты приносили с собой не только капиталы, но часто – необходимые экономические и технические знания, а проведение политики мультикультурализма способствовало укреплению связей Австралии с теми странами, которые выступали донорами трудовой миграции. Поскольку среди последних, кроме Новой Зеландии, преобладают азиатские страны, то в этнорасовом составе населения Австралии быстро возрастает доля небелого населения.

Согласно данным Статистического бюро Австралии, число родившихся в Азии жителей Австралии за последнее десятилетие удвоилось, увеличившись с 1 млн. 30 тыс. человек в 2000 г. до 2. млн. 10 тыс. человек в 2010 г. До трети прироста населения Австралии за первое десятилетие XXI в. пришлось на долю уроженцев Азии. Половина из них прибыли на обучение в страну по студенческим визам, а вторая половина – как квалифицированные рабочие и члены их семей, для восполнения недостатка рабочей силы в стране. Несмотря на уменьшение нетто миграции с 300 тыс. до 215 тыс. человек в год, впервые в истории Австралии страна находится на грани обгона европейского населения выходцами из Азии [7].

В начале XXI в. Австралия остается одной из немногих высокоразвитых стран, ведущих активную иммиграционную политику. Высокий и стабильный уровень экономики и комфортные социальные условия делают эту страну привлекательной для иммигрантов из многих стран мира. По расчетам ООН, на ноябрь 2006 г. по рейтингу «где лучше всего

жить в мире» Австралии принадлежит третье место. Этот рейтинг включает в себя такие жизненно важные показатели, как уровень заработной платы, жилищные условия, качество обучения, состояние здравоохранения, экологию и ряд других важных факторов. В более благоприятном положении по сравнению с другими развитыми странами находится и австралийский рынок труда. В Австралии не было экономической рецессии с начала 1990-х гг. Последние двадцать лет средний уровень безработицы в стране равнялся примерно 7%, а осенью 2012 г. составлял всего 5,4%. Уровень безработицы в Австралии стабилен и ниже, чем в любой другой развитой стране. В течение последних 20 лет на рынке рабочей силы было в среднем 623 тысячи безработных и одновременно – около 135 тысяч трудовых вакансий [6].

Неудивительно, что и в XXI в. иммиграционный приток в Австралию не уменьшается. Современный Австралийский союз стал страной массовой иммиграции, правительство которой ясно понимает значение притока иммигрантов для развития страны. Так, в брошюре Министерства по делам миграции и натурализации говорится: «Австралия является страной, построенной на миграции, воздействие которой остаётся всеобъемлющим. Сегодня миграция помогает решать проблемы стареющего населения, увеличивая число рабочих рук, производительность труда и стимулируя экономический рост. Миграция также играет важную роль в воссоединении семей и близких и облегчает выполнению Австралией её международных гуманитарных обязательств» [13]. В настоящее время приблизительно половина населения Австралии являются или иммигрантами, или детьми иммигрантов. Иммиграция продолжает быть важным компонентом роста населения Австралии. В 2010-2011 гг. иммиграция обеспечила прирост населения страны на 170 тысяч человек, что существенно больше естественного прироста в 150,5 тыс. человек. Шестой год подряд, начиная с 2005 г., чистый миграционный приток превышает естественный прирост [14].

В 2010–2011 финансовом году в Австралию прибыло около 114 тыс. человек по Программе иммиграции квалифицированных работников и 54,5 тыс. человек – по линии воссоединения семьи, всего – около 169 тыс. человек. На 2011–2012 г. намечалось привлечь в страну 185 тысяч человек, что на 9,7 % больше, чем по плану предыдущего года [15]. Основными странами-донорами австралийской иммиграции на 2010 г. были Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, где родились около 1млн. 200 тыс. сегодняшних жителей Австралии, Новая Зеландия – около 550 тыс. человек, КНР – менее 380 тыс. человек, Индия – 340 тыс., Италия – 216 тыс. человек; при том, что общая численность постоянных жителей Австралии иностранного происхождения превышает 5 млн. 990 тыс. человек [17].

В миграционном притоке в Австралию в первом десятилетии XXI в. преобладают неевропейские страны, в первую очередь КНР, на которую приходится 13,8 процента всех новых переселенцев в 2010-2011 финансовом году. Затем следует соседняя Новая Зеландия (12,1%), с преобладающим европейским по происхождению населением, связанная с «зеленым континентом» традиционными миграционными связями. На третье место среди новых стран-доноров австралийской иммиграции вышла Индия, на которую приходится 10,3 процента всех новых переселенцев в Австралию. По сравнению с предыдущим годом резко сократилась доля Великобритании и Южно-Африканской Республики, соответственно на 19,1 % и 22,7%.

В 2011–2012 финансовом году в Австралию переселись почти 159 тыс. человек. Среди них более 30 тыс. граждан Новой Зеландии, почти 17,5 тыс. жителей континентального Китая, более 16 тыс. – Великобритании, почти 14,5 – Индии. Следующие по численности группы переселенцев представлены Филиппинами (около 7 тыс. чел.), Южно-Африканской Республикой (более 6 тыс. чел.), Шри Ланкой (более 4 тыс. человек).

Австралия привлекает иммигрантов и высокой возможностью трудоустройства.

Между 2000 и 2010 гг. коэффициент участия трудовых ресурсов Австралии вырос с 63,1% до 65,9%. Иммигранты, в частности недавно прибывшие квалифицированные работники, составляют до 94 % роста этого коэффициента австралийской экономики. Финансовый вклад иммигрантов в итоге достаточно значителен. По оценкам экспертов, различные «Программы иммиграции» австралийского правительства приносят Австралии 1,6 млрд. долларов в первый год после прибытия иммигрантов и более 15 млрд. долларов – в последующие десять лет. Высокие показатели мигрантов на рынке труда Австралии признаны Организацией экономического сотрудничества и развития, которая сообщает, что австралийские иммигранты имеют наименьший показатель безработицы по сравнению другими странами ОЭСР после 2008 г.

В течение 1990-2000-х гг. постоянно растет число выходцев из «не основных англоязычных стран» (a Non-Main English Speaking Countries) в населении Австралии. Данные австралийских переписей показывают, что в 1996 г. они составляли 60,4 % всех иммигрантов первого поколения, в 2001 г. – 61,0 %, в 2006 г. – 62, 1 процента. Соответственно, значительна доля уроженцев не-англоязычных стран в общей численности населения Австралии: 13,3 % в 1996 г., 13,3% – в 2001 г. и 13,8% – 2006 г. [10]

Русская диаспора является средней по численности этнической диаспорой Австралии и имеет 100-летнюю историю. По переписи 2001 г. более 60 тысяч австралийцев указали на свое русское происхождение, а по переписи 2006 г. – уже 67 тыс. человек, то есть русская диаспора выросла на 11,4 процента. Согласно этим переписям, у родившихся в Австралии русских австралийцев оба родителя родились: в Австралии – у 9,5 тыс. человек, за пределами Австралии – у 13 тыс. человек; один из родителей австралийского происхождения – у почти 8,5 тыс. человек. Неавстралийское происхождение имеют почти 34 тыс. человек, и не указали на страну происхождения родителей – около 1,5 тыс. человек. Устойчивость русской диаспоры

подтверждается сохранением религиозной составляющей русского национального самосознания. О своей принадлежности к русской православной церкви заявили в 2001 г. 18,5 тыс. человек и в 2006 г. – почти 20 тыс., или на 7, 9% процента больше. В среднем ежегодный прирост числа православных составляет почти 300 человек, то есть три четверти (75%) ежегодного притока в Австралию иммигрантов из России безусловно являются этническими русскими. Так, на 2001 г. в Австралии проживали 15,0 тысячи уроженцев России. К 2006 г. их численность увеличилась до 15,4 тысяч человек, то есть – 400 человек за 5 лет, или росло примерно по 80 человек ежегодно. Австралийские власти сообщают, что за 2003 – 2010 гг. вид на жительство в Австралии получили 3,5 тыс. россиян, или в среднем от 400 до 500 человек ежегодно. Сопоставив эти цифры и учитывая, что от времени въезда в страну и до получения вида на жительство проходит не менее 3-5 лет, выясняем, что действительно в среднем ежегодно в Австралию иммигрировали по 300 – 350 россиян.

В силу удаленности Австралии от России и необычности для россиян этого континента как привлекательного места переселения рост выходцев из России на «зеленом континенте» еще невелик. Так, по переписи 2001 г. в стране проживало 15 021 выходцев из России, а по переписи 2006 г. – 15 355 человек. Разделив эту прибавку в 334 человек на 5 лет, можно полагать, что в среднем 60-70 человек приобретают право на жительство и гражданство Австралии. Материалы переписей позволяют также подсчитать, что более 99,9 процентов австралийцев российского происхождения являются иммигрантами первого поколения, и только у 18 человек оба родителя указывают Австралию как место своего рождения [11].

Если взять определяющим признаком язык домашнего общения, то материалы австралийской статистики позволяют определить численность русской диаспоры в Австралии начала XXI в. и величину её роста. Так, если в 2001 г. по-русски говорили дома 34 790 человек, то в 2006 г. – 36 505 человек. Это значит, что русская (русскоязычная) диаспора вырос-

ла на 1 725 человек, или почти на 5 процентов. Принимая во внимание, что иммиграционный прирост в Австралии существенно выше естественного прироста, можно считать, что ежегодно в страну ежегодно прибывало не менее 300–320 русских (русскоязычных) иммигрантов, очевидно, главным образом из Российской Федерации и других республик бывшего СССР. При этом только 7 тысяч человек из русской диаспоры не владеют совсем или владеют плохо английским языком, что составляет менее 0,2 % всех русскоговорящих австралийцев. Это свидетельствует о весьма высоком образовательном и профессиональном уровне российской иммиграции в Австралию. Данный тезис подтверждается и распределением плохо знающих английский язык русских иммигрантов по возрастным группам: 65 лет и старше – 4 044 человек, то есть более 57 % общего числа не владеющих английским языком, 45–64 года – 1528 человек (менее 22 %). Следующие две возрастные когорты от 15 до 44 лет, представляющие основную группу активного населения, насчитывают вместе 675 человек (менее 10%) а на долю детей в возрасте до 14 лет приходится всего 750 человек, или около 11% всех плохо владеющих английским языком [12]. Рассмотрим основания, по которым переселенцы из России въехали в Австралию в 2009–2010 гг. Так, в рамках воссоединения семей получили визы 120 человек, по профессиональным умениям – 285 человек из общего количества 458 человек. Правда, из последнего числа можно вычесть 48 новозеландских граждан российского происхождения, переселившихся в 2009–2010 гг. из Новой Зеландии на «зеленый континент».[16] Кроме того, в указанном году по студенческим визам в Австралию из стран бывшего СССР въехали 1447 человек, в том числе 407 россиян, 118 граждан Казахстана. Вероятнее всего, что подавляющая часть студентов из Казахстана – это этнические русские (или русскоязычные), потому что казахское происхождение имеют в 2001 г. 86 жителей Австралии и в 2006 г. – 131 человек [18].

Итак, иммиграционный приток в Австралию в конце XX–XXI вв. значительно

изменился. Помимо таких традиционных стран-доноров, как Новая Зеландия и Великобритания, в нем стали преобладать выходцы из азиатских стран, особенно из Китая, Индии, стран Юго-Восточной Азии. С 1990-х гг. иммиграционная политика Австралийского союза стала ещё жестче и детальнее регулировать приток иммигрантов, стремясь обеспечить приток в страну квалифицированной рабочей силы, одновременно не препятствуя семейной иммиграции. С конца 1960-х гг. эмиграция из Англии и других западноевропейских стран стала недостаточной для растущего рынка рабочей силы Австралии. Поэтому в последней трети XX в. Австралия начинает допускать в страну иммигрантов из азиатских стран. С начала 1990-х годов после краха социалистической системы, наряду с непрерывно растущим притоком азиатских иммигрантов, в Австралию прибывают многочисленные переселенцы из стран Восточной и Юго-Восточной Европы, в частности из бывшей Югославии. Прирост иммигрантов из Азии и Африки намного превышает приток переселенцев из европейских стран. Эта тенденция может вскоре привести к кардинальным переменам в этнорасовой структуре населения «зеленого континента» и изменениям в этнокультурном облике Австралии, проводящей ныне политику «мультикультурализма». Но в настоящее время социально-экономические потребности стареющего австралийского общества обуславливают необходимость в поддержании притока иностранной рабочей силы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гавриловец А., Винарова Н. Профессиональная иммиграция. Руководство для квалифицированных специалистов и предпринимателей. – М, 2001. – 312 с.
2. Каневская Г.И. «Мы еще мечтаем о России...»: история русской диаспоры в Австралии (конец XIX в. – вторая половина 80-х гг. XX в.). – Владивосток, 2010. – 372 с.
3. Крюков А.А. Международная конкурентоспособность современной Австралии // Экономические науки. – 2010. – Выпуск № 64. – С. 15–18.
4. Крюков А.А. Целесообразность использования

- зарубежного опыта модернизации экономики в современной России // Власть. – 2011. – Выпуск № 9. – С. 158-160.
5. Нефедова В.С. Влияние мирового кризиса на экономику Австралии // Экономические науки. – 2010. – Выпуск № 65. – С. 17-23.
 6. Australia Job Vacancies, <http://www.trading-economics.com/australia/job-vacancies> (Дата обращения 15.01.2013).
 7. India report, June 17, 2011/ <http://www.indiareport.com/India-usa-uk-news/latest-news/1046628/International/2/20/2> (Дата обращения 25.03.2013)
 8. The People of Australia. Australia's Multicultural Policy. 2011, P.2 http://www.immi.gov.au/media/publications/multicultural/pdf_doc/people-of-australia-multicultural-policy-booklet.pdf. (Дата обращения 03.12.2012).
 9. The People of Australia. Australia's Multicultural Policy. 2011, P.2 http://www.immi.gov.au/media/publications/multicultural/pdf_doc/people-of-australia-multicultural-policy-booklet.pdf (Дата обращения 03.12.2012).
 10. The People of Australia, Statistics from the 2006 Census, Department of Immigration and Citizenship, 2008 Australian Bureau of Statistics, p.1. (Дата обращения 10.01.2013)
 11. The People of Australia, Statistics from the 2006 Census, Australian Bureau of Statistics, Department of Immigration and Citizenship, 2008, pp.6, 11,19 (Дата обращения 03.12.2012).
 12. The People of Australia, Statistics from the 2006 Census, Australian Bureau of Statistics, Department of Immigration and Citizenship, 2008, pp.29, 34. (Дата обращения 03.12.2012).
 13. Population flows 2010–11 at a glance. Department of immigration and citizenship. Australian government. 2012, p.1. <http://www.immi.gov.au/media/publications/statistics/popflows2010-11/pop-flows-at-a-glance.pdf>. 2012 (Дата обращения 15.10.2012).
 14. Population flows 2010–11 at a glance. Department of immigration and citizenship. Australian government. 2012, p.2. <http://www.immi.gov.au/media/publications/statistics/popflows2010-11/pop-flows-at-a-glance.pdf>. 2012. (Дата обращения 15.04.2012).
 15. Population flows 2010–11 at a glance. Department of immigration and citizenship. Australian government. 2012, p.2. <http://www.immi.gov.au/media/publications/statistics/popflows2010-11/pop-flows-at-a-glance.pdf>. 2012 (Дата обращения 21.04.2012).
 16. Settler Arrival Data – Statistics – Publications, Research & Statistics, <http://www.immi.gov.au/media/statistics/statistical-info/oad/settlers/setdatb.htm>. (Дата обращения 04.05.2012)
 17. Source: ABS Migration, Australia (3412.0). (Дата обращения 17.04.2012)
 18. Visitor Arrival Data – Statistics – Publications, Research & Statistics, <http://www.immi.gov.au/media/statistics/statistical-info/oad/visitors/visit.htm>. (Дата обращения 15.04.2012).

УДК 94(497.1) «1990/2012»

Анашкина А.Г.

Московский государственный областной университет

ООН И ПРОБЛЕМА КОСОВО. ПОСРЕДНИЧЕСКАЯ МИССИЯ АХТИСААРИ

A. Anashkina

Moscow State Regional University

THE UN AND THE PROBLEM OF KOSOVO. AHTISAARI'S INTERMEDIARY MISSION

Аннотация. В статье рассматривается роль ООН в процессе урегулирования конфликта в Косово и освещаются события, связанные с обсуждением и попытками принятия в СБ ООН Всеобъемлющего предложения об урегулировании статуса Косово (план Ахтисаари). Автор отмечает нелегитимность данного документа, в силу того, что он так и не приобрел статуса резолюции СБ ООН. На основании анализа содержания плана Ахтисаари автор выявляет его внутренние противоречия, а также несоответствие документа принципам международного права.

Ключевые слова: ООН, НАТО, Сербия, Косово, Ахтисаари

Abstract. The article deals with the role of the UN in the settlement of the conflict in Kosovo and sheds light on the events connected with the attempts to approve the Comprehensive Proposal for the Kosovo Status Settlement (the Ahtisaari plan) by the UN Security Council. The author points out the illegitimacy of this document, in view of the fact that it did not acquire the status of a resolution of the UN Security Council. On the basis of the analysis of the Ahtisaari plan, the author points out its inner contradictions and its discrepancy with the principles of international law.

Key words: the UN, NATO, Serbia, Kosovo, Ahtisaari.

Конфликт в Косово представляет собой один из острейших неразрешенных конфликтов современности. Определенные попытки решить проблему в регионе на основе норм международного права были предприняты ООН. Однако США и их союзники по НАТО встали на путь поддержки сепаратистских устремлений косоваров, а затем несанкционированных СБ ООН вооруженных действий против Сербии, после завершения которых 10 июня 1999 г. СБ ООН принял Резолюцию 1244. Принятие этого документа означало не только определенный этап в урегулировании конфликта в Косово, но и подтверждение исключительной роли ООН в миротворческой деятельности. На сегодняшний день Резолюция 1244 является последней резолюцией СБ ООН по Косово.

Отметим, что согласно Резолюции «международное гражданское присутствие и присутствие по безопасности учреждались на первоначальный 12-месячный период с последующим продолжением, если только Совет Безопасности не примет иного решения» [8]. Из этого следует, что для какой-либо существенной модификации присутствия ООН в Косово, отличного от Резолюции, необходимо решение СБ ООН. Также согласно Резолюции и основополагающим принципам международного права урегулирование конфликта должно решаться мирно путем переговоров, обследования, посредничества, примирения.

В связи с этим, в ноябре 2005 г. Генеральный секретарь ООН К. Аннан назначил специальным посланником по определению будущего статуса Косово М. Ахтисаари. В обязанности последнего входила разработка предложения, учитывающего позиции обеих сторон конфликта. Проект урегулирования, в случае его одобрения СБ ООН, должен был заменить Резолюцию 1244 и стать следующим шагом на пути урегулирования положения в Косово.

© Анашкина А.Г., 2013.

М. Ахтисаари сыграл немаловажную роль в судьбе Косово еще в 1999 г., и его репутация в этой роли не является безупречной. Попавшие в СМИ записи переговоров М. Ахтисаари с президентом Югославии С. Милошевичем ярко демонстрируют пристрастность и проамериканскую позицию посредника. Кроме того, в первой половине июля 2007 г. сербские СМИ сообщили о наличии подтвержденной зарубежными источниками информации о связях Ахтисаари с албанской мафией [10; 11].

На заседании Контактной группы (далее – КГ) по вопросу определения будущего статуса края, которое состоялось 31 января 2006 г., было принято решение предпринять все усилия для достижения договоренности по Косову уже в 2006 г. Напомним, что КГ (США, Германия, Великобритания, Франция, и Россия) была создана по инициативе американского руководства в 1992 г. с целью содействия установлению контактов между сторонами боснийского конфликта. Постепенно из технического органа КГ превратилась в важнейший механизм урегулирования югославского кризиса. Принятое на упомянутом заседании решение являлось весьма противоречивым, так как уладить косовскую проблему в такие короткие сроки, рассчитывая на переговоры и достижение консенсуса, было невозможно ввиду крайней напряженности в регионе. В марте 2004 г. спровоцированный экстремистами резкий всплеск насилия потряс Косово. В ноябре 2006 г. многотысячная демонстрация косовских албанцев напала на правительственные учреждения и штаб МО-ОНК (Международное гражданское присутствие – Миссия ООН в Косово) в Приштине [4, с. 149]. Согласно проведенным в период 2002-2007 гг. социологическим исследованиям позиции косовских албанцев и сербов в отношении косовской проблемы, так же как и точки зрения руководства сторон по этому вопросу, кардинально различались [6, с. 279].

Поэтому начавшиеся в июле 2006 г. в Вене переговоры между Приштиной и Белградом под руководством М. Ахтисаари не привели к выработке единой позиции. Вопрос о по-

лучении независимости Косово был заранее решен странами Запада, и соответствующий курс проводился в жизнь Специальным посланником Генерального секретаря ООН, а позиция сербов на самом деле не учитывалась. Как следствие, разработанный проект урегулирования не носил компромиссного характера.

Согласно плану Ахтисаари, в Косово предполагалось ввести институт Международного гражданского представителя (МГП). Гражданский представитель назначался Международной руководящей группой (МРГ) после консультаций с Европейским союзом. Полномочия МГП согласно плану носили надзорный характер, а ответственность за исполнение Плана возлагалась полностью на власти Косово. Однако при надзорном характере полномочий МГП и отсутствии ответственности за выполнения плана компетенция МГП оказалась очень широка: он являлся высшей инстанцией в толковании гражданских аспектов плана Ахтисаари, мог отменять законы и решения, принятые властями Косово, наказывать или отстранять от работы любое должностное лицо, назначать или участвовать в назначении ключевых должностей.

В Косово также планировалось учредить представительство Евросоюза в рамках европейской политики в области безопасности и обороны (ЕПБО). На представительство ЕПБО возлагался бы ряд полномочий в правоприменительной области, включая судебные органы, полицию, пограничный контроль, таможенную и исправительную службу.

Согласно плану Ахтисаари в Косово сохранялось возглавляемое НАТО военное присутствие – Международное военное присутствие (МВП). При этом окончание срока действия своего мандата МВП определяло самостоятельно, проконсультировавшись с МГП. Таким образом, никаких международных решений на продление срока мандата международных вооруженных сил не требовалось [2, с. 65].

Возобновившиеся 21 февраля 2007 г. переговоры представителей Сербии и косовских

албанцев по поводу предложенного проекта не принесли положительных результатов, и дальнейшее обсуждение вопроса было перенесено в СБ ООН. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун в письме от 26 марта 2007 г. на имя Председателя СБ заявил, что всецело поддерживает Всеобъемлющее предложение об урегулировании статуса Косово, а также рекомендацию, содержащуюся в докладе М.Ахтисаари по определению будущего статуса Косово. Основная мысль рекомендации заключалась в следующем: «только независимое Косово с собственными демократическими институтами будет полностью ответственно и подотчетно за свои действия» [3, с. 4]. Нельзя не отметить противоречивость этого утверждения: Косово как самостоятельное государство, обладающее суверенитетом, а значит, самостоятельно осуществляющее свою внутреннюю и внешнюю политику, уже не будет кому-либо подотчетно.

Взятый курс на официальное отделение Косово от Сербии М. Ахтисаари в своей статье обосновывал шестым пунктом Руководящих принципов Контактной группы по урегулированию статуса Косово, который гласит: «Урегулирование статуса Косово должно способствовать укреплению региональной безопасности и стабильности. Таким образом, оно обеспечит невозвращение Косово к ситуации, существовавшей до марта 1999 года...» [9]. М. Ахтисаари интерпретирует указанный принцип как невозможность возвращения Косово в состав Сербии [12, с. 184]. Однако следует обратить внимание на то, что пункт 6 Руководящих принципов содержит также следующую фразу: «Нынешняя территория Косово не претерпит каких бы то ни было изменений...» [9]. Учитывая то, что Резолюция 1244 говорит о статусе существующей автономии Косово в составе СРЮ (а значит, Сербии как ее правопреемницы), данную фразу скорее следует интерпретировать как невозможность отделения Косово от Сербии. При распаде СРЮ Сербия и Черногория как бывшие субъекты федерации стали самостоятельными государствами. Косово же субъектом СРЮ никогда не было, а всегда

входило в состав Сербии, а значит, при распаде СРЮ так и должно было оставаться в составе Сербии на правах автономии. Отсюда следует, что вырванное из контекста М. Ахтисаари «невозвращение Косово к ситуации, существовавшей до марта 1999 года» никак нельзя понимать в трактовке бывшего специального посланника.

Проект новой резолюции на основе плана Ахтисаари встретил сопротивление России, добивавшейся принятия решения по Косово на основе переговоров и компромисса сторон. Кроме того, Российская Федерация отрицала уникальность решения вопроса по Косово и настаивала на увязке темпов статусного процесса с ходом выполнения международных стандартов.

Используя СМИ, западные страны оказывали давление на Россию и пропагандировали неизбежность независимости Косово. Однако Запад также давал понять, что план Ахтисаари непременно будет реализован. Президент США Дж. Буш-младший в июне 2007 г. заявил: «Пришла пора Косово, провинции, большинство населения которой составляют албанцы-мусульмане, отделиться от Сербии и обрести независимость...Пора Совету Безопасности ООН одобрить план Ахтисаари» [6, с. 227-228].

Еще в 2006 г., в отсутствие обсуждения в СБ ООН вопроса о независимости края, Европейский союз создал в рамках общей европейской политики безопасности и обороны группу планирования ЕС, призванную обеспечить правопорядок в «независимом» Косово [1, с. 83]. За день до самопровозглашения независимости Косово, 16 февраля 2008 г. ЕС принял решение о развертывании в Косово миссии ЕС в области верховенства закона. Кроме того, 12 июня 2007 г. западные участники КГ провели заседание по Косово без участия России, в так называемом формате «квинты» (Германия, Великобритания, Италия, США, Франция) [5].

Между тем в силу существенных разногласий в СБ ООН обсуждение проблемы было перенесено в КГ, которая создала так называемую «тройку» (США, Россия, ЕС) для оче-

редного посредничества в переговорах между Белградом и Приштиной. Однако в рамках данных переговоров достичь соглашения относительно статуса края также не удалось. На заседании СБ ООН после обсуждения доклада «тройки» последовали выступления ряда западных политиков, содержащих высказывания о том, что «Соединенные Штаты, европейцы и другие полны решимости начать осуществление плана Ахтиссари...» [1, с. 83]. Таким образом, совершенно очевидно, что последовавшее далее одностороннее провозглашение независимости Косово опиралось на явную поддержку стран Запада.

Генеральный секретарь ООН в своем выступлении на заседании СБ ООН в связи с односторонним провозглашением Косово независимости 18 февраля 2008 г. показал косоваров с положительной стороны. Он сделал акцент на том, что декларация независимости провозглашает приверженность плану Ахтиссаари и Резолюции 1244 и содержит обязательство Косово продолжать конструктивную работу с ООН.

Президент Сербии Б. Тадич выступил с ходатайством о признании не имеющим юридической силы «одностороннего незаконного акта отделения Косово от Республики Сербия», а также о роспуске Скупщины Косово, поскольку, приняв декларацию о независимости, этот орган власти нарушил Резолюцию 1244. Российская Федерация поддержала позицию Сербии. Кроме того, по мнению России, сама миссия ЕС создана вопреки положениям Резолюции 1244 и не может быть частью международного гражданского присутствия, так как МООНК (Миссия ООН по Косово – А.А.) занимает все «поле» определенное резолюцией гражданского присутствия в Косово [7, с. 8]. Китай также осудил односторонние действия Косово и отметил, что при несоблюдении Резолюции 1244 принятая новая резолюция станет лишь «клочком бумаги». На данном заседании против признания независимости края выступили Россия, Китай, Индонезия, Вьетнам, Южная Африка.

Тем не менее, согласно плану Ахтиссаари, 28 февраля 2008 г. в Вене прошло учредительное

заседание МРГ, которая приняла решение действовать Приштине в становлении односторонне провозглашенной независимости. Нужно отметить, что Российская Федерация заявила протест против создания МРГ и, соответственно, не вошла в ее состав, хотя, согласно плану Ахтиссаари, Российская Федерация была в числе предполагаемых членов МРГ.

С момента одностороннего провозглашения независимости Косово события в регионе представляли собой воплощение в жизнь не принятого СБ ООН, но реализуемого на практике США и ЕС плана Ахтиссаари, который предусматривал полную замену МООНК миссией ЕС спустя 4 месяца с момента введения в действие плана.

ООН не приняла выработанный М. Ахтиссаари план и не поддержала официальным голосованием результат нарушения государственного суверенитета и территориальной целостности Сербии. В данном случае ООН показала, что остается единственной международной организацией, которая отстаивает в напряженном противоборстве демократические нормы международного права.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Буланникова Ю.А. «Правовое» урегулирование статуса Косово // Право и управление. XXI век. – 2008. – № 2 (7). – С. 82-86.
2. Всеобъемлющее предложение об урегулировании статуса Косово [Электронный ресурс]// Организация объединенных наций: [сайт]. [2007]. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N07/279/03/PDF/N0727903.pdf?OpenElement> (дата обращения: 13.04.2013).
3. Доклад Специального посланника Генерального секретаря по определению будущего статуса Косово [Электронный ресурс]//Организация объединенных наций: [сайт]. [2007]. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N07/272/25/PDF/N0727225.pdf?OpenElement> (дата обращения: 13.04.2013).
4. Заемский В.Ф. ООН и миротворчество. Курс лекций. – М.: Международные отношения, 2012. – 328 с.
5. Комментарий официального представителя МИД России М.Л. Камынина относительно заседания западной «квинты» по Косово [Электронный ресурс]// Министерство иностранных дел РФ: [сайт]. [2007]. URL: <http://www.mid.ru/>

- bdomp/ns-rkonfl.nsf/90be9cb5e6f07180432569e00049b5fb/432569e00034005fc32572f9004a7d09!OpenDocument (дата обращения: 13.04.2013).
6. Кузнецов Д.В. Югославский кризис: Взгляд сквозь призму общественного мнения. – М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2009. – 344 с.
 7. Предварительный отчет чрезвычайного заседания Совета Безопасности от 18.02.2008 г. [Электронный ресурс]//Организация объединенных наций: [сайт]. [2008]. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/PRO/N08/242/58/PDF/N0824258.pdf?OpenElement>
 8. Резолюция СБ ООН 1244 [Электронный ресурс]//Организация объединенных наций: [сайт]. [1999]. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N99/172/91/PDF/N9917291.pdf?OpenElement> (дата обращения: 13.04.2013).
 9. Руководящие принципы Контактной группы по урегулированию статуса Косово [Электронный ресурс]//Организация объединенных наций: [сайт]. [2005]. URL: <http://www.un.org/ru/peacekeeping/missions/unmik/principles.shtml> (дата обращения: 13.04.2013).
 10. Сорок миллионов евро за лоббирование косовской независимости [Электронный ресурс]// ИА Русская линия [сайт]. [2007]. URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=104895> (дата обращения: 13.04.2013).
 11. Ямбаев М.Л. Мартти Ахтисаари – новый «сукин сын» Соединенных Штатов [Электронный ресурс] // Фонд стратегической культуры: [сайт]. [2007]. URL: <http://www.fondsk.ru/news/2007/07/16/8328.html> (дата обращения: 13.04.2013).
 12. Ahtisaari M. Conflict resolution – the case of Kosovo // Irish Studies in International Affairs. – Royal Irish Academy. – 2008.– Vol. 19. – P. 183-187.

УДК 502/504:001.83(100)

Печищева Л.А.

Московский государственный лингвистический университет

РОЛЬ “МЯГКОЙ СИЛЫ” В СОТРУДНИЧЕСТВЕ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И СТРАНАМИ СААРК В НАЧАЛЕ 2000-х гг.

L. Pechishcheva

Moscow State Linguistic University

THE ROLE OF “SOFT POWER” IN THE COOPERATION BETWEEN GERMANY AND SAARC STATES AT THE BEGINNING OF THE 2000^s

Аннотация. В данной работе автор рассматривает основные направления отношений между ФРГ и СААРК на рубеже XX-XXI вв. Совместно с государственными и неправительственными организациями Германии и СААРК предпринимаются попытки стабилизировать ситуацию в Южной Азии и вовлечь этот регион в международную систему отношений. “Мягкая сила” в сотрудничестве между Германией и государствами, входящими в СААРК, является важным аспектом в развитии Южно-Азиатского региона, в особенности в сфере гражданских свобод, распространении демократических ценностей и социально-экономических программ.

Ключевые слова: “мягкая сила”; сотрудничество ФРГ и СААРК; начало 2000-х гг.; государственные и неправительственные организации; Южная Азия.

Abstract. In this work the author examines the main features of the relations between Germany and SAARC at the turn of the 20th-21st. centuries. Germany and SAARC along with the state organizations and NGOs try to stabilize the political, economic and social situation in South Asia and integrate this region into the international system. “Soft power” together with Germany and SAARC states is a significant aspect in the development of South Asia, especially in the sphere of defending the civil liberties, spreading of democratic values and social-economic programs.

Key words: “soft power”; cooperation between Germany and SAARC; the beginning of the 2000s; state organizations and NGOs; South Asia.

“Мягкая сила” наряду с “жесткой силой” играет одну из ключевых ролей в построении двусторонних отношений между государствами на международной арене. По мнению известного американского политолога профессора Гарвардского университета Джозефа Ная, “мягкая сила” может пониматься, как «возможность влиять на поведение других для того, чтобы получить желаемое. Существует несколько путей, как можно достичь цели: вы можете заставить (принудить) с помощью силы (угрозы); вы можете убеждать с помощью вознаграждения либо можете привлечь на свою сторону, то есть “мягкая сила” помогает добиться желаемых результатов, скорее привлекая людей, нежели принуждая их» [3, p. 2].

Сегодня обстановка в мире нестабильна из-за трудностей с разрешением конфликтов мирным путем, также из-за неустойчивой экономической обстановки, связанной с мировым экономическим кризисом. Южно-Азиатский регион не является исключением. Индия, наиболее динамично развивающаяся страна в Южной Азии, сегодня доминирует в этом регионе и является центром притяжения для других южноазиатских государств. Согласно отчету Европейской комиссии от 2005 г. самые маленькие страны Южной Азии, входящие в региональную организацию СААРК – Мальдивы (93,5 %) и Бутан (71,9 %) [2, p. 9] – оказались наиболее стабильными в политическом плане. Отношения наиболее крупных и влиятельных государств Южной Азии (Индии и Пакистана), напротив, хрупкие и нестабильные. Для нормализации отношений в политическом и социальном плане, а также для развития торго-

экономических связей мирным путем была создана в 1985 г. южноазиатская региональная организация СААРК, в которую сегодня входят Индия, Пакистан, Бутан, Мальдивы, Шри Ланка, Бангладеш, Непал и Афганистан [4, р. 34].

Необходимо отметить разработанную в начале XXI в. программу внешнеполитической стратегии Германии в отношении стран Южной Азии, где особое место отводится сотрудничеству между Германией и Индией. Эта программа «Задачи внешней политики ФРГ в Южной Азии в начале XXI в. (Афганистан, Бангладеш, Бутан, Индия, Мальдивы, Непал, Пакистан и Шри-Ланка)» была разработана в мае 2002 г. МИД ФРГ [5] и включает в себя несколько основных пунктов, в которых подчеркивается необходимость развития сотрудничества ФРГ со странами Южной Азии: демократия и гражданские права; мир и стабильность; экономические интересы Германии; экология; развитие партнерских отношений между Германией и странами Южной Азии; наука и культура; ЕС и Южная Азия; консульские службы (дипотношения). В программе делается вывод о том, что страны Южной Азии не интегрированы в мировые процессы, в мировую политику и экономику. Это связано с высоким уровнем коррупции, криминогенной и нестабильной обстановкой, постоянными религиозными и территориальными конфликтами. Именно поэтому многие развитые страны, в том числе Германия, не стремятся инвестировать в производство и экономику стран Южной Азии.

Германия, заинтересованная в развитии тесного сотрудничества со странами Южно-Азиатского региона, особенно с Индией, организует совместно с немецкими фондами и организациями различные проекты, направленные на развитие гражданских свобод и демократических институтов, продвижение немецкого языка, культуры и науки, поддержку социальных, экологических программ и совместных экономических проектов, но самое главное – Германия делает акцент на распространении стабильности и мира в Южно-Азиатском регионе.

На примере двух программ, поддерживаемых и финансируемых ФРГ, можно в какой-то степени проследить динамику развития сотрудничества между Германией и странами, входящими в организацию СААРК.

СААРК вместе с немецким *Фондом Фридриха Науманна* при поддержке правительства ФРГ развивает региональные программы в Южной Азии. Фонд имеет свои офисы в Индии, Пакистане и Шри Ланке. Головной офис Фонда располагается в Нью Дели (Индия) и занимается тремя приоритетными направлениями [7].

1. Экономическая свобода. Фонд тесно сотрудничает с Торговой палатой СААРК (SCCI), созданной еще в 1994 г. «Цель – укрепить региональную интеграцию и либеральные рыночные структуры благодаря расширению торговли и привлечению инвестиций».

2. Правовое государство, права и свободы человека, гражданские свободы. Фонд поддерживает взаимодействие общественных организаций с целью воспрепятствовать служебным злоупотреблениям местных чиновников. Фонд способствует расширению свободного доступа к информации граждан, которым необходимо дать возможность требовать отчета о государственном управлении и расходе государственных средств. В течение долгого времени партнером Фонда, помогающим делать независимые экспертизы и проводить расследования, является организация «Инициатива защиты прав человека Содружества», находящаяся в Нью Дели, Индия.

3. Разрешение конфликтов мирным путем. Одним из камней преткновения в региональной интеграции региона является разрешение индо-пакистанского территориального спора из-за Кашмира мирным путем. Фонд совместно с «Центром ведения диалога и восстановления дружественных отношений (урегулирования конфликтов)» поддерживает как индийских, так и пакистанских представителей гражданского общества, пытающихся наладить диалог между правитель-

ством Индии и Пакистаном в разрешение давнего территориального спора.

Одной из совместных программ ФРГ и СААРК является интеграция стран СААРК в международные экономические отношения, а также повышение уровня доходов населения и борьба с бедностью в Южной Азии.

Министерство ФРГ по экономическому сотрудничеству и развитию (BMZ) совместно с Секретариатом СААРК (Непал) учредил программу «Продвижение внутрирегионального торгового потенциала в СААРК» (2012-2014 гг.), цель которой способствовать стратегической производительности и управленческому потенциалу СААРК-ТПН, Организация по развитию торговли СААРК (SAARC-TPN) [6].

Малый и средний бизнес способствует значительному экономическому развитию и потенциалу в Южно-Азиатском регионе и обеспечивает занятость населения и увеличение дохода, что является одним из решающих факторов в борьбе с бедностью в регионе. Однако в настоящее время существует ряд сложностей в создании приемлемой структуры для внутрирегиональной торговли, поскольку государственный сектор торговли и организации частного сектора испытывают недостаток в уровне компетентности и профессионализма.

Организация по развитию торговли СААРК (SAARC-TPN) состоит из 28 государственных и частных учреждений и организаций из 8 стран, входящих в СААРК. Члены СААРК-ТПН включают прежде всего национальные торговые министерства или торговые департаменты экономических министерств, а также торгово-промышленные региональные и национальные организации.

Министерство ФРГ по экономическому сотрудничеству и развитию (BMZ) поддерживает проект организации СААРК-ТПН и её 5 рабочих групп (Ограничения против торговых тарифов; Развитие качества инфраструктуры; Инициатива бизнес для бизнеса; Торгово-информационный портал; Продвижение малых и средних торговых предприятий; Координация инвесторов) с целью улучшить стратегическое управление и ор-

ганизационное развитие в Южно-азиатском регионе.

Этот проект способствует распространению всеобъемлющей информации и облегчению коммуникации по различным вопросам между членами организации СААРК-ТПН, а также помогает преодолеть торговые ограничения и привлечь инвесторов. Благодаря соглашениям между членами организации и совместной работе с международными организациями внедряются новые технологии и привлекаются иностранные инвестиции, природные ресурсы данного региона играют значительную роль и способствуют более динамичному развитию Южно-азиатского региона и вовлечению его в международные торгово-экономические отношения.

Таким образом, организация СААРК в целом способствует налаживанию диалога между странами-членами. Однако всё ещё наблюдаются антагонистические тенденции автократии и либерализма в Южной Азии, которым «сопутствуют обычно обострение внутривнутриполитической ситуации, рост движений за автономию, а также усиление таких болезненных явлений, как экстремизм и терроризм» [1, с. 277]. Несмотря на нестабильную социально-экономическую и политическую обстановку в Южной Азии, ФРГ продвигает демократические ценности, участвует в гуманитарной помощи и внедряет новые технологии, помогающие быстрее интегрироваться странам СААРК в мировую политическую и экономическую систему. С другой стороны, Германия как сильный геополитический игрок защищает свои национальные интересы в Южной Азии, сохраняя свои позиции и влияние в этом регионе.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Южная Азия в мировой политике. – М.: Международные отношения, 2003. – С. 277.
2. Mzukisi Qobo. Regional Integration, Trade and Conflict in South Asia. International Institute for Sustainable Development (IISD), 2007. – P. 9.
3. Nye, Joseph. Soft Power: Means to Success in World Politics. – New York: Public Affairs, 2004. – 191 pp. // Chapter One. The Changing Nature of Power. – P. 2.

4. Tomislav Delinic, Nishchal N. Pandey. SAARC: Towards Meaningful Cooperation. Modern Printed Press, Kathmandu, Nepal, 2012. – P. 34.
5. “Aufgaben der deutschen Außenpolitik. Südasien (Afghanistan, Bangladesch, Bhutan, Indien, Malediven, Nepal, Pakistan und Sri Lanka)”. – 17 ss. [Электронный ресурс]: Режим доступа – <http://www.auswaertiges-amt.de/cae/servlet/content-blob/383820/publicationFile/4335/KonzeptSuedasien.pdf>
6. Promotion of intra-regional trade potentials in the SAARC region [Электронный ресурс]: Режим доступа – <http://www.giz.de/en/worldwide/14125.html>
7. [Электронный ресурс]: Режим доступа – <http://www.freiheit.org/Projekte-der-Region/248c181/index.html>

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ РОССИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

УДК 72–032.5 «16/17»

Мезенцева Ю.И.

Московский государственный областной университет

КАМЕННОЕ ШАТРОВОЕ ЗОДЧЕСТВО XVI–XVII вв.

Yu. Mezentseva

Moscow State Regional University

STONE TENT-ROOFED ARCHITECTURE OF XVI-XVII CENTURIES

Аннотация. В статье описывается постройка шатровых храмов Московского региона в период обновления архитектурных приемов храмостроений XVI-XVII вв. Московский период храмостроения как этап создания образцовой русской шатровой храмовой архитектуры периода реформы православного христианства. Автором предлагается анализ архитектурного решения зодчества на примере шатровых храмов в Коломенском, Острове, Беседах, Медведкове и Путинках. Конструктивное и декоративное решение шатровых храмов рассматривается как композиция строгого архитектурного замысла и богатого на украшения внешнего убранства. Автор также обращает внимание на сложность точной датировки времени постройки храмовой шатровой архитектуры XVI-XVII вв.

Ключевые слова: шатровая архитектура, крестообразный план, итальянские декоративные мотивы.

Abstract. The paper describes the construction of tent-roofed churches in Moscow region in the period of renovation of architectural techniques of church building in the 16th-17th centuries. Moscow period of church building is considered to be the stage of creating the best of Russian tent-roofed temple architecture of the period, the reforms of Orthodox Christianity. The author offers the analysis of the architectural solution of architecture on the example of the tent-roofed churches in Kolomenskoye, Ostrov, Besedy and Putinki. The constructive and decorative solution of the tent-roofed churches is considered as a strict composition of the architectural design and rich decoration of external decoration. The author also draws attention to the complexity of the exact dating of the construction of the 16th-17th centuries' tent-shaped churches architecture.

Key words: tent-roofed architecture, a cruciform plan, Italian decorative motifs.

Через три года после сооружения церкви Иоанна Предтечи в селе Дьякове – этого прототипа шатровых храмов, в селе Коломенском в 1532 г. сооружается каменный, чисто шатровый храм Вознесения, посвященный памяти дня рождения Ивана Грозного.

Всё, что было недосказано в Дьяковской церкви, здесь высказано полно и определённо. План Вознесенского Коломенского храма уже не имеет ничего общего с византийским типом. Это новый крестообразный план, лишённый самой видной части храмов – алтарных абсид, и алтарь снаружи совершенно не отличается от других сторон Вознесенского храма. Плановый образец такого исключительного приёма можно лишь обнаружить в деревянных

© Мезенцева Ю.И.

храмах, где также не замечен алтарь снаружи. Крестообразный план Коломенского храма всё-таки не был бы здесь явным доказательством заимствования с деревянных храмов, если бы сам храм это не подтверждал построением.

Смелая постановка каменного шатрового восьмерика на крестчатое основание конструктивно не простая и более свойственна деревянным храмам. Без изобретения особого внутреннего углового сводчатого перехода от стен четверика к восьмернику выполнить намеченную задачу было бы невозможно. Заимствование форм деревянных храмов подтверждается тем общим строем, которое более присуще формам деревянных храмов, ещё донныне существующих на севере России.

Структура Коломенского храма Вознесения им близка. На главном четверике покоится шатровый восьмерик, убранный по углам «теремками». Сходство довершается присутствием подклета с галереями, что являлось принадлежностью деревянных храмов. В них шатёр и даже восьмерик не открывались внутри храма, будучи отрезаны потолком. При сооружении каменного храма, где по византийским традициям открытый купол составлял необходимое целое, нельзя было пожертвовать столь важной частью, как световой величественный купол.

Снаружи храм Вознесения трактует знакомые раннемосковские мотивы в обработке углов стен лопатками и в выдвигающихся рядах кокошников характерной заострённой формы. Несмотря на строгость и приверженность к раннемосковским формам, вся обработка их в Вознесенском Коломенском храме поражает новшеством введения повсюду итальянских профилей. Встречаются даже целые архитектурные формы, как, например, окна восьмерика и своеобразные декоративные «стрелы» с полуколонками романского типа в фасадную обработку храма, очевидно, из боязни пустых гладких мест, подобно испещрённой пересекающимися «стрелами» поверхности шатра. Правда, все эти антаблемента, архивольты и прочие детали несколько грубоваты для признанных итальянских

форм, но всё же и для них нужно было знакомство с «фряжским» стилем.

Приходит мысль, что при конструировании каменного шатра строителю рисовались знакомые романские шатровые формы и что это – первая на Руси конструкция шатровых сводов. Хотя не исключается строительство похожих, но не сохранившихся церквей.

Храм Вознесения красуется на высоком берегу Москвы-реки. Он ранее входил в состав знаменитого деревянного Коломенского «Государева двора» Иоанна IV. Искусствовед М.В. Алпатов писал: «В Москве того времени не было второго памятника искусства, в котором стремления народа к величию и красоте нашли бы такое же полное воплощение, как в Коломенском храме. В своём похвальном обращении к Василию III старец Филофей несколько напыщенно и витиевато высказал мысль о том, что от славы Русского государства, «третьего нового Рима державного твоего царства», отсветы падают и на русскую церковь, которая, по словам, «во всей поднебесной паче солнца светится». Выраженные на языке литературы, эти представления о славе и величии Русского государства приобрели в здании Коломенского храма особую силу воздействия» [1, с. 56].

Другой шатровый храм – церковь Преображения находится в царском селе Острове. Весь сложенный из белого камня, храм по своим конструктивным и декоративным приёмам должен быть отнесён к XVI в. К сожалению, нет никаких уцелевших документальных сведений о времени его постройки. Имеется лишь церковное предание, что храм сооружён при Иоанне Грозном. В своём труде В.Д. Чёрный пишет: «К числу ещё во многом загадочных малоизученных построек относится белокаменная церковь Преображения в Острове. Она представляет собой крестчатое в плане столпообразное ярусное сооружение с одной абсидой, несущее восьмерик и невысокий гладкий шатёр с вытянутой главкой. Места переходов от одного яруса к другому украшены огромным количеством кокошников (на основном объёме их 144). Обращает на себя внимание сбалансированность форм, профили-

ровка мощных лопаток храма, архитектурный пояс под карнизом четверика, обломы карниза и характер оформления порталов. На углах крестчатого яруса установлены двенадцать декоративных главок. Главное здание дополнено (возможно, позднее) двумя равновеликими одноглавыми пределями, украшенными тремя рядами полукруглых кокошников. Храм окружала открытая галерея» [3, с. 268]

Вглядываясь во внешнюю обработку Островского храма, и здесь замечаем итальянские профили в обработке цоколя, карнизов, пилястр и поясков.

Но наряду с итальянскими декоративными мотивами, в Островском храме читаются и новгородско-псковские мотивы. Своеобразное соединение итальянских и новгородско-псковских мотивов указывает на ещё не установившуюся обработку масс национальных храмовых форм. К сожалению, Преображенский храм значительно изменён более поздними пристройками, которые мешают по достоинству оценить этот замечательный памятник самобытного искусства.

Из московских храмов этого типа следует отметить интересный храм Рождества Богоматери в селе Беседы. План этой церкви прост – это «четверик» – квадрат с примыкающей к нему одночастной абсидой. Переход от «четверика» к невысокому «восьмернику» шатра снаружи декорирован довольно сложным переходом из выдвигающихся трёх рядов кокошников с распорными кокошниками «в перебежку». Приём этот почти тождественен подобной же обработке шатра храма Василия Блаженного в Москве. Неизвестно только, откуда шло заимствование, так как никаких сведений о точном времени сооружения Рождественской церкви нет. Другая особенность этой церкви заключается в своеобразной обработке шатра, не имеющем в своём подножии поверх «восьмерика» традиционных рядов кокошников, как во всех выше рассмотренных шатровых храмах. Наружный переход от «восьмерика» к шатру здесь заключается в простом, довольно крутом кровельном «сливе» поверх карниза, как это делалось ранее в деревянных храмах.

Другой каменный Покровский шатровый храм «на четверике», находящийся в селе Медведково под Москвой, принадлежит уже к числу усложнённых форм архитектуры XVII в. В точности время сооружения Покровского храма неизвестно. Покровская церковь, обладающая развитыми формами, с прекрасной группировкой стройных масс и изысканностью силуэта, принадлежит к числу выдающихся национальных памятников.

План храма с его двумя приделами по сторонам и крытой сводчатой галереей, с высокими подклетами и нижним храмом, почти исчерпывает плановый приём каменных московских храмов до 70-х гг. XVII в. К числу особенностей Покровского храма прежде всего нужно отнести проведённое в нём стремление к «старозаветности». Другой особенностью является устройство в подклете храма, оно тем более интересно, что планировка нижнего храма не соответствует верхней. Ещё снаружи заметно, что абсиды нижнего храма значительно выдвигаются вперёд против верхних абсид. Это вызвано тем каноническим условием, которое не позволяло ставить престол над крестом.

Следующая особенность Покровской церкви заключается в покрытии приделов. Им дана простая четырёхскатная низкая кровля, на которой без всяких переходов поставлена чисто декоративная глава, как в деревянных храмах. Это простое покрытие приделов Покровского храма решает очень важный вопрос о существовании уже в начале XVII в. в московской храмовой архитектуре четырёхскатного «палатного» покрытия наряду с покрытием «по законам».

К концу XVII века, как известно, «палатное» покрытие было уже принято во многих пятиглавых храмах московской храмовой архитектуры. В ответ главам приделов, над верхним алтарём поставлена ещё одна восьмая глава, требующая ответа в западной части храма для символического числа девяти глав. Вероятно, девятая глава и была на уничтоженной звоннице, заменённой существующей ныне колокольней. Из новых декоративных форм Покровского храма обращают на

себя внимание окна шатра с фронтонами, помещённые на четырёх его гранях. Этот храм отличает удивительная стройность, о которой заботился и зодчий, давший такую изысканную сложную группу и увенчавший её необыкновенно стройным и лёгким шатром.

Начало периода запрещений шатровых храмов, как каменных, так и деревянных, связывают со временем преобразований патриарха Никона. Шатровые храмы в то время были найдены несоответствующими церковному канону и строго преследовались не только патриархом, но и его преемниками. Но патриаршие запрещения мало проникали на Север России, и там до наших дней сохранилось немало деревянных церквей.

Одной из самых ярких достопримечательностей Москвы является храм Рождества Богородицы в Путинках. При первом взгляде на несколько якобы хаотичный план кажется, что храм составлялся постепенно из разнородных пристроек. Главный трёхшатровый продолговатый по плану храм перекрыт наглухо сводом, прочно держащим все три шатра. Более новой является конструкция придела церкви, покрытого тремя рядами кокошников, заканчивающихся небольшой главой. Эти кокошники и световая (ныне закрытая) глава держатся на сомкнутом своде, перекрывающем этот придел.

С таким приёмом сводчатого перекрытия встречаемся только в XVII в. В декоративной обработке Путинковского храма встречается много форм в виде русифицированных антаблементов, венчающих «четверики» и «вось-

мерики» шатров, где «машикули» превращены в зубчики, в размере, свойственном кирпичу, как и вся особенность заключается во введении в обработку фасадов придела вместо традиционных лопаток полуколонны «романского» типа. Вся внешняя декорация Путинковского храма имела ту сплошную пестроту, которая характеризует XVII в. в московской каменной кирпичной архитектуре. Хотя многие детали храма указывают на ещё неутвердившиеся приёмы, которые московские строители почерпнули из всё пополняющейся сокровищницы, какой был Кремль со всеми новыми и новыми сооружениями. М.А. Ильин в своей книге о шатровом зодчестве пишет: «Архитектура шатровых храмов, особенно середины XVI в., не перестаёт привлекать к себе внимание учёных из-за оригинальности воплощения заложенных в ней идей. Они во многом не ясны и не освещены исследовательской мыслью. Памятники шатрового зодчества во многом остаются загадочными. Естественно желание, при всей ограниченности наших знаний, как-то изучить эти памятники, установить датировку, указать на своеобразие того или иного композиционного приёма или систему декоративных форм и элементов, попробовать их «разгадать» [2, с. 218].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алпатов М.В. Всеобщая история искусств. – М.: «Искусство», 1955. – 386 с.
2. Ильин М.А. Русское шатровое зодчество. – М.: «Искусство», 1980. – 470 с.
3. Чёрный В.Д. Искусство средневековой Руси. – М.: «Владос», 1997. – 432 с.

УДК 94(470.67)

Идрисов Ю.М.¹, Абдусаламов М.-П.Б.²

¹Дагестанский государственный институт народного хозяйства (г. Махачкала)

²Северо-Кавказский филиал Российской правовой академии (г. Махачкала)

**СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ КАВКАЗ, ЕГО ГЕОГРАФИЯ,
НАСЕЛЕНИЕ И ФЕОДАЛЬНАЯ ЭЛИТА В ОПИСАНИЯХ
ЭВЛИИ ЧЕЛЕБИ И АДАМА ОЛЕАРИЯ: РАЗЛИЧИЯ И СХОДСТВА**

Y. Idrisov¹, M. Abdusalomov²

¹The Dagestan State Institute of National Economy, Makhachkala

²North Caucasus (Makhachkala) branch of the State Institution
of Higher Professional Education Russian Legal Academy
of the Ministry of Justice of the Russian Federation

**NORTH-EAST CAUCASUS, ITS GEOGRAPHY, POPULATION,
AND FEUDAL ELITE DESCRIBED BY EVLIYA CHELEBI
AND ADAM OLEARY: DIFFERENCES AND SIMILARITIES**

Аннотация. В статье анализируются сведения путешественников XVII вв. Эвлии Челеби и Адама Олеария о Северо-Восточном Кавказе и его правящей феодальной элите, порядке управления и обычаях в регионе. В статье приведен богатый фактический материал, использованы цитаты из источников, дан их подробный сравнительный анализ. Авторы статьи обратили внимание на различие оценок путешественников в отношении увиденного и исследуют причины появления этих разночтений. По их мнению, на восприятие увиденного путешественниками оказали влияние современные им события и религиозные представления о людях своей и иной веры.

Ключевые слова: Эвлия Челеби, Адам Олеарий, Северо-Восточный Кавказ, Дагестан, шамхал, Тарки, Дербент, падишах, феодалы, религия турок, немец, мировоззрение, традиции.

Abstract. The article analyzes the data from books of Evliya Chelebi and Adam Oleary, the XVIIth century travelers, about the North-East Caucasus and its ruling feudal elite, its administrative procedures and customs. The paper presents a vast factual material, includes quotation of the sources, and offers a detailed comparative analysis of the data. The authors of the article attract the readers' attention to differences in the travelers' estimations of what they had seen and investigate the reasons of such differences in interpretations. They consider that the travelers were under influence of the events of their contemporary life. Besides, the religious ideas had a great impact on their outlook and perception of people of other faith.

Key words: Evliya Chelebi, Adam Oleary, North-East Caucasus, Dagestan, shamkhal, Torquay, Derbent, padishah, feudal lords, religion of the Turks, German, outlook, traditions.

Эвлия Челеби и Адам Олеарий – это два ярких современника, путешественника и исследователя. Сомнительно, что они даже слышали друг о друге. Различными были их судьбы, религиозные убеждения, взгляды на жизнь, различными были и причины появления этих двух путешественников в Дагестане. Всё это не могло не наложить отпечаток на их восприятие увиденного. Потому кратко скажем и о самих путешественниках и о причинах их странствий.

Эвлия Челеби родился в Стамбуле в 1611 г. в семье придворного ювелира и сестры великого везира Мелик-Ахмед-Паши, умер в 1682 г. Он продукт апогея развития османской культуры и науки, современник учёного-энциклопедиста Хусейна Хезарфена, изобретателя Ахмета Хезарфена (прозван «Турецким Икаром» за то, что перелетел на самодельных крыльях пролив Босфор в 1638 г.) и историков Ибрагима Печеви и Катиба Челеби. Испытывая огромный интерес к географии, этнографии и зоологии, Эвлия Челеби объездил множество стран, в том числе дважды посетил Дагестан. Первый раз, в 1641–1642 гг. он посетил и описал Дербент

© Идрисов Ю.М., Абдусаламов М.-П.Б., 2013.

и некоторые районы Южного Дагестана, а во второй раз, в 1666–1667 гг., сопровождая лишившегося престола крымского хана Мухаммад-Герая, объехал вместе с ним Кумыкию, побывал в Кайтаге, Табасаране, Дербенте а затем, совершив морское плавание по Каспийскому морю, высадился недалеко от русской крепости Терки. Именно последнее его путешествие и породило записи, лёгшие в основу нашего исследования.

Адам Ольшлегель (Олеарий или точнее Олеариус – латинизированная форма настоящей фамилии) на 12 лет старше Челеби, сын портного из обнищавшей семьи, благодаря своей природной энергии и любознательности получил высшее образование и развился в универсальную личность, сочетавшую в себе таланты историка, лингвиста, математика, географа, физика и конструктора. Умер в 1671 г.

Голштинский герцог Фририх III, на службе которого находился Олеарий, являлся союзником Дании, Испании и Австрии в их борьбе против Франко-Шведско-Голландского альянса. По мнению сподвижника Петра I и исследователя Каспийского побережья Фёдорова Соймонова, главной побудительной целью организации голштинского посольства в Персии являлось именно стремление нанести ущерб голландской экономике, нарушив её монополию на торговлю с Персией. Ещё до начала путешествия, в Гамбурге под эгидой герцога Голштинского была основана Персидская купеческая компания, главным активистом которой являлся Оттон Брюггеман. Последний вместе с дипломатом Филиппом Крузенштерном (прадедом русского адмирала Ивана Крузенштерна) был назначен главой голштинского посольства в Персию, а Олеарий их секретарём и переводчиком.

Судно Брюггемана по своей конструкции было совершенно неизвестно на Каспии. Построено оно было в Нижнем Новгороде под руководством голштинского «корабельщика». В длину оно достигало 120 футов, в глубину семь футов, имело три мачты и 24 весла, стало на мель в Низабаде [8, с. 322-323]. Дальше пришлось идти по берегу.

Надежды компании на сверхдоходы не оправдались. Голштинские купцы убедились, что, даже купив в Персии шёлк за полцены, они не смогут оправдать деньги за провоз товара по Волге и в обход Скандинавского полуострова. В качестве утешения шах Сефи одарил Брюггемана, Олеария и других незадачливых негоциантов деньгами на обратный путь [8, с. 322-323].

Несмотря на неудачу в Персии, голштинцы оставили большой след в истории Северо-Восточного Кавказа. Любопытнейшим фактом являются экономические переговоры, которые состоялись в городе Эндирей 15-17 мая 1638 г. между шамхалом Айдемирком, сыном Султан-Махмуда, с одной стороны, и Филиппом Крузенштерном и Отто Брюггеманом – с другой. Договор оформил Адам Олеарий. Насколько известно, это единственный в истории подобного рода официальный договор между западноевропейским и северокавказским государствами [6, с. 511]. Брюггеман обещал шамхалу, что голштинские купцы будут посещать Эндирей ежегодно, но его слова так и остались лишь обещаниями.

Челеби называет Дагестан «государством высокородных шамхалов» (Al-i Shamhaliyan Devleti) [1, с. 117]. «Бессмысленно тягаться и выйти победителем в борьбе с дагестанским шахом». Численность армии шамхала Сурхая он оценивает в 87 тысяч человек. «Дагестанский край со всех сторон окружён (владениями) правителей семи падишахств, семи ханств и семи областей, и они днём и ночью воюют с владельцами каждого края, и они храбрые молодцы, дающие отпор всем врагам» [10, с. 108].

Турецкий путешественник утверждает: «Дагестанская страна» включает в себя семь ханств, сорок семь кадийств, сорок один город и 56 крепостей [10, с. 107, 115]. Демир-Капу (Дербент) по его мнению, имеет 7 смертельных врагов, среди которых он на первое место ставит казаков [9, с. 174].

Вообще заметно его стремление все страны делить на семь областей и окружать их семью пограничными государствами, упоминать 7 врагов и т.д. Число семь играет нема-

лую роль в мусульманской традиции (7 небесная, 7 спящих отроков в Эфесе, 7 климатов (областей) обитаемой части земли (ойкумены) и т.д.), поэтому нет причин понимать сообщение Челеби буквально. Говоря о торговле, Челеби сообщает, что в Дагестане не употребляют курушей и «алтунов» и преобладает меновая торговля, однако, местные «...купцы никогда не ездят в Иран. Но они ведут торговлю с неверными московитами» [10, с. 107].

Границей владений иранского и дагестанского падишахов Челеби определяет город Демир-Капу (Дербент) [10, с. 108]. Исследователи до сих пор уделяют мало внимания тому обстоятельству, что Олеарий отличает «сирийские» надписи на кладбище от арабских [2, с. 110]. Общеизвестно, что до арабизации Сирии в ней бытовала арамейская письменность.

Отдельно Эвлия Челеби сказал о советниках шамхала: «Везир шамхал-шаха Таки-Хан. Упомянутый хан знает наизусть Коран, он стар и благочестив. За ним следуют: хан – владетель страны Карабудак, Улу-Бей, Али-Бей, Касым-Бей, Казанал-Бей, Мухаммед-Бей, Илкас-Бей, Ливарди-Бей, Хайдар-Бей, Халил-Бей, Чобан-Бей и ещё имеется множество беев. Им принадлежит власть. Ни один приём не обходится без появления шамхал-султана. Они называют это появлением на ханском собрании. В нём представлены все ханы – правители страны. А потому оно объявляет о создании любых благотворительных учреждений для бедных города Тарки».

По его словам властители отрицают роскошь и тщеславие, заботятся о своих подданных, в том числе и о немусульманах. Закон здесь находится в руках мусульманских богословов [10, с. 106]. «В одежде у них совершенно отсутствует шелк, ибо они, будучи мужами умеренными, шелка совсем не носят, следуя хадису: «Того, кто наряжается в мире сем, да не оденут в мире вечном»» [10, с. 106]. Челеби, явно идеализируя предмет описания, утверждает, что в этой стране не знают обмана, вероломства, зависти. Дагестан Челеби считал культурной для своего времени страной.

Совершенно иначе описывает увиденное Адам Олеарий. Указав, что сын предыдущего шамхала Эльдара, Имам-Мурза боится быть отравленным своим двоюродным братом Сурхаем, он приводит цитату из Библии: «Князья твои – сообщники воров» (Исайя, I). В полном объёме цитата звучит следующим образом: «Как сделалась блудницею верная столица, исполненная правосудия! Правда обитала в ней, а теперь – убийцы. Серебро твоё стало изгарью, вино твоё испорчено водою; князья твои – законопреступники и сообщники воров; все они любят подарки и гонятся за мздою; не защищают сироты, и дело вдовы не доходит до них». При таких обстоятельствах о «благотворительных учреждениях для бедных города» не могло быть и речи.

В свою очередь, вышеназванный Сурхай охарактеризовал Султан-Махмуда (в данном случае его сына шамхала Айдемира) как разбойника, которому кровопролитие доставляет одно только удовольствие [6, с. 505].

И всё же и голштинский дипломат не смог скрыть своего восхищения вольнолюбием кумыкского князя, брата будущего шамхала Сурхая, обозначив его по титулу Мурза, правда, и скрасив его иронией. Он описал выразительный эпизод, произошедший в 1636 г. в русской крепости Терки: находившийся в крепости Мурза отказался встать и выпить за здоровье Великого князя Московского. На вопрос терского служилого князя Мусала Черкасского: «Разве не знает он, в чьей земле он теперь находится? Мурза дерзко отвечал, что еще сомневается, находится ли он в земле Великого князя или в своей собственности... Ибо Терки и вся эта область недавно еще принадлежала татарам (кумыкам. – Ю.И., М.-П. А.)» и прибавил от себя, что «...хотя Мусал и ходит в красивых одеждах, все-таки он не что иное, как раб великого князя; он же в своих простых одеждах князь свободный, никому, кроме Бога, неподвластный» [6, с. 428].

Ещё в одном месте Адам Олеарий приводит яркий пример высокой оценки собственной независимости буйнакскими подданными шамхала, заявлявшими, что им нет дела ни до персидского шаха, ни до московского

князя и что они не состоят в подданстве ни у кого, кроме Аллаха [6, с. 496].

Кроме Тарки и Девир-Капу, Челеби также описывает такие феодальные владения, как Эндирей, Кайтаг, Табасаран, Кюбечли (Кубачи), Судакер (Цудахар). Говоря о Кайтаге, турецкий путешественник ошибочно назвал местных жителей потомками монголов [10, с. 160], но если учесть, что побывавший в Кайтаге пятью годами позже голландец Ян Стрейс зафиксировал факт службы у кайтагского уцмия отряда «калмыкских татар» [2, с. 138], можно допустить предположение, что именно с этими «монголами» Эвлия Челеби и повстречался.

Удивительное совпадение: правителя княжества Эндирей оба автора ошибочно именуют «шамхалом Султан-Махмудом», то есть отождествляют с известным в Северо-Кавказском регионе историческим деятелем конца XVI-первой половины XVII вв. Султан-Махмудом (Солтан-Мутум, в местной традиции), никогда шамхалом не являвшимся. На самом деле Олеария встречал его старший сын шамхал Айдемир, а Эвлию Челеби – его младший сын Казан-Алп. Оба автора уделяют большое внимание географии региона, сравнивая её особенности с известными их читателям реалиями своей родины. Например, Олеарий сравнивает реку Койсу (Сулак) с Эльбой и указывает её глубину в более чем три человеческих роста [6, с. 508].

Оба автора одинаково подчёркивают верховный авторитет шамхала Тарковского над прочими дагестанскими феодалами. Эвлия Челеби титулует шамхала шамхал-шахом, шамхал-султаном, падишахом и даже шахиншахом Дагестана, а немецкий путешественник охарактеризовал шамхала, как царя между дагестанскими владетелями [6, с. 485]. Титул же шамхал (в кумыкской транскрипции: шавхал) он переводит как "светоч" ("Lumen") [6, с. 495].

Большое внимание и немец и турок уделяют столице шамхальства – городу Тарки. «С давних времён Тарки является местом престола шахиншаха Дагестана», – пишет Челеби, который даже посвятил городу заголовок «О свойствах великого города Тарки», «В

похвалу городу Тарки» [10, с. 105-106]. Благодаря же голштинскому автору до нас дошла гравюра с изображением самого города, единственная в своём роде.

И турок и немец особый интерес проявили к Каспийскому морю. Челеби приводит любопытные сведения о названиях Каспийского моря: «Это море по названию каждого края, называют Ширванским и Демир-Капу, Гилянским и Хорезмским Фагфурским и морем страны Кызлар, Московским и Астраханским, морем Железных ворот и Алатырским, Терским морем... Но в этой местности его именуют Дагестанским и Ширванским морем» [10, с. 107].

Олеарий, вкратце описав страны, окружающие Каспийское море, приходит к мысли, что его можно по праву назвать Средиземным морем, ибо, как писал Геродот: «Море Каспийское существует само по себе и не соединяется с другими» [6, с. 442].

К таким же выводам приходит и Челеби, указывая на невозможность соединения Каспийского, или, как он, указывает Хазарского моря с Черным через реку Фашо (Фасис) в Грузии в связи с тем, что в Фашо вода сладкая, а «вода Хазарского моря хуже смертельного яда» [9, с. 172].

Оба автора прибегают к гипертрафированным утверждениям и сравнениям при описании местных обычаев, тяготея к «экзотике», стремясь этим поразить своих читателей. Например, турок утверждает: «Совсем юные мальчики в 10 лет обрастают бородой» [10, с. 110].

Немец, в свою очередь, описывает странный и неизвестный у кумыков обычай, имевший место, по его словам, в Эндирее в первой половине XVII вв. Во время свадеб гости приносили стрелу, которой стреляли в потолок и оставляли в таком положении пока она не сгниёт [6, с. 509].

В обоих сочинениях была отмечена роль расположенного на горе близ Дербента мавзолея (зиярата) легендарного героя тюркского эпоса Дедема Коркута (Имама Корхуда у Олеария) в религиозной жизни азербайджанцев [10, с. 176].

Любопытно, что оба путешественника упомянули такое маленькое государственное образование Дагестана, как Цахур. Олеарий – в связи с тем, что туда был увезён украденный солдат из его сопровождения, шотландец Вильгельм Гой [6, с. 506], а Челеби, лично побывавший в Цахуре, указывает на воинственность его населения [9, с. 178].

Адама Олеария сопровождал крупнейший немецкий поэт своего времени Пауль Флеминг. Он также оставил описание увиденного, но в стихотворной форме. Его стихи приводит в своей книге и Олеарий. Сказал Флеминг свое слово и о дагестанских феодалах, особенно о шамхале, отмечая его грозность, а также горячность и дикость его подданных [3, с. 85].

Другой знаменитый спутник Олеария Иоганн Альбрехт фон Мандесло побывал в Дагестане лишь по пути в Персию, откуда он отправился в Индию и также оставил после себя записи о своих путешествиях, которые, к сожалению, до сих пор не издавались на русском языке.

Среди обстоятельств, вызвавших несходство описаний двух путешественников, на наш взгляд, следует выделить семь:

1) Различия в характере самих путешественников и причинах их повторного появления в Дагестане. Олеарий и его спутники вернулись в Дагестан, потерпев фиаско при дворе Сефи-Шаха, что было дополнительным раздражающим фактором в восприятии окружающей их обстановки.

2) Религиозный фактор. Олеарий и его спутники в восприятии дагестанцев XVII в. были чужаками, «кяфирами», которые ещё не подчинились мусульманской власти и которых поэтому «не грех» если не убить, то хотя бы ограбить. Местные жители в представлении голштинцев также чужаки, «неверные», варвары. Отсюда априори взаимные неприязнь и отчуждение. Не следует забывать, что Голштиния в Тридцатилетней войне была союзником двух главных врагов Османской империи – Испании и Австрии, активно проводивших в Европе антимусульманскую информационную войну в целях отвлечения об-

щественного сознания от идей Реформации [4, с. 117]. Война менее всего способствует объективной точке зрения. К тому же отличалось и одеяние, и этикет европейцев и кавказцев. Иное дело – почётные гости, мусульмане-сунниты: хан Мухаммад-Герей и Эвлия Челеби. «Дагестанский падишах шамхалшах Султан-Махмуд прислал такие подарки, яства, пития, и хану было оказано такое уважение и всевозможные почести, что всё это не описать и пером» – резюмирует описание оказанного им почёта турецкий путешественник [10, с. 104]. Да и само понимание этикета у мусульман и христиан в исследуемую эпоху было совершенно различным.

3) Низкий статус купца Отто Брюгемана и дипломата мелкого и отдалённого немецкого княжества Филипа Крузенштерна, не имевшего к тому времени уже и верительных грамот и, что самое главное, дорогих подарков (они погибли вместе с судном) и его секретаря и переводчика Олеария в сравнении с пусть и беглым, но ханом Мухаммед-Гереем и придворным турецкого султана Челеби, который имел при себе верительную грамоту даже от австрийского императора, что поразило астраханского воеводу при их встрече [9, с. 132].

4) Слабую степень информированности европейцев о Дагестане в сравнении со знаниями турок и других ближневосточных народов. Показательно, что на карте, составленной в Ватикане в конце XVI в., на территории Дагестана всё ещё была указана Хазария [7, с. 100].

5) Фактор языка общения. Хотя Олеарий владел восточными языками и даже составил немецко-персидский словарь и перевёл на немецкий произведения Саади, его познания в тюркских языках вызывают вопрос, в любом случае они, если и были в наличии, носили книжный характер и не позволяли вести то живое общение с местными жителями, которое было доступно Челеби и особенно его крымско-татарским и ногайским спутникам.

6) Хронологический разрыв в их посещениях Дагестана. Олеарий посетил Дагестан в 1636-1638 гг., в самый разгар противостояния Айдемир-Шамхала и амбициозного и силь-

ного претендента на шамхальский престол Сурхая. Время междоусобиц никогда и нигде не благоприятствовало путешественникам. Эвлия Челеби, напротив, оказался здесь в период политической стабилизации, когда Сурхаю удалось стать единоличным правителем-шамхалом и вновь распространить власть своей династии вплоть до отдаленнейших горных уголков Дагестана и Чечни [5, с. 198].

7) Социокультурные стереотипы, сложившиеся за предшествующие века. Имманентные представления взяли верх над объективностью, и оба путешественника, каждый по-своему, описали увиденное так, как это хотелось бы видеть их землякам-читателям. К XVII в. на Западе и Востоке уже сложились традиции описания совершённых путешествий, и предлагать к прочтению объективную картину было ещё слишком рискованным шагом. Наименьшим наказанием для автора такого сочинения явилось бы отсутствие читательского интереса.

Наличие двух столь уникальных источников об истории Дагестана, как «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно» Адама Олеария и «Книга путешествий» Эвлии Челеби и их сравнительный анализ имеют чрезвычайно важное значение для понимания объективной и возможной полной картины политической истории, нравов и экономического быта региона в XVII в. и дальнейшего развития их в последующем. Поэтому оба труда всё ещё имеют большой потенциал для современных исследователей. Яркие описания авторов, не тускнеющие и спустя три с половиной столетия, тонкость их наблюдений, их широкая эрудиция, употребляемые ими эмоциональ-

ные оценки и сравнения, и их впечатляющее воздействие остаются надёжной порукой актуальности их трудов и в дальнейшем.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алиев К.М. Кумыки и их правители Шаухалы в османских (турецких) источниках XVI-первой половине XVIII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. – Казань: Изд-во «Ихлас», 2010. Вып. 2. – С. 115-122.
2. Гаджиев В.Г. Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII–XVIII вв. / Сост. В.Г. Гаджиев. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1992. – 301 с.
3. Гамидов А. Дагестанские стихи немецкого автора. – Махачкала: Республиканская газетно-журнальная типография, 2007. – 111 с.
4. Лазарева А.В. Образ врага и становление немецкой национальной идеи в годы Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.) // Вопросы истории. – 2013. – № 2. – С. 110-123.
5. Магомедов Р.М. История Дагестана. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1998. – 208 с.
6. Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1906. – 582 с.
7. Поляк А.Н. Восточная Европа IX–X вв. // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. К 75-летию академика Г. Г. Литаврина. – М.: Наука, 2001. – С. 79-101.
8. Соймонов Ф. Описание Каспийского моря и чиненых на оном российских завоеваний, яко часть истории Государя императора Петра Великого // Ежемесячные сочинения и известия об ученых делах. – СПб.: Тип. Импер. АН, 1763. – 380 с.
9. Челеби Э. Книга путешествий. Вып. 3. Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана. – М: Главная ред. восточной литературы, 1983. – 376 с.
10. Челеби Э. Книга путешествий. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. – М.: Главная ред. восточной литературы, 1979. – 287 с.

РАЗДЕЛ IV. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(470.6)»1930»

Скорик А.П.¹, Гадицкая М.А.²

¹Южно-Российский государственный технический университет (г. Новочеркасск)

²Российский университет дружбы народов (Сочинский филиал)

ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ И КОСТЮМ КАЗАЧЕСТВА ЮГА РОССИИ В 1930-х гг. КАК ЭЛЕМЕНТЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

A. Skorik¹, M. Gaditskaya²

¹South-Russian State Technical University, Novochechassk

²Sochi branch of Peoples' Friendship University of Russia

FOOD SUPPLY AND NATIONAL COSSACKS COSTUME AS ELEMENTS OF EVERYDAY LIFE IN THE SOUTH OF RUSSIA IN 1930^s

Аннотация. В статье освещается ряд элементов повседневной жизни южнороссийского казачества, которые претерпели существенные изменения в условиях коллективизированной деревни 1930-х гг. Казачьи станицы тяжело пережили «продовольственные затруднения» в первой половине рассматриваемого десятилетия. Казаки вынужденно перешли на самообеспечение дарами природы. С развертыванием кампании «за советское казачество» во второй половине 1930-х гг. резко изменилось отношение к ранее непопулярному казачьему костюму и его публичной демонстрации. Традиционная одежда стала подчеркивать новый, советский статус южнороссийского казачества.

Ключевые слова: казачий костюм, кампания «за советское казачество», обувь, одежда, «продовольственные затруднения», трудодень.

Abstract. The article highlights some of the elements of Cossacks' everyday life in the South of Russia, which had changed significantly in conditions of collectivized village of 1930s. Cossack villages could survive through "food difficulties" in the first half of the first decade in question with great difficulties. The Cossacks were forced to be fully self-sufficient and dependent on growing food for themselves. With the deployment of the campaign "for the Soviet Cossacks" in the second half of 1930s their attitude to the previously unpopular Cossacks national costume and its public demonstration dramatically changed. Traditional clothing started to emphasize the new Soviet status of the southern Russian Cossacks.

Key words: Cossack costume, the campaign "for the Soviet Cossacks", shoes, clothes, "food difficulties, workday.

С развертыванием коллективизации в повседневной жизни населения сел и станиц Юга России крайне обострилась проблема продовольственного обеспечения. В конечном итоге сталинский режим довел села и станицы Юга России (как и целого ряда других регионов СССР) до катастрофы, – до Великого голода 1932 – 1933 гг. Причем жертвами голода стали именно сельские жители, поскольку единоличники и колхозники отдали государству последний хлеб и при этом не могли надеяться на нормированное снабжение по карточкам, как горожане.

© Скорик А.П., Гадицкая М.А., 2013.

Конечно, представители власти постоянно заявляли о необходимости улучшить продовольственное обеспечение колхозников. Например, на первой Боковской районной партийной конференции в феврале 1935 г. говорилось о том, что следует «поставить задачей добиться получения хлеба на трудодень колхозниками не менее 10 кг»¹. Однако такие рекомендации были выполнены (и то лишь отчасти) не ранее второй половины 1930-х гг., когда в функционировании колхозной системы отчетливо наметились положительные тенденции. Если, например, в колхозах Дона в 1931 г. колхозники в среднем получали на трудодень 2,2 кг зерна и 0,22 руб., в 1932 г. – 1,42 кг и 0,42 руб., то в урожайном 1937 г. – 5,31 кг и 0,84 руб., в засушливом 1938 г. – 3,19 кг и 1,10 руб., в 1939 г. – 3,3 кг и 1,31 руб. [7, с. 159] Воспоминания сельских жителей также свидетельствуют о том, что они ощутили перемены к лучшему только во второй половине 1930-х гг. Один из членов сельхозартели «Земледелец» Архангельского района Орджоникидзевского края бесхитростно писал в «Крестьянскую газету» в 1939 г.: «Мы и наш колхоз живем хорошо только два года. Это 1937–1938 гг. [а] в тех годах (то есть на протяжении предшествующих лет – авт.) жили плохо»².

В условиях колхозной системы рацион казачества претерпел существенные изменения. В первой половине 1930-х гг. эти изменения носили по большей мере отрицательный характер. Казачье меню сокращалось, качество продуктов ухудшалось (хотя в богатых и пригородных колхозах снабжение осуществлялось гораздо лучше, к тому же там казаки могли приобретать «городские» продукты, например, кондитерские изделия, колбасу и т.п.). Лишь во второй половине 1930-х гг. ситуация, как мы рассматривали выше, улучшилась (но не стабилизировалась), особенно с урожайного 1937 г.

Для сравнения, в конце XIX в. на Дону обычной пищей казаков служили чай с калачом или

булкой, хлеб, молоко, рыба, щи, квас [4, с. 35–36]. Мясо на стол попадало гораздо реже, да и то обычно зимой (летом его вообще почти не ели, так как в это время скотину не забивали без особой нужды из-за сложностей хранения мяса в жару и из-за того, что скот на протяжении данного времени года набирал вес). Чаще мясные блюда готовили из мяса птицы: кур, уток, гусей. Примерно так же питались казаки Кубанского и Терского войск. При этом в южнороссийских регионах чаще всего ели белый (пшеничный) хлеб, а не ржаной, распространенный в центральной России [2, с. 5].

В начале же 1930-х гг. пшеница стала стратегически важным продуктом, достававшимся казакам-колхозникам в последнюю очередь. Нередко на трудодни выдавали в основном рожь, кукурузу, ячмень, озаток; из них и пекли хлеб или лепешки. Так что понятна гордость первого секретаря Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) Б.П. Шеболдаева, заявлявшего в 1935 г., что трудодень не только «стал весить и стоить примерно в два раза больше», но теперь его обеспечивают «не кукурузой и ячменем, как раньше, а настоящей кубанской и донской пшеницей» [12, с. 5].

В условиях перманентных «продовольственных затруднений» сельские жители Юга России, и в том числе казаки, широко использовали природные ресурсы. Так, в августе 1933 г. из станицы Старо-Титаровской Темрюкского района Северо-Кавказского края ушли в кубанские плавни до 30 хозяйств колхозников и единоличников, говоря, что власть забирает «...последний хлеб, а здесь хоть плохо, но нас накормит Кубань»³. Кроме ракушек и рыбы (эти продукты можно было добыть и зимой), в пищу употреблялись лебеда, крапива, щавель, другие растения, дикорастущие фрукты и ягоды и т.д. Важными элементами казачьего рациона в это время являлись молоко и молокопродукты, которые чаще всего колхозники получали не из колхоза, а от своих коров, содержавшихся в личных подсобных хозяйствах.

Трудности возникали не только с продовольствием, но и промышленными товарами:

¹ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО). Ф. 31. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.

² Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 396. Оп. 10. Д. 102. Л. 305.

³ ЦДНИ РО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 22. Л. 76.

одеждой, обувью, спичками, керосином, гвоздями и т.д. В частности, по воспоминаниям современников, в первой половине 1930-х гг. в станице Новолеушковской (Кубань) «колхозники были очень бедными, ходили хуже нищих» [8, с. 109]. Тогда же представители власти на Юге России (в том числе и руководители типично казачьего Вешенского района) неоднократно признавали, что в сельских лавках потребкооперации нет никаких товаров, «кроме спичек», и колхозники ощущают «острую нужду в обуви и мануфактуре»¹, «недостаёт нужных товаров, в частности... телогреек, обуви»².

Трудности с приобретением одежды и обуви способствовали устойчивости костюма сельских жителей Юга России на протяжении 1930-х гг. Иными словами, поскольку легкая промышленность в очень слабой степени обеспечивала села и казачьи станицы своей продукцией, их жители сами производили одежду, которая, естественно, изготавливалась в традиционном стиле из тех немногих материалов, что наличествовали в хозяйстве и домах казаков. На протяжении 1930-х гг. (особенно в первой половине десятилетия) обычной одеждой донских, кубанских, терских казаков-колхозников и единоличников являлись рубаха и штаны (весенне-летний период), тулуп или полушубок, треух или папаха поздней осенью и зимой. Обувь не хватало, поэтому летом нередко ходили босиком, зимой же носили валенки или чуряки. У многих мужчин, демобилизованных из армии, традиционный сельский костюм дополнялся такими элементами, как гимнастерка, галифе. Обычной одеждой женщин в казачьих районах Северо-Кавказского края оставались платки или косынки, рубахи и широкие длинные юбки; зимой этот наряд дополнялся теми же полушубками.

Вместе с тем, судя по фотодокументам и описаниям, казаки на Юге России в 1930-х гг. своим внешним обликом заметно выделялись из общей массы колхозников. Дело в том, что

множество казаков носило как повседневную одежду досоветскую военную форму или отдельные ее элементы, несмотря на резко отрицательное отношение к этому представителей местного руководства. Отдельные члены казачьих сообществ, убоившись неприятностей, отказывались от ношения такой одежды (в частности, терские казаки вспоминали во второй половине 1930-х гг.: «Путали нас, что казаков быть не должно, некоторые из нас даже свою казачью одежду перешили в пиджаки») [14, с. 3] [11]. Но отказ от повседневного ношения традиционной казачьей одежды не стал в период коллективизации повсеместным явлением в казачьих станицах Дона, Кубани, Терека. На Дону по-прежнему носили фуражки с красными околышами, шаровары темно-синего цвета с красными лампасами. Отличительной особенностью кубанцев, помимо прочего, был их знаменитый головной убор – невысокая барашковая шапка («кубанка»).

Когда же в 1936 г. развернулась кампания «за советское казачество», казаки стали почти обязательно надевать парадную казачью одежду на те или иные праздники и торжественные мероприятия, активно позировать в парадных костюмах для фотографов из газет и журналов. Правда, учитывая неоднозначное отношение к казачьей форме в предшествующие годы, иной раз отыскать полный ее комплект было непросто. О том, с каким трудом проходило обмундирование казаков на начальном этапе кампании «за советское казачество», зимой – весной 1936 г. вспоминал донской колхозник И.К. Меркулов из Нижне-Чирского района Сталинградского края (туда в советский период отошли северные районы бывшей Области войска Донского). По словам Меркулова, в апреле 1936 г. в районе приняли решение создать сотню «ворошиловских кавалеристов» из участников добровольных конноспортивных кружков, а его назначить сотенным командиром. И сразу же сотня спешно выступала в Сталинград для участия в первомайских торжествах. Оказалось, что у предполагаемого командира, не говоря уже о рядовых кавалеристах,

¹ Государственный архив Ростовской области (ГА РО). Ф. р-1390. Оп. 7. Д. 462. Л. 28.

² ЦДНИ РО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 52. Л. 24.

нет формы. Тогда старый казак из того же колхоза, дед Игнат, принес ему «старые, пропахшие нафталином, широкие шаровары, с ярко-красными лампасами на голубом сукне: [«]Еще в японскую войну надевал. Уж не думал, что они свет увидят[«]». Портной Иван Бахарев обещал найти самое сложное – фуражку: «У меня на подложке (чердаке – *авт.*) старая фуражка есть, так мы ее махом перелицуем» [13, с. 83].

И вот новоявленный сотенный командир облачился в шаровары, нацепил шашку, но с фуражкой вышла заминка: «Я волновался: надо было почистить коней и сбрую, захватить овса, а главное у меня не было еще фуражки. Пора уже выезжать, но я все еще мыкался по конюшне в клетчатой кепке, хотя на ногах уже болтались шаровары с пунцовыми лампасами и блестели начищенные сапоги». Казаки посмеивались: «Какой же ты казак Климаныч, да еще командир, коли на парад не по форме одет». Наконец, портной принес-таки фуражку: «Всю ночь шил. Все-таки сделал» [13, с. 84]. Любопытно, что далее в рассказе следует еще одна деталь, свидетельствующая, насколько молодежь забыла старые казачьи традиции. Когда сотня «ворошиловских кавалеристов» строилась и подгоняла обмундирование, уже упоминавшийся дед Игнат помогал молодому казаку-колхознику Андрею приладить шашку, ворча при этом: «Эх ты, казак, а шашку задом наперед надел» [13, с. 85]. Дело в том, что шашка, в отличие от сабли, крепилась к поясу не вогнутой, а наоборот, выгнутой стороной, что было несколько необычно. Андрей, видимо, приладил шашку на манер сабли, что в прежние времена вызвало бы, как минимум, безжалостные насмешки опытных казаков.

Впоследствии казачья форма стала неким брендом, без которого кубанские, донские, терские колхозы уже просто не мыслились. Зачастую члены этих коллективных хозяйств позировали перед фотографиями именно в форме. Так, в краевой газете Краснодарского края «Большевик» за 1938 г. помещена фотография, на которой запечатлен заведующий свиноводческой фермой колхоза «Мир и

Труд» Павловского района Ф.И. Рой, облаченный в черкеску с газырями. Под черкеской виден бешмет со стоячим воротником, на голове у Ф.И. Роя – кубанка. Дополняет все это убранство привешенный к поясу кинжал в изукрашенных ножнах [1, с. 2]. Примерно так же одет бригадир первой полеводческой бригады колхоза им. Чапаева Усть-Лабинского района С.А. Бабко, чья фотография помещена в журнале «Советская агрономия» за 1940 г. Единственное отличие в одежде Ф.И. Роя и С.А. Бабко в том, что у последнего в верхней части груди, поперек бешмета и черкески, ясно виден шнурок для закинутого за спину башлыка [6, с. 2], в то время как Рой позировал для фотографов без указанного элемента одежды.

Впрочем, ряд казаков (особенно, молодых) видел в ношении традиционной форме чуть ли не символ приверженности монархизму, и потому отказывался таковую надевать. Нескольким прохладное отношение к процессам популяризации казачьего костюма выказывала и прекрасная половина казачества. Дело в том, что одежда казачек Юга России, практичная и удобная в сельских условиях, выглядела, конечно, менее модной и яркой, чем типичные наряды горожанок. Неудивительно поэтому, что многие сельские женщины, и особенно девушки (в том числе и казачки), стремились следовать за городской модой и, если им позволяли средства, то непременно носили береты (для чего делалась соответствующая короткая стрижка), костюмы и другие характерные для того исторического времени «городские» наряды.

Так, знаменитая в 1930-х гг. трактористка Канеловской МТС (Кубань) П.И. Ковардак в прессе того времени именуется кубанской казачкой [9, с. 41]. Однако фотографиям периодических изданий сама Паша Ковардак предпочитала позировать не в традиционной одежде казачки-колхозницы, а в городских нарядах, что естественно для молодой девушки (она родилась в 1913 г., так что даже к исходу 1930-х гг. ей исполнилось лишь 27 лет). Например, во время выборов в Верховный Совет СССР, куда П.И. Ковардак выдвинули

кандидатом, ее сфотографировали в типичном городском платье, с завитыми и уложенными по тогдашней моде волосами [10, с. 16].

В 1936 г. в газете «Молот» была помещена статья о колхознице сельхозартели «Донской скакун» Тарасовского района Азово-Черноморского края Вере Куркиной – одной из инициаторов движения «ворошиловских кавалеристов». На фотографии Вера, которой в 1936 г. исполнилось двадцать лет, запечатлена в кубанке (а над обрезаем фотографии виден ворот тужурки или стеганки). Но в статье при этом отмечалось, что Вера «не менее других молодых казачек любит наряжаться. Она давно уже мечтает о красивой шляпке с цветочками. И хотя на хуторе среди девушек не принято еще носить шляпок, Вера твердо решила одеваться так, как одеваются городские комсомолки» [3, с. 4].

Сочетание советских (городских) и традиционных элементов в костюме донских казачек-колхозниц хорошо заметно на дошедших до нас фотографиях 1930-х гг. На одной из них, датированной 1937 г., запечатлены молодые казачки из хутора Верхне-Ушаковского Вешенского района Азово-Черноморского края Вера Ушакова (учащаяся Вешенского педучилища), Таня Благородова (студентка Новочеркасского техникума механизации сельского хозяйства), Паша Благородова (ученица Вешенской школы-десятилетки). Учитывая, что они жили и учились за пределами родного хутора, в крупной станице или городе, они были коротко пострижены или завиты и одеты в городские наряды. Вера позировала в юбке и блузе с жабо на груди, Таня – в блузке и юбке, Паша – в платье и беретике. На сфотографированных в том же году некоторых колхозницах-комсомолках сельхозартели им. Ленина Тарасовского района Азово-Черноморского края тоже красовались блузки, а поверх коротких «городских» причесок – береты (хотя другие девушки из того же колхоза нарядились в обычные «сельские» кофточка и юбка). На целом ряде других фотографий 1937 г. запечатлены казачки из различных районов Дона

(Матвеево-Курганского, Мигулинского, Новочеркасского, Тарасовского и др.), одетые вполне традиционно – в кофточка, юбка, платки или косынки. Относительным нововведением (и, одновременно, неким символом советского времени) в их костюме являются лишь стеганки, или «фуфайки» [5].

И все же, как мы отмечали выше, традиционный, хотя и несколько упрощенный женский костюм оставался преобладающим в казачьих станицах. По сравнению с мужским костюмом в 1930-е гг. одежда донских, кубанских, терских казачек-колхозниц выглядела гораздо скромнее. Повседневной, да и выходной, одеждой казачек летом служили рубаха или блузка с отложным воротником (поверх которой иногда надевали кофточка), юбка или платье – однотонные по цвету либо самых разных смешанных расцветок. Последнее в большей мере зависело не столько от эстетических вкусов самих казачек-колхозниц, сколько от их скромных материальных возможностей. Голову казачки обычно повязывали платком или (чаще) косынкой. Осенью и зимой тот же наряд с учетом наличествующих погодных условий дополнялся стеганкой, чулками, теплым платком. Примечательно, что женский костюм на Юге России существенно не менялся не только в 1930-х гг., но и на протяжении последующих двадцати – тридцати лет, в чем убеждают сохранившиеся фотодокументы [11, с. 110-123].

Таким образом, коллективизация, судя по анализируемым артефактам, существенно изменила структуры повседневности казачьих станиц Дона, Кубани, Терека. Если в первой половине 1930-х гг. эти изменения зачастую носили деструктивный характер, то во второй, – вследствие оптимизации функционирования колхозной системы, трансформации казачьей повседневности не только усилились, но и приобрели положительный, созидательный характер. В то же время, несмотря на ряд новаций, в исторической повседневности казачества Юга России 1930-х гг. сохранялось и немало традиционных, архетипических черт, консолидировавших казачьи сообщества.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Большевик. Орган Краснодарского крайкома и горкома ВКП(б). – 1938. – 3 апреля.
2. Гужвин П. Хлеб России // Свободная мысль. 1992. – № 65. – С. 4-8.
3. Данишевский М. Вера Куркина // Молот. – 1936. – 5 марта.
4. Казачий Дон. Ч. II / Под ред. А.П. Скорика. – Ростов н/Д., 1995. – С. 35-36.
5. Колхозница. 1937. – № 1. – С. 18; № 2. – С. 14; № 4. – С. 14, 15; № 8-9. – С. 13, 17; № 11. – С. 12, 15, 21.
6. Коссинский В.С. Агротехника передового Усть-Лабинского района Кубани // Советская агрономия. – 1940. – № 2-3. – С. 100-104.
7. Народное хозяйство Ростовской области за 20 лет / Под ред. А.И. Гозулова. – Ростов н/Д., 1940. – 159 с.
8. Панфилец В.К. Кубанская станица. – Краснодар, 1993. – 120 с.
9. Письмо казаков колхозных кавалерийских сотен Дона, Кубани и Терека И.В. Сталину. 15 марта 1936 г. // Казачество под большевистским знаменем. – Пятигорск, 1936. – 241 с.
10. Прасковья Ивановна Ковардак // Колхозница. 1937. – № 12. – С. 14-16.
11. Ратушняк О.В., Ратушняк Т.В. Станица на берегу Лабы (Исторический очерк станицы Некрасовской) // Кубанский сборник: сборник научных статей по истории края / Под ред. О.В. Матвеева. – Краснодар, 2006. – 123 с.
12. Шеболдаев Б.П. Казачество в колхозах // Колхозный путь. – 1935. – № 11. – С. 5.
13. Шевченко Г. Командир казачьего эскадрона // Советские казаки. Очерки о бойцах, строителях социализма, верных сынах колхозного Тихого Дона. – Сталинград, 1936. – 150 с.
14. Шершевский А. Советское казачество // Северо-Кавказский большевик. – 1936. – 29 марта.

УДК 27:93

Балашова Е.Г.

Православный институт св. Иоанна Богослова (г. Москва)

**АРХИЕПИСКОП СЕРГИЕВСКИЙ ВАРФОЛОМЕЙ (РЕМОВ) –
РЕКТОР ТАЙНОЙ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ
В 1930–1935 гг.***

E. Balashova

Orthodox Institute of St. John the Theologian, Moscow

**ARCHBISHOP OF SERGUIEVO BARTHOLOMEW (REMOV) –
RECTOR OF THE SECRET MOSCOW THEOLOGICAL
ACADEMY IN 1930-1935'S**

Аннотация. Статья посвящена архиепископу Варфоломею (Ремову), настоятелю московского Высоко-Петровского монастыря, и его трудам по сохранению Московской Духовной академии после ее закрытия властями в 1919 г. Владыка Варфоломей продолжал свои опасные труды вплоть до 1935 г., когда он был арестован и расстрелян. Вопрос о самом существовании Академии в эти годы до сих пор остается открытым, однако документы подтверждают её деятельность. Уделено внимание личности архиепископа Варфоломея, поскольку документальные свидетельства о нем разноречивы и требуют дальнейших исследований.

Ключевые слова: Московская Духовная академия, архиепископ Варфоломей (Ремов), Церковь, гонения, Высоко-Петровский монастырь в Москве.

Abstract. The article is dedicated to Archbishop Bartholomew (Remov), a prior of the Vysoko-Petrovsky monastery in Moscow, and his significant contribution to the protection of the Moscow Theological Academy, after the regime banned such activities and the Academy itself was officially closed in 1919. Archbishop Bartholomew continued his perilous efforts till 1935, when he was put into prison and eventually executed. The question of the existence of the Academy in those years (1919–1935) is still open, no matter there are the documents confirming its activities. The article also touches upon Archbishop Bartholomew's personality, because the whole picture is not clear enough and proper documents and evidences still require further research.

Key words: the Moscow Theological Academy, Archbishop Bartholomew (Remov), the Church, the persecution, Vysoko-Petrovsky monastery in Moscow.

Одной из недоисследованных страниц истории Московской Духовной академии является период её существования с 1919 по 1944 гг. В 1919 г. Академия покидает стены Троице-Сергиевой лавры. Точкой отсчета можно считать 9 мая 1919 г., когда Высшее Церковное Управление уведомило Совет академии, что «не может принять на себя обязательство по обеспечению её содержанием с будущего [учебного] года» [9, с. 273] и предложило учредить при академии особую ликвидационную комиссию.

В то же время известно, что, по сути, в том же 1919 г. занятия Академии переносятся в Москву. Для организации учебных занятий в Москве Совет избрал Исполнительную комиссию во главе с ректором протоиереем Анатолием Орловым. «В Москве, – вспоминал переехавший туда в 1920 г. будущий епископ Вениамин (Милов), – я возобновил и своё обучение в Духовной академии, которая... ютилась в разных местах города: в Епархиальном доме, в церкви Иоанна Воина, в церкви Петровского монастыря и в храме Живоначальной Троицы в Листах у Сухаревки. Профессура в Академии оставалась ещё старая» [6, с. 88-89].

© Балашова Е.Г., 2013.

* Статья отражает точку зрения автора: аспиранта Православного института и церковного историка

Учебный год 1921/1922 начался 2 (15) августа в помещениях Высоко-Петровского монастыря в Москве. Ректор Академии протоиерей Анатолий Орлов в марте 1922 г. был арестован и сослан в Нарымский край. Его преемником стал протоиерей Владимир Страхов, с апреля 1922 г. исполнявший обязанности ректора.

6 марта 1923 г. Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б) во главе с Е. Ярославским рассмотрела вопрос «о закрытии духовных академий» и приняла решение: «Духовные академии ликвидировать, как Тихоновские в Москве, так и евангельские в Питере» [9]. С этого момента Академия переходит на нелегальное положение.

В документе этого периода – дипломе священномученика Василия Надеждина, датированном 5/18 октября 1927 г., – мы видим фамилии профессоров и перечень предметов, которые изучал отец Василий. Диплом напечатан на старом бланке Московской Духовной академии, на нём стоит печать МДА и подписи профессоров, среди которых – подпись епископа Варфоломея (Ремова) [1, с. 57].

30 декабря 1930 г. протоиерей Владимир Страхов был арестован и сослан в Архангельск. С этого времени фактическое руководство тайной Академией возглавил епископ Сергиевский Варфоломей (Ремов), к тому времени проректор Академии.

Будущий владыка родился 3 октября 1888 г. В Московскую Духовную академию он поступил в 1908 г. и, будучи ещё студентом 4 курса, начал преподавать. По окончании обучения он был назначен исполняющим должность доцента по второй кафедре Священного Писания Ветхого Завета. Позже отец Варфоломей стал экстраординарным профессором, а с мая 1920 г. – проректором Академии.

Отец Варфоломей искренне любил всё, что связано с православным богослужением, любил духовный труд и молитву. Известный философ А.Ф. Лосев, который изучал под его руководством семитическую филологию, вспоминал: «Я наблюдал его на богослужении в Зосимовой пустыни. С 11 вечера до 7 утра в церкви: полунощница, утренняя, литургия. У

него были противники, которые говорили о нем разное. Но я видел его в пустом храме, и я видел, как он стоит на амвоне и отвечает поклоны – 300 поклонов, трехсотницу, или пятисотницу» [2, с. 143-144].

6 сентября 1920 г. архимандрит Варфоломей был арестован за проповедь, произнесенную им еще в 1919 г. по поводу предстоявшего вскрытия мощей преподобного Сергия Радонежского. На заключение по его «делу» наложена резолюция: «Заключить в концентрац[ионный] лагерь на десять лет»¹.

В показаниях на допросе 9 сентября 1920 г. архимандрит Варфоломей сообщает (записано следователем, орфография сохранена): «Епархиальной властью, в частности особым указом епархиального совета... мне была поручена организация – перенос в Москву пастырско-богословских курсов. Моя деятельность в Сергиевском посаде сводилась к профессорству в неликвидированной и по сию пору Советской Властью в качестве учебного центра в Московской дух академии и к церковной работе в академической церкви»². В Сергиевом Посаде я прекратил свою работу частично уже в декабре из-за поездок в Москву в Академию, а затем и совсем оставил посад, из-за Академии переехав в Москву»³.

Его освободили 28 февраля 1921 г. «ввиду тяжелого состояния здоровья», потребовав «подписку о прекращении им в дальнейшем разлагающей к[онтр]р[еволюционной] агитации под религиозным флагом»⁴. Крайне истощенного физически и тяжело больного отца Варфоломея вынесли из тюрьмы на носилках.

Однако уже 10 августа 1921 г., в день празднования Смоленской иконы Божьей Матери, Святейший Патриарх Тихон исповедник совершил хиротонию о. Варфоломея в епископа Сергиевского, викария Московской епархии. Вскоре по состоянию здоровья владыка уходит на покой, а уже в 1922 г. последовало

¹ Центральный архив Федеральной службы безопасности (далее ЦА ФСБ). Д. Р-28266. Л. 4об.

² ЦА ФСБ. Д. Р-28266. Л. 6.

³ ЦА ФСБ. Д. Р-28266. Л. 7 об.

⁴ ЦА ФСБ. Д. Р-28266. Л. 1.

его назначение в Высоко-Петровский монастырь.

Официально монастырь был закрыт властями ещё в 1918 г. и действовал только как приходской храм. Владыка Варфоломей пригласил сюда братию Зосимовой пустыни, закрытой в 1923 г. Монастырь в те годы не мог существовать открыто, тем более в центре Москвы, но владыка не жалел для сохранения монашеской общины ни сил, ни здоровья, ни даже своего честного имени (формально в 1928 г. при очередном аресте он дал подписку ОГПУ о сотрудничестве, которое на деле никак не осуществлял, что и было вменено ему в вину при аресте в 1935 г.).

По-видимому, церковная власть делала попытку сохранить Академию с новым названием. Документ, подтверждающий это, находим в «деле» отца Варфоломея 1921 г. Это удостоверение, выданное 29 января 1920 г. «проживающему в г. Москве Варфоломею Фёдоровичу Ремову в том, что он состоит профессором Православной Народной Академии». На документе подпись: Помощник Ректора проф. В. Виноградов и круглая печать «Православная Народная Академия». Судя по штампу, «...Академия, организованная союзом духовенства и мирян», располагалась в Епархиальном доме в Лиховом переулке¹.

Обеспечение существования Московской Духовной академии в нелегальных условиях было одной из главных задач епископа (с 1934 г. архиепископа) Варфоломея. Протоиерей Владислав Цыпин, автор книги «История Русской церкви. 1917–1997», пишет: «Лекции для желающих получить высшее богословское образование читались в Московском епархиальном управлении и ... в Высоко-Петровском монастыре, настоятель которого епископ Сергиевский Варфоломей (Ремов) и возглавил полулегально существовавшую школу. На содержание школы собирались пожертвования в московских храмах. Варфоломей (Ремов), уже в сане архиепископа, был расстрелян в 1936 г.², репрессиям подверглись

и другие лица, преподававшие и учившиеся в этой богословской школе» [10, с. 615-616].

Учебный план подпольной академии был унаследован от дореволюционной МДА, хотя и подвергся некоторой коррекции. Среди профессоров тайно существовавшей академии были священномученики Иларион (Троицкий, до ареста в 1922 г.) и Иоанн Смирнов, священник Павел Флоренский (до 1924, возможно – 1927 г.), протоиерей Василий Виноградов (арестован в 1930 г.) и другие [1, с. 55-58]. Лекции читались обычно в подсобных помещениях храмов. Епископ Варфоломей читал лекции для небольшой аудитории в 15–20 человек, вмещавшейся на паперти Сергиевского храма [4, с. 107]. По воспоминаниям прихожан Высоко-Петровского монастыря, для студентов академии устраивались экскурсии в Третьяковскую галерею, куда они ходили маленькими группами по 2–3 человека. Это могли быть занятия по богословию иконы.

Выпускники писали кандидатские и даже магистерские диссертации. Одним из ближайших духовных чад и помощников владыки Варфоломея, в том числе в делах Академии, был архимандрит (впоследствии преподобномученик) Герман (Полянский). В 1932 г. отец Герман защитил магистерскую диссертацию, отзыв на которую составлен священномучеником митрополитом Анатолием (Грисюком), в прошлом ректором Казанской Духовной академии. Отзыв заканчивается словами: «Учёная сторона диссертации довольно высока для нашего времени. Литература привлечена достаточно обширная. Автор изучил греческий язык и почти везде безошибочно переводит подлинный текст взятого церковного писателя. <...> По всем этим данным и принимая во внимание условия для богословско-научных работ в нынешнее время, считаю автора... заслуживающим поощрения» [5].

В начале 1933 г., по доносу, несколько клириков и прихожан Высоко-Петровского монастыря были арестованы. Из показаний доносителя: «Контрреволюционная деятельность означенного нелегального монастыря

¹ ЦА ФСБ. Д. Р–28266. Л. 45.

² Год указан ошибочно. Архиепископ Варфоломей (Ремов) был расстрелян 10 июля 1935 г.

проводилась в направлении активной борьбы с властью путем вербовки и обработки в антисоветском духе молодежи с целью создания контрреволюционных кадров тайного монашества, <...> организации нелегальной академии...»¹.

Профессор Павел Дмитриевич Лапин (также арестован в 1933 г. по делу тайной академии Высоко-Петровского монастыря) на допросе показал: «Были случаи (случаев до 20), когда ко мне приходили священники, как к бывшему профессору духовной академии и просили проверить их работы по церковному праву на предмет получения ими учёной степени кандидата богословия...»². Профессор был обвинён в том, что «вёл антисоветскую агитацию, готовил антисоветские кадры нелегальной духовной академии». Дальнейшая его судьба неизвестна.

Из показаний протоиерея Николая Смирнова: «Мечтой всего духовенства является организация легальной Духовной Академии, но поскольку в настоящих условиях организовать легальную Духовную Академию невозможно, то лица, желающие получить ту или иную учёную степень по богословию, подготавливались частным образом...»³. Отец Николай был приговорён к трём годам ссылки в Казахстан за участие в подготовке антисоветских кадров нелегальной Духовной академии. Умер в ссылке. Дата смерти точно не установлена.

По-видимому, именно как руководитель МДА владыка Варфоломей приглашал к себе на квартиру преподавателей Академии, а также некоторых архиереев, приезжавших на сессии Синода. В 1934 г., например, на таких встречах присутствовал вернувшийся из ссылки профессор Московской Духовной академии, магистр богословия Иван Васильевич Попов, ныне прославленный в Соборе новомучеников и исповедников Церкви Русской.

Архиепископ Варфоломей был арестован в начале 1935 г. по групповому делу «нелегаль-

ного Высоко-Петровского монастыря», позже его дело было выделено в отдельное производство⁴. Вопросы об Академии владыке уже не задавали. Главное обвинение властей – нарушение данной в 1928 г. подписки о сотрудничестве: за семь лет владыка ни разу не сообщил властям интересующие их сведения. Владыку обвинили в шпионаже в пользу Ватикана. Вокруг взаимоотношений с католиками и строился весь процесс, направленный против общины Высоко-Петровского монастыря. В последнем допросе владыки можно прочитать его «признание» в тайном принятии католичества и в террористических намерениях относительно советской власти. Однако многое в этом допросе заставляет усомниться в его подлинности.

Исследования, касающиеся личности владыки, его взаимоотношений с католиками, продолжаются. Однако уже сейчас известно, что основные «свидетельства» против владыки – документы, подписанные архиепископом Мишелем д'Эрбиньи, его собственные письма и даже «признательный» протокол допроса НКВД от 9 апреля 1935 г. нельзя назвать безоговорочно подтверждающими возводимые на владыку обвинения в тайном католичестве и секретном сотрудничестве с органами.

Протоиерей Сергей Голубцов, потомственный церковный учёный, писал в книге «Профессура МДА в сетях ЧК и Гулага» о том, что даже если «тайное вступление в католичество» владыки Варфоломея и было на самом деле, оно «могло произойти и под давлением ОГПУ в целях компрометации епископа, и как шаг, на который сам Варфоломей мог пойти, но только в интересах Русской Церкви. Вспомним замечания Алексея Юдина, что... “свидетельства людей близких к Варфоломею не только не подтверждают (этот переход)..., но даже не содержат намека на его прокатолические симпатии” [11, с. 33]. Все это говорит за то, что переход скорее всего был (если он вообще был – Б.Е.) фиктивным – для введения в заблуждение, хотя бы на время, бдительного ОГПУ, хотя плата

⁴ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-39843.

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-27416. Лл. 136 об, 137.

² ЦА ФСБ РФ. Д. Р-27416. Лл. 63, 63об, 64.

³ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-27416. Лл. 112 об, 113.

за это должна была быть самой жестокой, но архиепископ и был вынужден, и готов был пойти на нее» [3].

Имя владыки незаслуженно замалчивается исследователями истории Московской Духовной академии и Русской Православной Церкви начала XX в. в целом. В воспоминаниях современников и духовных чад владыка остался «несомненно, выдающейся личностью и кончил свою жизнь как исповедник и новомученик Русской Церкви в тяжелые для нее годы... его путь – это путь человека, с детских лет отмеченного Богом, одаренного в научном отношении и, главным образом, одаренного живым чувством в поисках пути духовного. <...> Это был человек, внутри которого как бы никогда не угасали огонь любви к Богу, ревность по Богу, радование, горение о Нем» [8, с. 117]. Преподобномученик Игнатий (Лебедев) после расстрела владыки писал духовным чадам: «...Я его видел во сне служащим, в саккосе у престола» [7, с. 107]. Преподобномученик Герман (Полянский) написал в заключении два канона в память о владыке.

При обнаружении противоречащих друг другу документов историк всегда оказывается перед выбором – каким документам верить, и перед необходимостью продолжать дальнейшие исследования. В случае с архиепископом Варфоломеем мы стоим перед выбором – принимать во внимание свидетельства святых и очевидцев деятельности владыки как руководителя православной общины или верить документам НКВД, как

уже доказано, часто подложным, и мнению католических исследователей. Долг историка – искать правду и свидетельствовать о ней.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Беглов А. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. – М.: Издательский Совет РПЦ, «Арефа», 2008. – 352 с.
2. Бибухин В.В. Из рассказов А.Ф. Лосева // Вопросы философии. – 1992. – № 10.
3. Голубцов Сергей, протоиерей. Профессура МДА в сетях ЧК и Гулага. – М., 1999 // Цит. по: <http://www.krotov.info/history/20/1930/golubzov.htm>
4. Горе имеем сердца. Протоиерей Владимир Смирнов (духовные дети о духовном отце). Сост. А. Арцыбушев. – М.: Индрик, 2004. – 256 с.
5. Емельянов Н.Е. Всегда ли надо доверять следственным делам? История одной канонизации. // Нескучный сад. – 2005. – № 4 (11).
6. Епископ Вениамин (Милов). Дневник инок. Письма из ссылки. – М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1999. – 300 с.
7. Игнатий Лебедев, схиархимандрит. Письма из заключения // Альфа и Омега. – 1997. – № 1(12).
8. Игнатия (Петровская), монахиня. Высоко-Петровский монастырь в 20-30-е годы // Альфа и Омега. – 1996. – № 1(8).
9. Сосуд избранный: Сборник документов по истории Русской Православной Церкви / Сост. М. Скларова. – СПб.: «Борей», 1994. – 464 с.
10. Цыпин Владислав, протоиерей. История Русской церкви. 1917–1997. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. – 831 с.
11. Юдин А. «Я готов на любые жертвы» (Расстрельное дело архиепископа Варфоломея) // Истина и жизнь. – 1996. – № 2.

УДК 9:93/94

Давыдова Ю.А.

*Московский государственный университет
экономики, статистики и информатики*

**МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УЧРЕЖДЕНИЙ
ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(НА ПРИМЕРЕ СИБИРСКИХ ГОРОДОВ)**

Y. Davidova

Moscow state University Economics, statistics and Informatics

**MATERIAL PROVISION OF HEALTH CARE INSTITUTIONS
IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR
(ON THE EXAMPLE OF SIBERIAN CITIES): 1941-1945**

Аннотация. В статье анализируется материально-техническая база учреждений здравоохранения сибирских городов в годы Великой Отечественной войны. Автор изучил динамику финансирования лечебных заведений в военный период, их обеспеченность медикаментами, медицинским оборудованием, предметами ухода, продуктами питания, транспортными средствами и топливом, показала, как это сказывается на их работе. В основе исследования лежит анализ документов Государственного архива Российской Федерации, а также областных архивов сибирских городов. Опираясь на архивные источники, автор пришел к заключению, что в течение всей войны материальное обеспечение учреждений здравоохранения было недостаточным, что значительно затрудняло оказание квалифицированной медицинской помощи сибирскому населению.

Ключевые слова: материально-техническая база здравоохранения, отделы здравоохранения, лечебные заведения, санитарно-эпидемические учреждения, медико-санитарные части.

Abstract. The article analyzes the material and technical resources of health care institutions of Siberian cities during the Great Patriotic war. The author studies the dynamics of financing medical institutions in the period of war, their provision with medicaments, medical equipment, items of medical care, food, vehicles and fuel, shows the way it affected their work. The study is based on the analysis of the documents from the State Archive of the Russian Federation and regional archives of Siberian cities. Using the archival sources the author comes to the conclusion that throughout the war the material security of health care institutions was insufficient, which significantly hampered the provision of qualified medical assistance to the population of Siberia.

Key words: material and technical resources of health care institutions, health care departments, medical institutions, sanitary and epidemiological institutions, clinics.

Здравоохранение, являясь органичной частью социальной сферы, выполняет важнейшую функцию по укреплению здоровья населения, предупреждению болезней, снижению заболеваемости, инвалидности и смертности, продлению активного долголетия. Учитывая важность задач, решаемых здравоохранением, изучение его развития представляет большой интерес для ретроспективного исследования.

Уникальными по значимости являются критические периоды в истории медицинского обслуживания населения. Именно тогда проявляются все достоинства и недостатки системы здравоохранения, выявляется ее способность отвечать требованиям времени и выполнять поставленные задачи. Одним из таких периодов и была Великая Отечественная война 1941-1945 гг. В ходе анализа системы здравоохранения сибирских городов в этот период обращают на себя внимание вопросы материального обеспечения лечебных и санитарных учреж-

© Давыдова Ю.А., 2013.

дений. Без рассмотрения данной проблемы невозможно выяснить, была ли достаточной медицинская помощь, насколько быстро и эффективно она оказывалась и как влияла на заболеваемость и смертность населения.

Предметом нашего исследования является материальная база учреждений здравоохранения сибирских городов в рассматриваемый период как одна из наименее изученных проблем в историографии социальной сферы военных лет.

Задачей данной статьи является изучение динамики финансирования лечебных заведений в военный период, их обеспеченности медикаментами, медицинским оборудованием, предметами ухода, продуктами питания, транспортными средствами и топливом. Этот детальный анализ необходим для того, чтобы оценить, как материальное обеспечение лечебных и санитарных учреждений сказывалось на качестве их работы.

Вопросы обеспечения материально-технической базы здравоохранения оставались достаточно острыми на протяжении всего военного периода. Концентрация всех сил и средств государства на ведении военных действий и развертывании оборонной промышленности на Востоке привело к сокращению бюджетных ассигнований на социальную сферу, в том числе и на нужды здравоохранения.

7 августа 1941 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР издал постановление, в котором обосновывалась необходимость урезания средств, отпущенных на охрану здоровья населения. В частности, по Новосибирской области было произведено сокращение на 13 млн руб. Новосибирский облздравотдел в распоряжении от 22 августа 1941 года провел его по следующим линиям:

- сокращение развертывания медико-санитарной сети;
- уменьшение на 50% плана расширения штатов;
- снижение ассигнований на оборудование больниц¹.

¹ Государственный архив Новосибирской области (далее ГАНО). Ф. 29. Оп. 1. Д. 189. Л. 2-3.

Если учесть приток эвакуированных в Сибирский регион, изначальную неразвитость сети здравоохранения в Сибири, слабую обеспеченность кадрами медицинского персонала, то это постановление, хотя и было вынужденным, тем не менее, оказалось недостаточно продуманным, так как его последствия уже к концу 1941 г. вылились в рост заболеваемости населения.

Следует отметить, что и те немногие средства, отпущенные бюджетом, не всегда доходили до пункта своего назначения. Народный комиссариат государственного контроля РСФСР не раз отмечал подобные факты. Так, проверкой, проведенной осенью 1942 г. в Народном комиссариате здравоохранения РСФСР, были выявлены многочисленные случаи «разбазаривания и незаконного расходования средств государственного бюджета и материальных ценностей, предназначенных для медицинских учреждений». Бюджетные ассигнования расходовались на выплату незаконных премий, повышенную оплату командировочных, на телеграфные, телефонные и почтовые расходы аппарата, на незаконную оплату материальных ценностей (одеяла, постельное белье, одежда и т.д.) для перепродажи служащим Наркомата. Были отмечены и факты использования средств бюджета в личных целях с помощью манипуляции счетами. Общая сумма ущерба составила 331629 руб.²

Неоднократно здравоотделами различных уровней отмечалась и недодача им бюджетных средств на 20-40%³, что самым отрицательным образом сказывалось на работе больниц и поликлиник, на их обеспеченности медикаментами, инвентарем, топливом.

Коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны проявился во всех областях жизни страны. Отразилось это и на динамике бюджетных вложений в сферу здравоохранения. В 1943 г. на развитие здравоохранения и физкультуры в государственном бюджете

² Государственный архив Российской Федерации (далее ГА РФ). Ф. 339. Оп. 1. Д. 441. Л. 30-34.

³ Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 18. Д. 352. Л. 16.

было выделено 8,5 млрд. рублей, что составило 94,4% довоенного уровня. В последующие годы бюджетные вложения на эти цели стремительно возрастали, составляя в 1944 г. – 10,2 млрд. (120%), в 1945 – 13,2 (146,6%) [2, с. 229]. Эти меры положительно отразились и на местных бюджетах. Например, в Томске бюджет 1945 г. в сравнении с 1941 вырос на 44,7% [1, с. 102].

Однако рост бюджетных ассигнований практически не сказался на положении обычных больниц и поликлиник, поскольку приоритетными направлениями финансирования для здравоохранения оставались эвакуационные больницы и лечебные учреждения оборонной промышленности, которые и получали львиную долю бюджетных средств. Обычные же больницы и поликлиники всю войну испытывали острый недостаток финансирования. Так, Омской детской поликлинике в 1943 г. из положенных ей бюджетных ассигнований было выделено на хозяйственные расходы – 82,3%, на медикаменты – 47,7%, на инвентарь и оборудование – 30,3%¹.

Недостаток бюджетных средств вел к тому, что больницы, поликлиники, санитарно-эпидемические учреждения ощущали нехватку лекарств, медицинского оборудования, постельного белья. Плохо обеспечивались лечебные учреждения и питанием, топливом, транспортом, не выделялись деньги даже на ремонт помещений. Так, 4-я инфекционная больница Новосибирска находилась с 1941 г. в корпусе, где сгнили стены и полы, протекала крыша, требовалась покраска панелей, окон и дверей. И только в 1944 г. в бюджет горздравоохранения были заложены средства на ее ремонт, однако он так и не начался из-за отсутствия рабочей силы и недостатка материалов².

Одной из главных проблем все военное время оставалось обеспечение лечебными препаратами и медицинским оборудованием. Государственный план эвакуации промышленных предприятий страны из фронтовых

и угрожаемых районов включал и предприятия медицинской промышленности. Оборудование этих заводов и фабрик было перемещено в безопасные районы страны. Здесь создавалась новая, так называемая «восточная» группа предприятий химико-фармацевтической промышленности, но в полной мере они развернули свою работу только в 1943 г. и в первую очередь снабжали препаратами фронт и военные госпитали. Гражданские же больницы и поликлиники ощущали недостаток лечебных средств всю войну. В первые военные годы положение было просто катастрофическим. В 1942 г. в городах Алтая снабжение бактериологическими препаратами, порученное Томскому бактериологическому институту, выполнялось лишь на 40,2% (из них: вакцины против дифтерии было выделено 34,8% необходимого, против дизентерии – 31,2%, против оспы – 61,3%). Срочное телеграфное требование крайздравоохранения на немедленную отправку Барнаулу противосыпной вакцины по эпидемическим показаниям было выполнено лишь через 2 месяца, что привело к вспышке оспы в городе.³

Несмотря на приказ Наркомата здравоохранения СССР за № 393 от 1943 г. о предоставлении медикаментов в первую очередь оборонным предприятиям⁴, медсанчасти, заводские поликлиники и больницы также ощущали их недостаток. Так, медсанчасть завода № 166 в Омске сообщила в 1943 г. в облздравоохранения о «чрезвычайно затруднительном положении, создавшемся в связи с отсутствием ряда материалов, что во многих случаях лишает возможности оказывать медицинскую помощь рабочим». Наблюдался недостаток анестезирующих средств, лекарств для лечения воспаления легких, нашатырного спирта⁵. Заводская поликлиника Алтайского тракторного завода отмечала отсутствие жаропонижающих, слабительных, сердечных лекарств, что сводило на нет

¹ Государственный архив Омской области (далее ГАОО). Ф. 1143. Оп. 1. Д. 131. Л. 4.

² ГА РФ. Ф. 482. Оп. 47. Д. 1225. Л. 13.

³ ГА РФ. Ф. 482. Оп. 47. Д. 692. Л. 2, Государственный архив Томской области (далее ГАТО). Ф. 894. Оп. 1. Д. 323. Л. 14.

⁴ ГА РФ. Ф. 482. Оп. 47. Д. 620. Л. 37.

⁵ ГАОО. Ф. 1143. Оп. 1. Д. 129. Л. 31.

многие лечебные мероприятия¹. Ощущалась и острая нехватка перевязочного материала, медицинских инструментов и оборудования. В Новосибирске в одной из заводских поликлиник хирургический кабинет ежедневно получал 250 гр. ваты, в то время как врачи этого кабинета делали не менее 200 перевязок в день [3, с. 22]. Барнаульская дезостанция в 1944 г. не была обеспечена дезаппаратурой и дезосредствами, что практически исключило из противоэпидемической работы обработку инфекционных очагов². Аналогичная ситуация наблюдалась и в Новосибирской городской дезостанции³. Поликлиники испытывали большой недостаток в оборудовании для клинических лабораторий, производящих анализы, рентгенкабинетов, в физиоаппаратуре. Подобное положение сохранялось до конца войны, хотя в центральных районах России с 1944 г. материальная база здравоохранения значительно укрепилась. Заявка Новосибирского Аптекоуправления и в 1945 г. на марлю была удовлетворена только в пределах 30%, на вату – 14,6%, на медицинский инструментарий и медицинское оборудование на 25%⁴.

Следует также заметить, что причины такой ситуации крылись не только в недостаточном выпуске лечебных препаратов и оборудования, но и в плохой организации работы Главного аптечного управления РСФСР по снабжению лекарственными средствами. Проверка Народного комиссариата государственного контроля РСФСР осенью 1943 г. конторы Росмедснабторга, принадлежащей Аптекоуправлению, показала, что «бесконтрольность и самотёк царят в работе оперативных отделов снабжения», в вопросах распределения полученных фондов и выписки нарядов на товары и медикаменты для областных управлений. Обычным явлением была задержка отправки товаров с базы на 6-7 месяцев⁵.

Обстановка военного времени крайне не благоприятствовала и решению проблем,

связанных с обеспечением лечебных учреждений продуктами питания. Острая нехватка продовольствия в стране привела к введению нормированного снабжения. В связи с этим был разработан порядок получения учреждениями здравоохранения продовольственных товаров, по которому торговые организации должны были обеспечивать больницы продуктами питания в первую очередь. Однако этого не происходило. Более того, имели место случаи отпуска товаров (шоколада, витамина С, джема и т.д.) вместо больниц другим организациям⁶, систематического уменьшения фондов на продукты питания, которые к тому же отоваривались с большим опозданием⁷. Наблюдалось и отоваривание клиник за счет продуктов низкого качества: мясокомбинат выдавал кости и брюшину, Заготзерно – овсянку и гречку в неочищенном виде, Рыбтрест – мелкую соленую рыбу⁸. Постоянно ощущались и перебои в снабжении молоком и овощами⁹. Подобная ситуация привела к тому, что состояние питания в больницах на протяжении первых двух лет войны постепенно ухудшалось, достигнув к 1943 г. критической точки. Проверкой Народного комиссариата государственного контроля РСФСР в начале 1943 г. было установлено, что питание больных Кемеровской инфекционной больницы однообразным, недостаточным по количеству, лишенным витаминов, жиров, мясных продуктов и сахара. В результате больные хранили под кроватями чемоданы и корзины с сырыми овощами: картофелем, капустой, что не способствовало санитарному благополучию больницы¹⁰. В 1-ом роддоме Новосибирска роженец кормили одной некондиционной рыбой¹¹, а питание в Рубцовской городской больнице подавалось в холодном виде¹². Обеспеченность молоком детских лечебных учреждений в 1943

⁶ ГА РФ. Ф. 339. Оп. 1. Д. 857. Л. 13.

⁷ ГА РФ. Ф. 482. Оп. 47. Д. 1218. Л. 14.

⁸ ГА РФ. Ф. 482. Оп. 47. Д. 2017. Л. 102.

⁹ ГА РФ. Ф. 482. Оп. 47. Д. 1225. Л. 15.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 339. Оп. 1. Д. 869. Л. 20.

¹¹ Новосибирский городской государственный архив (далее НГГА). Ф. 278. Оп. 1. Д. 8. Л. 10.

¹² ГА РФ. Ф. 339. Д. Оп. 1. Д. 876. Л. 13.

¹ ГА РФ. Ф. 482. Оп. 47. Д. 1344. Л. 6.

² ГА РФ. Ф. 339. Оп. 4. Д. 158. Л. 2.

³ ГА РФ. Ф. 339. Оп. 1. Д. 443. Л. 41.

⁴ ГАНО. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 19. Л. 32.

⁵ ГА РФ. Ф. 339. Оп. 1. Д. 857. Л. 12-13.

г. в Новосибирске составляла всего 20,1% от требуемого¹. Нет сомнения, что такое состояние питания больных неблагоприятно отражалось на результатах лечения и сроках выздоровления, тем более, что преобладающий контингент страдал различными заболеваниями пищеварительного тракта и дистрофией.

Положение немного улучшилось к концу 1943 г., когда Наркомат торговли СССР увеличил нормы снабжения больных городских стационаров продуктами питания. Наркомат здравоохранения разработал также нормативы «лечебных карточек» для туберкулезных больных, детей, послеоперационных и т.д., то есть для тех, кому полагалось усиленное питание. В 1944 г. Наркомздрав СССР издал приказ № 312/349 «О нормированном снабжении продуктами питания больных в клиниках с 1 января 1944 года»². Но вместо ожидаемого положительного эффекта приказ дал отрицательные результаты. Это было связано, прежде всего, с тем, что предусматривался рост норм питания лишь для 3-х категорий больных: язвенных, туберкулезных и с расстройством питания. Ничего не было сказано о нормах питания для детей, послеоперационных, инфекционных и онкологических больных. Таким образом, приказом понижался уровень потребления для большой группы больных, которые ранее снабжались повышенными нормами. Кроме того, для выполнения данного распоряжения требовался регулярный плановый отпуск продуктов торгующими организациями, с тем, чтобы

больные могли получать их в полной мере и бесперебойно, что было практически малоосуществимо. Так, Томский горздравотдел отмечал, «что клиники не отовариваются продуктами, ассортимент отпускаемых недостаточен, крайне низкого качества. В отдельных случаях продукты, получаемые из Томторга, явно противопоказаны для больных (горькое растительное масло, низкого качества пряники, мелкая соленая рыба и т.д.)». В первом квартале 1944 г. в больницы было недодано в среднем от 30 до 60% продуктов³ (табл. 1).

Таким образом, обеспечение стационарных учреждений здравоохранения продуктами питания всю войну находилось в критическом состоянии, а меры, предпринятые центральными органами здравоохранения по его улучшению, не принесли ожидаемого результата.

Война сказалась не только на уровне снабжения больниц продуктами питания, но и промышленными изделиями. Прежде всего речь идет о постельном белье, предметах ухода, посуде, мыле.

В первые военные годы снабжение бельем гражданских лечебных учреждений не производилось⁴. В результате ощущался недостаток постельного белья, оно становилось непригодным к использованию. В Омской клинической больнице процент изношенности белья достигал в 1942 г. 100%, причем, как отмечалось проверкой облздравотдела, «эта рвань списывается только тогда, когда

Таблица 1

Обеспечение клиник г. Томска продуктами питания в I квартале 1944 года⁵

Наименование Продуктов	Требовалось получить, кг	Получено, кг	Недодано	
			кг	%
Жиры	1290,6	895,0	395,6	30,6
Крупы	2733,4	1568,75	1164,65	42,0
Кондитерские изделия	1184,8	286,6	898,2	75,8

¹ ГАНО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 345. Л. 6.

² ГА РФ. Ф. 482. Оп. 47. Д. 2017. Л. 101.

³ ГА РФ. Ф. 482. Оп. 47. Д. 2017. Л. 102.

⁴ ГА РФ. Ф. 482. Оп. 47. Д. 4001. Л. 246.

⁵ Составлено по данным: ГА РФ. Ф. 482. Оп. 47. Д. 2017. Л. 102.

полностью обратится в ленточки»¹. В инфекционной больнице Кемерово в 1941 г. потребность в простынях была удовлетворена на 71,9%, в пододеяльниках – на 21,3%, в полотенцах на 27,6%, в халатах для медперсонала на 41,2%. И как результат – часты были случаи, когда больного клали на койку без белья². Ситуация немного изменилась после постановления СНК РСФСР № 177 от 5 мая 1944 г. «Об улучшении положения в гражданских больницах»³. С конца 1944 г. первые партии постельного белья стали поступать в лечебные учреждения.

Также на протяжении всей войны не выполнялась столовая и кухонная посуда. В 1943 г. в больнице Ленинского района города Омска на 55 человек хирургического отделения была 1 ложка, 8 тарелок и 16 чашек⁴. В 4-ой больнице Новосибирска ложки и тарелки отсутствовали, на 865 человек было только 638 чашек⁵. В результате использования инфекционными больными домашней посуды или повторного использования чашек инфекция нередко распространялась по всей больнице.

Все военные годы ощущался и недостаток предметов ухода за больными: не хватало градусников, грелок, суден (табл. 2). Подобное положение затрудняло оказание медицинской помощи, уход за больными, правильную постановку диагнозов.

Большую проблему для больниц и поликлиник представляло снабжение моющими средствами и в первую очередь мылом. Сибирский регион систематически, в течение всей войны не выполнял планы его производства. В 1943 г. в Алтайском крае план выпуска мыла был выполнен на 53%, в Иркутской области – на 32%⁶. Произведенная продукция поступала в первую очередь в военные организации и на промышленные предприятия. До лечебных учреждений она доходила в минимальном количестве или не поступала вовсе. В сентябре и октябре 1943 г. лечебные учреждения города Новосибирска не получали мыла, а в Алтайском крае некоторые городские больницы вынуждены были обходиться без мыла первые два года войны⁷. В результате часты были случаи, когда белье стиралось без моющих средств с нарушением санитарных норм. Все это не способствовало эпидемическому благополучию больниц и поликлиник.

Весь военный период лечебные заведения ощущали также недостаток транспорта и горючего для него. В первую очередь это имело значение для дезинсекционных станций и станций скорой помощи, вся работа которых была построена на их наличии. С началом военных действий большая часть машин скорой помощи и дезостанций была изъята на

Таблица 2

Обеспеченность лечебных учреждений городов Новосибирска и Кемерово предметами ухода в 1943 г.⁸

Больница	Кол-во больных	Грелки	Термометры	Судна
Больница № 18 г. Новосибирска	320	1	7	6
Больница № 14 г. Новосибирска	300	-	15	2
Больница № 17 г. Новосибирска	45	-	3	3
Городская Кемеровская больница	75	-	1	6
Инфекционная Кемеровская больница	106	-	7	2

¹ ГА РФ. Ф. 482. Оп. 47. Д. 2017. Л. 52.

² ГА РФ. Ф. 339. Оп. 4. Д. 100. Л. 185.

³ ГА РФ. Ф. 482. Оп. 47. Д. 2017. Л. 52.

⁴ ГА РФ. Ф. 482. Оп. 47. Д. 2017. Л. 85.

⁵ ГА РФ. Ф. 339. Оп. 4. Д. 48. Л. 132.

⁶ ГА РФ. Ф. 339. Оп. 1. Д. 876. Л. 11.

⁷ ГА РФ. Ф. 339. Оп. 4. Д. 100. Л. 165.

⁸ Составлено по данным: ГА РФ. Ф. 339. Оп. 4. Д. 48. Л. 133; Д. 100. Л. 184

военные нужды, оставлены были только те, которые обладали определенным дефектом или нуждались в ремонте, но учреждения здравоохранения не имели средств для его осуществления. Попытка заменить автопарк лошадьми также не увенчалась успехом, поскольку для их прокорма средств также не было.

В результате работа дезостанций и станций скорой помощи во многом была парализована. В г. Новосибирске на дезостанции из 8 автомашин 4 не работали, и она ежедневно не выполняла часть нарядов на госпитализацию и санобработку очагов. Так, 2 октября 1943 г. не было госпитализировано 14 больных с брюшным тифом и 20% сыпнотифозных очагов не обработано¹. Станция скорой помощи Омска за 7 месяцев 1944 г. из всего количества случаев обращения отказала в 43,7%, из них 26,1% – по неисправности транспорта и 18,3 – из-за отсутствия горючего². Но и больницы и поликлиники также испытывали большие трудности из-за отсутствия транспорта, поскольку это дезорганизовывало всю их работу: не на чем было привезти продукты, дрова, невозможно было осуществлять работы по подсобному хозяйству.

Несмотря на приказы партийных и советских органов об обеспечении больниц и поликлиник топливом в первую очередь, лечебные учреждения Сибири на протяжении всей войны страдали в от его отсутствия. Например, медицинские заведения Новосибирска в 1942 г. были обеспечены топливом лишь на 28%³, в 1943 – на 40%, даже детские лечебные учреждения в 1944 г. – на 50%⁴. Подобное положение привело к тому, что больные нахо-

дились в плохо отапливаемых помещениях, и очень часто сами лечебные учреждения служили источником простудных заболеваний, гриппа, воспаления легких.

Таким образом, в течение всей войны материально-техническая база лечебных заведений гражданского здравоохранения оставалась очень бедной. Ощущался большой недостаток медицинских препаратов, оборудования, предметов ухода за больными. Большую проблему представляло снабжение больниц продуктами питания, постельными принадлежностями, моющими средствами. Отсутствие транспорта и топлива дезорганизовывало деятельность больниц, поликлиник, дезостанций, станций скорой помощи, что отрицательно сказывалось на лечебной и санитарной работе. Но, если материальная база здравоохранения в Центральной России во второй период войны значительно усилилась, то в сибирских городах положение практически не изменилось. Все эти факторы оказывали отрицательное воздействие на сферу здравоохранения и значительно затрудняли оказание квалифицированной медицинской помощи населению Сибири.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бова П.А., Олейниченко В.Ф. Очерки по истории здравоохранения Томской области. – Томск: Издательство ТГУ, 1986. – 148 с.
2. Кожурин В. С. Неизвестная война. Деятельность Советского государства по обеспечению условий жизни и труда рабочих в годы Великой Отечественной войны. – М.: АОН, 1990. – 288 с.
3. Кузьмин М.К. Советская медицина в годы Великой Отечественной войны. – М.: Медицина, 1979. – 240 с.

¹ ГА РФ. Ф. 339. Оп. 1. Д. 868. Л. 4.

² ГАНО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 278. Л. 9.

³ ГАНО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 201. Л. 140.

⁴ НГГА. Ф. 278. Оп. 1. Д. 8. Л. 8.

УДК 94(470+571) "1941/1945"

Варшавский Д.И.

Московский государственный областной университет

СОЗДАНИЕ СОЛДАТСКИХ ДОМОВ ОТДЫХА ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

D. Varshavski

Moscow State Regional University

CREATION OF REST HOUSES FOR SOLDIERS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Аннотация. В данной статье исследуется процесс создания на фронте специальных домов отдыха для военнослужащих действующей армии во время Великой Отечественной войны. Эти заведения предназначались для краткосрочного пребывания в них солдат и младших командиров, с целью их восстановления и отдыха после боевых действий. Данная тема до настоящего времени не затрагивалась в отечественной и зарубежной историографии. Исследование данного вопроса позволяет полнее изучить устройство фронтового быта и повседневной жизни в Красной Армии. Это освещает малоизвестные страницы истории Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: однодневный дом отдыха, полковой дом отдыха, дивизионный дом отдыха, фронтовой быт.

Abstract. This article investigates the process of organizing special rest houses at the front for the military personnel of the field army during the Great Patriotic War. These institutions were intended for a short-term stay of soldiers and junior officers with the aim for them to recover and relax after the combat operations. This subject has not yet been touched upon in domestic or foreign historical writing. The research of the matter allows a more detailed understanding of front-line way of life and everyday life in the Red Army. It opens little-known pages of the history of the Great Patriotic War.

Key words: one-day rest house, regimental rest house, divisional rest house, front-line way of life.

В условиях напряженных боевых действий любой человек, являющийся непосредственным их участником, испытывает тяжелейший стресс. И тем больше этот стресс проявляется, чем дольше и интенсивнее длятся бои. Находясь в постоянных экстремальных условиях крайнего нервного напряжения, солдат нуждается в отдыхе и восстановлении сил. Это понимало военное руководство во все времена, поэтому во многих армиях мира создавались различные заведения, в которых можно было восстановить силы после боев. Также через определенные промежутки времени или за особые заслуги солдатам полагался отпуск. К примеру, во время Первой мировой войны в армиях Англии, Франции и Германии практиковалось регулярная смена передовых частей, то есть подразделение проводило на передовой определенный срок, после чего его отводили в тыл, на несколько дней. В тылу у солдат была возможность отмыться, отоспаться, как следует отдохнуть и даже посетить солдатский публичный дом. Во время Второй мировой войны в немецкой армии широко применялась система войсковых передвижных публичных домов [5, с. 1]. Все это делалось для того, чтобы снять напряжение и обеспечить военнослужащим эмоциональную разрядку.

Тема фронтового быта и повседневной жизни советского солдата на фронтах Великой Отечественной войны на сегодняшний день недостаточно изучена. Тем не менее социальная составляющая этой войны имеет большое значение как для исследователя, так и для простого обывателя. В отечественной историографии в последнее десятилетие произошли подвижки в этом направлении: изучается история повседневности, проводятся исследования материалов

личного происхождения – мемуаров, дневников, писем, с целью персонализировать историю войны. Сами боевые действия занимали малую часть от всего времени, проведенного солдатом на войне. Много времени войска проводили в обороне, в периоды затишья. При больших потерях, понесенных в ходе боев, часть выводилась на переформирование, пополнение людьми, материальной частью и отдых. Как правило, это происходило после тяжелых боев, когда люди нуждались в отдыхе и восстановлении сил. Как писал К. Симонов: «Чувство опасности присутствует у всех и всегда. Больше того. Продолжаясь в течение длительного времени, оно чудовищно утомляет человека. При этом надо помнить, что все на свете относительно... Человеку, который вернулся из атаки, деревня, до которой достают дальнобойные снаряды, кажется домом отдыха, санаторием, чем угодно, но только не тем, чем покажется она вам, только что приехавшим в нее из Москвы» [4, с. 94].

В условиях затяжных позиционных боев, оборачивающихся мелкими стычками и столкновениями местного значения, не приносящими значительных успехов, как например на Ржевско-Вяземском выступе фронта, существовавшем с января 1942 по март 1943 гг., приходилось изыскивать различные способы поддержки морального духа солдат и командиров. Одним из решений этой проблемы было создание в конце 1942 г. специальных домов отдыха для солдат, сражающихся на передовой.

В июле 1942 г. во фронтовой газете «Вперед к победе» была опубликована заметка, в которой рассказывалось о создании в ближайшем тылу «однодневного дома отдыха фронтовиков», в котором в отдельной палатке каждый день отдыхают по 20 и более красноармейцев, командиров и политработников, отличившихся в боях. Отдыхающие имели возможность помыться в бане, сменить белье, поиграть в шахматы, домино, шашки, почитать свежие газеты и журналы, написать письмо домой [6, с. 4].

В следующем номере этой газеты подробно рассказывалось об этой инициативе

командира Колесникова, сделавшего возможным создание подобного места. Как только прибывали отдыхающие, они тут же проходили санитарную обработку. После чего у них была возможность постричься и сходить в баню, а в это время их обмундирование и обувь подвергались санитарной обработке, стирке и ремонту. После этого с отдыхающими проводились политзанятия, также в качестве культурного досуга бойцам показывались кинофильмы и концерты бригады художественной самодеятельности. Разумеется, солдаты по достоинству оценили условия дома отдыха: «Мы, бойцы и младшие командиры подразделения тов. Горбунова, посетившие однодневный дом отдыха, всюду чувствовали проявляемую о нас заботу. Приняли нас хорошо. Мы помылись в бане, сменили белье, вовремя были накормлены и напоены. Отдохнув здесь, мы с еще большей силой будем громить немецких оккупантов» [7, с. 4]. Через неделю подобное заведение было создано в соседней части.

В целом идея создания мест, где солдаты могли бы несколько дней отдохнуть и набраться сил, была очень ценна, и подобная инициатива не осталась незамеченной высшим руководством армии. И 9 октября 1942 г. выходит директива Ставки ВГК № 994236 командующим войсками действующих фронтов, 7-й отдельной армией об установлении для личного состава краткосрочного отдыха, согласно которой предписывалось:

«1. Установить для личного состава частей и соединений действующей армии краткосрочный отдых.

2. Отдых предоставить:

а) Один раз в году всему личному составу, прослужившему в боевых частях не менее 10 месяцев и непосредственно участвовавшему в боях.

б) Личному составу, отличившемуся в процессе боевых действий, в порядке поощрения, независимо от срока службы.

в) Личному составу, нуждающемуся в отдыхе в результате переутомления, независимо от срока службы отдых предоставлять только в период января-апреля...

...6. Отдых организовать в специальных домах отдыха с усиленным питанием:

а) Для рядового состава в дивизионном и бригадном тылу;

б) Для младшего, среднего и старшего начсостава в армейском тылу» [3, с. 420-421]

Для размещения домов отдыха предписывалось отводить только хорошие помещения. Здания санаториев, пионерских лагерей, наиболее приспособленные здания гражданских организаций. В отсутствие подходящих помещений использовались обычные палатки или землянки, но хорошо обустроенные и чистые [11, с. 1]. Ставилась задача обеспечить дома отдыха бойцов и командиров хорошим питанием, инвентарем, постельными принадлежностями, предметами хозяйственного обихода и всем необходимым за счет армейских и дивизионных тыловых ресурсов.

Сроки пребывания личного состава в домах отдыха устанавливались для рядового состава – 6 дней, для младшего, среднего, старшего и высшего начсостава – 8 дней¹. Уже с ноября 1942 г. начинается подготовка открытия дивизионных домов отдыха в нескольких подразделениях Западного и Калининского фронтов. Так, согласно директиве управления тыла Западного фронта № 1/01у23 от 24 ноября 1942 г. дома отдыха военнослужащих предписывалось развернуть при медико-санитарных батальонах дивизий. Командиры медсанбатов одновременно являлись начальниками домов отдыха. Для обслуживания бойцов разрешалось привлекать как гражданский наемный персонал (прачки, портные, сапожники) за установленную плату, так и ограниченно годных военнослужащих.

При поступлении в распоряжение дома отдыха обязательно производились: медицинский осмотр, смена нательного белья, портянок и носок, стрижка волос, дезинфекция одежды. Также при необходимости производился ремонт одежды, а в некоторых случаях – замена пришедшего в негодность обмундирования и обуви, для чего при заведении создавались обменные фонды белья

¹ Центральный Архив Министерства Обороны (далее ЦАМО). Фонд. 396. Оп. 9208. Д. 2. Л. 114.

и обмундирования. Подлежащие госпитальному лечению бойцы в дома отдыха не принимались.

Одним из самых заветных желаний солдат, действующих на передовой, в условиях постоянного крайнего напряжения, было выспаться. Танкист Д.Ф. Лоза вспоминал: «После приведения себя в порядок желание было только одно – отоспаться. Ведь каждому солдату и офицеру пришлось пережить немало дней и ночей, когда удавалось лишь на пару часов сомкнуть глаза. Поэтому любой воин на фронте, как только выдавалось затишье, спешил выспаться не только за бессонные предыдущие дни и ночи, но и, как говорили, впрок. Ну, а уже когда вымылись, отоспались, подкормились, тогда солдатам и офицерам, оказавшимся в тылу, требовалось снять психологическую нагрузку, «разрядиться», забыть на время ужасы войны» [2, с. 184]. А кровать с чистым постельным бельем и подушками на фронте были невероятной роскошью, это было учтено, и на каждую койку дома отдыха выделялся полный комплект постельного белья.

Питание отдыхающих обеспечивалось по усиленной фронтовой норме, по нормам приложения №11 приказа НКО № 312-41 с сохранением табачного довольствия и ежедневной выдачей 50 грамм водки².

Во время отдыха бойцов выступали фронтовые бригады и ансамбли, демонстрировались кинофильмы, также во многих домах были организованы библиотеки. Ежедневно проводилась политработа, зачитывались фронтовые новостные сводки³.

Распорядок дня (табл. 1) был установлен таким образом, чтобы отдых был активным, соответствующим условиям боевой жизни.

Во исполнение директивы Западного фронта от 24 ноября в действующих войсках в кратчайшие сроки открываются дома отдыха, что находит отражение в прессе. В «Красной звезде» 28 ноября 1942 г. публикуется заметка о создании пока еще однодневного дома отдыха на фронте, позже срок пребывания

² ЦАМО. Фонд. 1696. Оп. 1. Д. 166. Л. 32-35.

³ ЦАМО. Фонд. 1696. Оп. 1. Д. 166. Л. 32-35.

Таблица 1¹

Распорядок дня фронтового дома отдыха

	Наименование.	Время
1	Подъем	7-00
2	Утренняя зарядка	7-15 – 7-35
3	Туалет	7-35 – 8-00
4	Завтрак	8-00 – 9-00
5	Политинформация	9-00 – 9-30
6	Прогулка, физическая подготовка, спорт, чтение, занятия по боевой подготовке	9-30 – 14-00
7	Обед	14-00 – 15-00
8	Послеобеденный отдых	15-00 – 16-00
9	Культмассовая работа	16-00 – 19-00
10	Ужин	19-00 – 20-00
11	Личное время, чтение	20-00 – 22-00
12	Вечерняя прогулка	22-00 – 22-30
13	Поверка	22-30 – 22-40
14	Туалет	22-45 – 23-00
15	Отбой	23-00

ния в нем увеличился, где ко всему прочему к услугам бойцов предлагались музыкальные инструменты [9, с. 3]. Там же 10 декабря сообщается о создании дома отдыха в одной гвардейской танковой бригаде. В нем у отдыхающих была возможность почитать свежие газеты, художественную военную литературу, поиграть в настольные игры и даже покататься на лыжах [10, с. 3]. Как видно, столь скорое и старательное выполнение директивы может быть обусловлено тем, что в войсках с большим энтузиазмом восприняли эту идею. Когда дома отдыха развернули свою работу на полную мощность, они могли обслуживать достаточно большое количество отдыхающих в месяц. К примеру, в одном только дивизионном доме отдыха, организованном в 52 стрелковой дивизии, за период октября-ноября 1942 г. побывало более 100 человек².

Хорошо иллюстрирует обстановку и атмосферу в доме отдыха для средних командиров следующая газетная заметка: «Старший лейтенант Кондратьев и лейтенант Медведев склонились над шахматной доской; каждый

хочет выиграть партию. Они до того увлеклись, что даже не обращают внимания на веселые переливы гармошки, на которой играет один из отдыхающих. Лейтенант Мазалов увлекается Маяковским, лейтенант Медведев читает «Чапаева» [8, с. 4.]. Командир пулеметного взвода лейтенант А.Б. Мирзатуян вспоминал условия в доме отдыха для офицеров: «Меня послали в бывший пионерский лагерь, который немцы переоборудовали в санаторий для офицерского состава, а потом его и наши сделали санаторием. Причем, на полк была всего одна путевка, и ее дали мне. Что сказать? Белые одежды, отдельные палаты, индивидуальное меню, на ужин – шампанское или водка. Рай...» [1, с. 192].

Некоторые дивизионные дома отдыха организовывались на базе уже существующих полковых, созданных инициативой командиров полков и их заместителей. Условия в домах отдыха создавались самые благоприятные, все было направлено на то, чтобы за те шесть-восемь дней, что боец или младший командир проводил в этих учреждениях, он мог максимально отдохнуть от боев и жизни на передовой линии. Практика создания домов отдыха определенно оправдывала себя.

¹ ЦАМО. Фонд. 3102. Оп. 1. Д. 77. Л. 161.

² ЦАМО. Фонд. 1164. Оп. 1. Д. 168. Л. 72.

Получив столь необходимый отдых, бойцы и младшие командиры могли с новыми силами вернуться в свою часть, к тому же это не занимало столько времени, сколько могла занять поездка в отпуск на родину, в отдаленную часть страны. Кроме того, солдаты и офицеры, чьи дома находились на оккупированной территории, и которым некуда было ехать в отпуск, могли провести его в дивизионном доме отдыха. Пребывание в таких учреждениях заметно улучшало боевой дух и моральное состояние бойцов.

Создание домов отдыха для рядового состава и офицеров передовых частей являлось личной инициативой, проявленной несколькими командирами, заботившимися о своих подчиненных. И уже позже эта идея была поддержана командованием, когда стала понятна ее перспективность и значимость. То есть это тот пример, когда в столь короткий срок инициатива снизу была поддержана и развита верхами.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Дробрин А.В. «Из адов ад». А мы с тобой, брат, из пехоты... – М.: Яуза: Эксмо, 2012. – 288 с.
2. Лоза Д.Ф. Танкист на «иномарке». Победили Германию, разбили Японию. – М.: Яуза, Эксмо, 2005. – 320 с.
3. Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5-2). – М.: Терра, 1996 – 624 с.
4. Симонов К. Разные дни войны: Дневник писателя. – М., 1975. – 496 с.
5. Солдатские публичные дома в германской армии. Дата обращения 11.06.2013. – <http://www.softmixer.com/>

Периодическая печать:

6. Вперед к победе // Красноармейская газета. – 1942. – № 79,
7. Вперед к победе // Красноармейская газета. – 1942. – № 80.
8. Знамя свободы // Красноармейская газета. – 1942. – № 95.
9. Красная звезда. – 1942. – № 278.
10. Красная звезда. – 1942 – № 283.
11. Уничтожим врага // Ежедневная красноармейская газета. – 1942. – № 277.

РАЗДЕЛ V. ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 32.019.51

Быстров С.В.

Московский государственный областной университет

ПРИМЕНЕНИЯ МАНИПУЛЯТИВНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ: ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ ФИЛЬМА «ПЛУТОВСТВО»

S. Bystrov

Moscow State Regional University

THE IMPLEMENTATION OF MANIPULATIVE POLITICAL TECHNOLOGIES IN MODERN POLITICS: TRUTH AND FICTION IN THE FILM "WAG THE DOG"

Аннотация. В статье анализируется возможность применения современными политиками манипулятивных политических технологий таким образом, как это показано в фильме Б. Левинсона «Хвост виляет собакой» (1997 г.) (в отечественном прокате – «Плутовство»). Акцент в статье сделан на технологию отвлечения/переключения внимания, направленную на понижение критичности восприятия информации адресатом. В случае, показанном в фильме, внимание граждан отвлекалось от сексуального скандала, участником которого стал Президент США накануне очередных президентских выборов. В свете случившихся вскоре событий (скандала, вызванного сексуальными отношениями Президента США Б. Клинтона и стажерки Белого дома М. Левински) остаётся открытым вопрос – не являлся ли и сам фильм способом замять надвигающийся скандал.

Ключевые слова: политическая коммуникация, политическая реклама, манипулирование, манипулятивные технологии, политическая мифология, информационная война.

Abstract. The article considers the possibility of using manipulative political technologies by modern politicians the way it is shown in a Levinson's movie "Wag the dog" (1997) (in Russian cinematography known as "Dodgery"). This article highlights the technology of distraction or attention switch aimed at the decrease of the critical perception of the information by the audience. In the case shown in the film people's attention was distracted from the sexual scandal the participant of which was the US President just before the regular presidential elections. Taking into account the events that followed (a scandal caused by the sexual relations between the US President Bill Clinton and M. Lewinski – a trainee in the White house) we can't say for sure if the film was or was not an attempt to hush up the forthcoming scandal.

Key words: political communications, political advertising, manipulation, technologies of manipulating, political mythology, information warfare.

С конца 1980-х гг. исследователи разных научных областей активизировали своё внимание на проблеме манипуляции массовым сознанием. Сегодня этот интерес не иссяк, а перенесен из плоскости психологии в сферу политической культуры и социального управления [1; 2; 3;

4; 5; 6 и др.]. Многими авторами отмечается, что реальность уже «не отражается, а создаётся с помощью СМИ» [8, с. 34].

Указанные проблемы неоднократно становились источником и предметом философской и политологической рефлексии, а вскоре – и кинематографа. Фильмы второй половины 1990-х гг., затрагивающие проблему методов политической коммуникации, а точнее, роли массмедиа в формировании общественного и политического сознания граждан, сами оказали непосредственное влияние на политическую теорию и практику. Среди них фильмы «Шоу Трумана» (реж. П. Вейр, 1998) и «Хвост виляет собакой» («Wag the Dog», реж. Б. Левинсон, 1997). Обратим свое внимание на последний фильм, прошедший в отечественном прокате под названием «Плутводство».

В фильме показывается нештатная ситуация: сексуальный скандал, связанный с американским президентом. Драматизм ситуации придают ближайшие (через 11 дней) выборы президента. Для решения проблемы в Белый дом срочно вызывается лучший специалист Конрад Брин. Он предлагает создать средствами телемонтажа «маленькую победоносную войну» с Албанией, которая отвлечет внимание общественности от произошедшего скандала вообще и от личной жизни президента в частности. Столь широкомасштабное шоу должен организовать известный продюсер Стенли Моттс, который получает шанс не только выполнить важную политическую задачу, но и удовлетворить свои личные профессиональные амбиции.

Фильм стал хрестоматийным, наглядным пособием по изучению возможностей применения техник и технологий манипуляции сознанием в информационную эпоху. Производство вызвало общественный резонанс и по другой причине: фильм вышел на экраны США всего за несколько месяцев до сексуального скандала с Биллом Клинтонем, который, в свою очередь, был забыт в результате бомбардировок Сербии силами НАТО.

Урок, данный в фильме, как замять скандал путем искусственного создания новой

– яркой и значимой, всеми обсуждаемой проблемы, не прошёл даром. Выражение «вилять собакой» (означавшее способ замять скандал), бывшее и ранее излюбленной поговоркой американских политтехнологов, приобрело новое звучание и почти точную практическую реализацию.

Показанные в фильме СМИ в современном мире действительно приобретают магическую способность влиять на сознание людей, обладают некоей символической властью. В конечном счете, картина мира, созданная СМИ, сама становится своего рода реальностью. Как отметил Михаил Делягин в книге «Практика глобализации», под воздействием телевидения люди начинают жить не в реальном, а в виртуальном мире, где господствует принцип: чего нет на телеэкране, того нет и в жизни [12]. Иначе говоря, «Война закончена. Я видел это по телевизору».

Как указывали еще в 1960-е гг. немецкие исследователи Питер Бергер и Томас Лукман, человеческому сознанию свойственно создавать (конструировать) социальную реальность, которая, в свою очередь, создает человека [1].

В фильме наглядно показано, как внимание обывателя, направленное на скандал, связанный с президентом, через некоторое время переключается на новости с места боевых действий. Психологами установлено, что обилие плохих новостей снижает способность критического восприятия информации. Таким образом, одним из методов информационной войны является отвлечение внимания на другой объект. Чтобы не дать общественному мнению осознать и проанализировать невыгодную ситуацию, надо заставить/направить его на посторонний (не связанный с начальной ситуацией) предмет (событие, процесс), который займёт основное внимание. Михаил Делягин назвал этот метод политических технологий «киданием камней по кустам» [10].

Среди всех технологий политической манипуляции метод отвлечения/переключения внимания занимает почетное место. Его основная цель – понижение критичности адре-

сата, его действий, политического курса в целом [15, с. 76-77]. В случае, показанном в фильме, это касается приватной сферы жизни президента.

Автор концепции «глобальной деревни» канадский философ Маршалл Маклюэн сравнивал массмедиа с электронной нервной системой, к которой человек подключается с момента своего рождения [11, с. 29]. Действительно, современные политтехнологии становятся мощным креативным оружием, выбор которого обусловлен спецификой национального менталитета на базе общей виртуальной культуры.

Всё общество как бы находится в состоянии игры, в которой отдельному (даже критически мыслящему) человеку уже трудно определить какое событие реально, а какое искусственно сконструировано, что важно на самом деле, а что есть лишь отвлекающий маневр. Они могут меняться местами в нашем сознании, как и оживление и воодушевление, которые быстро сменяются апатией к политике вообще [16].

В фильме «Плутовство» ситуация выглядит гротесково: политический процесс представляется неким режиссированным спектаклем, шоу, в котором в роли пассивных зрителей оказывается будущий электорат. Сама возможность такого политического действия основана на новом типе политической культуры и политического сознания.

Вместе с тем фильм нельзя отнести к ряду фантазмагорий. Изображенные в кино каноны политических технологий давно стали классикой и активно применяются в российской политической практике. Сатира на политтехнологии, как главная цель режиссера, оборачивается в реальной жизни политическим фарсом на фоне манипулируемого виртуального сознания.

Современному человеку, живущему в неразрывной медиасреде, приходится постоянно переваривать/обрабатывать огромный объем информации, адаптироваться к культуре фрагмента и недосказанности, выстраивать или достраивать логику событий, домысливать их причины, самостоятельно

конструировать связи между ними. Зачастую информация воспринимается как «фон»: внимание обывателя быстро концентрируется и так же быстро переключается на другое событие. Услышанное прежде забывается.

В результате современного медиапотребления, основанного на потреблении образов, у граждан складывается новый – упрощенный – тип понимания и поведения: безответственного и инфантильного.

Перенасыщенность современного информационного пространства образами создает великолепные возможности для использования механизма переключения. Мнения, основанные на эмоциях, упрощаются, легко меняются, становятся подвижны и управляемы. В условиях медиаэкспансии потребность активного социального действия снижается, телеаудитория становится пассивным социальным объектом, что еще более облегчает переключение ее внимания.

В фильме «Плутовство» отвлечение внимания аудитории осуществляется с помощью созданной современными средствами телемонтажа и не существующей в действительности войны. И это не случайно. Любая война обладает большим информационным потенциалом, чем личная жизнь президента. Показы «ужасов» и крови требуют максимального напряжения зрителя, притупляют его способность чувствовать, отвлекают от обыденности. Ретрансляция такой напряженной реальности становится способом перекодировки образов/событий/поводов, а в итоге – общественного сознания.

Название анализируемого фильма было взято из анекдота: «Почему собака виляет хвостом? Потому что собака умнее хвоста. Если бы хвост был умнее, хвост бы вилял собакой». Существуют разные интерпретации выражения, ставшего названием фильма Барри Левинсона. Одни полагают, что собака символизирует общественное мнение, и что хвост – средства массовой информации; другие считают, что собака, напротив,лицетворяет СМИ, а хвост – конкретную политическую кампанию. Но, скорее всего, верно мнение, что собака – это рядовые граждане,

а хвост – власть имущие. В целом же выражение «хвост виляет собакой» относится к любой ситуации, где что-то более важное (как, например, война) определяется чем-то менее значительным (как, например, секс-скандалом).

Фильм «Плутовство» оказался вдвойне пророческим. Он как будто предсказал «моникагейт» (скандал из-за связи Президента США Билла Клинтона со стажеркой Моникой Левински) и войну на Балканах (правда, не с Албанией, а Югославией). Однако если в фильме вооруженный конфликт оказался смоделированным виртуальным фарсом-шоу, который был запущен ради отвлечения внимания общественности от сексуального скандала, то в более суровой и циничной реальности Югославию бомбили по-настоящему.

После выхода фильма на экраны и последовавшего за ним настоящего скандала в среде политтехнологов актуальным стал вопрос: может ли вообще вторичное быть первичным, то есть «виляет ли хвост собакой»?

Если принять во внимание, практику использования в реальной политике метода отвлечения общественного внимания с помощью организации войны, нельзя не признать, что реальные политические персонажи оказались не так изобретательны как киногерои, а порой словно предпринимали всё для того, чтобы добиться прямо противоположного результата.

Вместе с тем авторы фильма «Хвост виляет собакой», в первую очередь, предугадали то, что современная война, ведущаяся при помощи совершенной техники, подобна виртуальной реальности компьютерных игр, а её подлинное изображение, переданное по всем телеканалам, весьма напоминает «инсценированную картинку». В сознании людей всё перемешалось. Как собака не ведаёт, что творит её хвост, так и люди путаются в поисках причины и следствия произошедших событий.

Таким образом, можно констатировать, что фильм внёс важный вклад в понимание обществом сути манипулятивных техноло-

гий. Однако вполне возможно, фильм сам был отвлекающим маневром и был снят для того, чтобы реальность затем была похожа на вымысел. Ведь сами отношения Б. Клинтона с М. Левински происходили накануне появления режиссерского замысла.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бергер Т., Лукман П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с. – URL: <http://evolkov.net/soc.psychol/Berger.P.Luckmann.T/index.html> (дата обращения 13.04.2013)
2. Гринберг Т.Э. Политические технологии: ПР и реклама. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 317 с.
3. Катлип А., Скотт М. Паблик рилейшенз: теория и практика. – М., 2007. – 487 с.
4. Федотова Л.Н. Паблик рилейшенз и общественное мнение. – М., СПб., 2003. – 352 с.
5. Ядрышников Е.В. Политические коммуникации в сети Интернет // Вестник МГУ. – Сер.12. Политические науки. – 2008. – № 5. – С. 86-91.
6. Шилина С. Коммуникативные технологии в системе отношений государства и общества // Власть. – 2013. – № 2. – С. 43-47.
7. Матвейчев О. Уши машут ослом. Сумма политтехнологий. – М., 2008.
8. Зверева В. Репрезентации и реальность // Отечественные записки. – 2003. – № 4. – С. 30-39.
9. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть. – М., 2005.
10. Делягин М. Камни по кустам. – URL: <http://delyagin.ru/articles/40707-kamni-po-kustam.html>.
11. Маклюэн М. Психология массовых коммуникаций. – СПб, 2003. – С. 29.
12. Делягин М. Практика глобализации: игры и правила новой эпохи. – М., 2000.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 33. – С. 215.
14. Общий курс по коммуникациям в кризисных ситуациях, подготовленный специалистами Университета штата Оклахома (Dan Hunter, Darren Berry, Rebecca Goodrich-Hinton, Bill Lincicome) для Министерства обороны США. Источник: <http://www.ou.edu/deptcomm/dodjcc/> (Перевод Л. Пигнастой).
15. Федорченко С.Н. PR-технология спиндокторинга // Электронный журнал «Вестник МГОУ». – 2011. – № 4. – URL: http://www.evestnik-mgou.ru/vipuski/2011_4/stati/politologiya/fedorchenko.html
16. Степанищенко О.В. Политические ценности // Вестник МГОУ. Сер. История и политические науки. – 2011. – № 3. – С. 239.

УДК 323.22/.28

Гибизов Д.В.

Московский государственный областной университет

ГУМАНИТАРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОНЦЕПТА БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

D. Gidizov

Moscow State Regional University

THE HUMANITARIAN COMPONENT OF THE HUMAN SAFETY CONCEPT

Аннотация. В статье исследуется гуманитарная составляющая концепта безопасности. Гуманитарная «внутренняя» безопасность предполагает активную роль индивида в качестве как объекта, так и субъекта системы. Таким образом, работа с населением составляет один из главных аспектов функционирования национальной системы безопасности. Возникает равновесная структура безопасности, в которой государство занимает центральное место в обеспечении безопасности человека, а население, поставленное в условия комфортного существования, обеспечивает легитимность и стабильность государства.

Ключевые слова: безопасность человека, гуманитарная составляющая безопасности, политика государства, социальная сущность государства, права человека.

Abstract. In article the humanitarian component of safety concept is investigated. "Internal" human safety assumes an active role of the individual both as an object and a subject of the system. Thus, work with the population is one of the main aspects of national system of human safety functioning. There is an equilibrium safety structure where the state plays the main part in ensuring the safety of a person. While the population put in the conditions of comfortable existence provide legitimacy and stability of the state.

Key words: human security, humanitarian component of security, government policy, social essence of the state, human right.

Актуализация гуманитарного уровня безопасности сопровождается появлением новых коннотаций, инкорпорируемых в ее традиционный концепт [5, с. 142]. Проблематика, связанная с преодолением политических угроз государству, его конституционному строю дополняется широким кругом вопросов, включающих весь комплекс прав человека: политических, гражданских, социально-экономических, культурных.

Право человека на жизнь, свободу и личную неприкосновенность провозглашено в статье 3 Всеобщей декларации прав человека [3].

Концептуализация безопасности в политической науке включает в себя ряд основополагающих принципов [4, с. 7]:

– *право человека на свободу и безопасность принадлежит человеку от рождения, а не предоставляется государством;*

– *признание, соблюдение и защита прав, в том числе права на безопасность, составляет обязанность государства;*

– *права и свободы, безопасность являются достоянием каждого человека;*

– *нормы, определяющие порядок обеспечения безопасности, должны быть не декларацией, а безусловным императивом.*

Сформулированные принципы определяют место и роль государства в современной архитектуре безопасности, детерминированной гуманитарным содержанием. Человеческое развитие в современной артикуляции целеполагания деятельности государства занимает центральное место.

Несмотря на видимую тривиальность этого положения, в контексте отечественного исторического опыта оно имеет особый смысл и содержание. На протяжении всего существования нашей страны ряд первостепенных общественных задач включал потребности и интересы государства. Вокруг этой задачи формировался круг социетальных ценностей и предпочтений: патриотизм, любовь к Родине, сакрализация главы государства, система патерналистских отношений и т.д.

Трансформация иерархии общественных ценностей, тем более государственной политики в сторону целеполагания на нужды конкретного человека, представляется задачей, сравнимой по степени сложности с проблемой выхода страны на новый технологический уровень.

Наряду с потребностями в пище, жилье, общении и т.д. индивид нуждается в безопасности своего существования. Ощущение безопасности всегда субъективно и связано с широким кругом социальных, политических, экономических, психологических факторов.

Безопасность, являясь одной из основополагающих ценностей человека, одновременно составляет причину или мотив его деятельности.

Стремление к безопасности обуславливает интеграцию людей в сообщества, формирование государственных структур, призванных обеспечить безопасность отдельного человека и общества в целом. В то же время нестабильность каждого конкретного гражданина становится источником опасности для всего общества.

Таким образом, основу гуманитарной безопасности составляет набор доминирующих, устойчивых представлений общественного сознания об угрозах стабильности и жизнеспособности общности социума, имеющих многоуровневую структуру, дифференцированную по территориальному, социокультурному и хронологическому признакам.

В отличие от европоцентристского понимания безопасности, ориентированной в качестве доминирующей ценности на безопасность личности, в нашем представлении,

безопасность каждого человека является условием достижения безопасности общества в целом и наоборот, стабильность общества – необходимое условие безопасности каждого человека. Понимание содержания безопасности развития человека выходит за рамки академической дискуссии и имеет вполне практическое значение. Например, защита прав на однополые браки или прав других меньшинств, или даже инвалидов, несогласуемая с интересами общества, приобретает в артикуляции Запада значение объекта защиты государства, а в логической схеме, в основу которой положены социально значимые потребности личности, если и не выглядят антиномией, то, по крайней мере, не заслуживает государственных гарантий.

Кроме того, цель обеспечения безопасности каждой личности в обществе, основанном на социальном и имущественном неравенстве, – недостижимая мифологема. Согласно замечанию У. Бека: «История распределения рисков показывает, что риски, как и богатство, распределяются по классовой схеме, только в обратном порядке: богатства сосредотачиваются в верхних слоях, риски в нижних... те, кто имеет высокие доходы, власть и образование, могут купить себе безопасность и свободу от риска» [1, с. 36].

Помимо этого, неолиберальная доктрина, предполагающая этерализацию индивидуального, настаивает на рецессивной парадигме присутствия государства в функционировании общества. На самом деле, в современной либеральной цивилизации свобода и личность индивида все более зависят от эффективности его деятельности, тем более, что с появлением новейших информационных технологий взаимообусловленность личности и государства возрастают [6, с. 107].

Учитывая социальную сущность государства, логично предположить, что в повестке его политики объективно должны занять место общественно значимые проблемы, в том числе связанные с безопасностью всего общества.

Несмотря на глобализацию планетарной цивилизации, роль государства в обеспечении безопасности остается доминирующей.

На наш взгляд, верный посыл У. Бека предостерегает от подхода к выстраиванию гуманитарной парадигмы безопасности вне социализации личности. Путь, ориентированный на методологию индивидуализма, ведет к редуцированию объекта безопасности, размыванию основы ее конструкта.

Смещение иерархии ориентиров безопасности в гуманитарную сферу, тем не менее, не означает изъятия из нее важнейшей общественной ценности – интересов и потребностей государства. Вопрос о соотношении интересов человека, общества и государства не решается, а лишь на основе их интеграции в систему аттрактора представляет собой интеграцию предпочтений, компромиссов, консенсусов, генерирующих общий феномен безопасности. Действительно, трудно себе представить индивидуальное видение факторов, определяющих безопасность, вне признания необходимости стабильного функционирования государственных структур или факторов, обеспечивающих благополучие общества.

Было бы наивным полагать, что создание механизма, обеспечивающего безопасное существование человека, может быть ограничено усилиями государства, хотя вряд ли справедливо изымать из него доминирующее место государственных структур. Поддерживать на достаточном уровне безопасность человека можно, только интегрировав в решение этой проблемы усилия всех акторов общественного процесса, трансформировав в сторону учета гуманитарных ценностей общественное мировоззрение. Успех в достижении безопасного развития человека заключается в выдвигании этого цивилизационного направления в статус важнейшей стратегии всего социума.

Если роль государства в механизме обеспечения безопасности развития человека в основном сводится к созданию и финансированию структур, ответственных за предотвращение и ликвидацию угроз населению, то общественные институты важны, прежде всего, вследствие способности активного влияния на субъективно формируемые пред-

ставления о безопасности человека, трансляции общественных предпочтений во власть.

Феномен, имеющий прямую связь с безопасностью человека, через который реализуется опасность его жизнедеятельности, определяется понятием «чрезвычайной ситуации», имеющим свои качественные признаки:

- внезапность и быстрое развитие событий;
- социально-экологические последствия, сопровождающие ЧС: человеческие жертвы, эпидемии, большой ущерб производственной, сельскохозяйственной и жилищно-бытовой инфраструктуре;
- социально-политические проявления: взрывоопасность и усиление социальной напряженности;
- социально-психологические характеристики: паника, страх, фобии, депрессии;
- материальное измерение, исчисляемое величиной ущерба и средств, выделяемых на ликвидацию последствий;
- сложность форматирования организационно-управленческого решения.

Характеристика ЧС очевидно свидетельствует об особой роли человека в гуманитарной безопасности. В отличие от безопасности, где главным актором выступало государство, интересы которого составляли доминанту оберегаемой системы и оно же являлось центральной силой ее обеспечивающей, гуманитарная «внутренняя» безопасность предполагает активную роль индивида как в качестве объекта, так и субъекта системы. Конкретный человек становится объектом, нуждающимся в защите и, фактически, определяющим предупреждение и ликвидацию ЧС. В одних ситуациях человеческий фактор играет позитивную роль в преодолении опасностей, в других, напротив, отрицательную.

Учет человеческого ресурса в качестве субъекта безопасности обуславливает наличие комплекса аспектов, связанных с субъективностью в системе безопасности человека:

Во-первых, человек играет важнейшую роль в формировании общественных представлений о приоритете, структуре и мерах

преодоления опасностей жизнедеятельности, а следовательно, активно участвует в формировании стратегии национальной системы безопасности.

Во-вторых, за счет человеческого ресурса ликвидируется значительная часть прогнозируемых и случившихся опасностей. Именно население пострадавших территорий составляет основную силу, как правило, первой вступающую в противодействие катастрофам и бедствиям.

Субъектность человека в системе безопасности определяется набором факторов, обеспечивающих положительный потенциал населения в ЧС, а именно: организованность, дисциплина, целеполагание на решение важнейших задач обеспечения жизнедеятельности. В свою очередь, таковые зависят от дееспособности органов местного самоуправления, организации службы информации и оповещения, авторитетных лидеров, способных сплотить и организовать население в условиях бедствия.

Таким образом, работа с населением составляет один из главных аспектов функционирования национальной системы безопасности.

Неординарный подход к проблеме человеческой безопасности избран авторами Доклада 2011 г. Первостепенными проблемами гуманитарной безопасности, по их мнению, является преодоление двух, казалось бы, не связанных деструкций: естественной – нарушения экологической среды обитания, и социальной – роста дифференциации индивидов, народов, сообществ.

Прогнозы говорят о том, что если нам и дальше не будет удаваться снизить губительные экологические риски и остановить усугубление социального неравенства, то это угрожает замедлением продолжавшегося несколько десятилетий устойчивого прогресса для беднейшего большинства планеты, а возможно, и регрессом в глобальном сближении уровней человеческого развития [2].

Основная мысль Доклада 2011 г. заключается в утверждении о том, что рост богатства узкого круга корпораций, принадлежащих

узкому социальному слою, сопровождается хищническим отношением к планетарной экосфере. Таким образом, социальное неравенство и ухудшение среды обитания человека – явления взаимосвязанные.

Значение гуманитарной составляющей в обеспечении безопасности населения Российской Федерации подтверждается оценками Индекса человеческого развития (ИЧР), включающего основные компоненты жизнедеятельности человека. Несмотря на то, что наша страна входит в круг стран с высоким уровнем человеческого развития, практически отсутствующая положительная динамика этого показателя на протяжении последнего десятилетия говорит о том, что предпринимаемые в обществе реформационные мероприятия не имеют прямого выхода на качество жизни простого человека.

Таким образом, современные условия развития человечества вообще и российского социума в частности свидетельствуют об актуализации нового содержания феномена безопасности. Все более доминирующее положение в традиционном представлении о безопасности занимает гуманитарный уровень, на протяжении длительного времени являвшийся перфектным по отношению к интересам государства.

Право человека на безопасность, определяющее этот уровень, представляется изначальным, данным «от рождения». Признание и обеспечение «природного права» человека на безопасную жизнь входит в круг важнейших вопросов функционирования государства. Несмотря на тривиальность сказанного, на самом деле задача переориентации российского государства в сторону реальных нужд населения, на протяжении отечественного исторического процесса отодвигаемых на «второй план», может сравниться с задачей модернизации на новом технологическом уровне.

Конкретный человек одновременно является объектом и субъектом безопасности. Во-первых, потому что сущность самого феномена безопасности составляют устойчивые представления населения об иерархии и сте-

пени угроз жизнедеятельности. Во-вторых, потому, что человеческий фактор играет важную роль в предотвращении и ликвидации ЧС.

Вместе с тем смещение центра тяжести в сторону антропоцентричного содержания совсем не означает изъятие из системы безопасности интересов и потребностей государства. Напротив, возникает равновесная структура безопасности, в которой государство занимает центральное место в обеспечении безопасности человека, а население, поставленное в условия комфортного существования, обеспечивает легитимность и стабильность государства.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М., 2000. – С. 384.
2. Доклад о человеческом развитии 2011. Устойчивое развитие и равенство возможностей: Лучшее будущее для всех. Опубликовано для Программы развития Организации Объединенных Наций.
3. Официальный сайт ООН // <http://www.un.org/Russian/largerfreedom/adal.htm> (21.11.2012).
4. Радиков И.В. Безопасность человека: реальность или фикция? // Безопасность человека в контексте международной политики; вопросы теории и практики. – М., 2011. – С. 5–11.
5. Соколова С.Н. Инновации и национальная безопасность России // Вестник МГОУ. Серия Философские науки. – 2009. – № 4. – С. 141–147.
6. Трофимова И.Н. Социальные проблемы в контексте реформ управления: европейский опыт // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». – № 2. – 2011. – С. 105–109.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

РЕЦЕНЗИЯ

на монографию Н.Д. Постникова «1-ая армия Ренненкампа: битва за Восточную Пруссию» (М.: Издательство МГОУ, 2013)

Рецензируемая монография рассказывает о начальном периоде Первой мировой войны – Восточно-Прусской операции 1914 года, что в преддверии столетнего юбилея этих драматических событий, столь заметно изменивших мир и всё течение истории в XX веке, вызывает особый интерес.

Используя многочисленные материалы фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), весь объём научно-исследовательской литературы, а также мемуарику, на широком историческом фоне автор детально анализирует планы противостоящих сторон, структуру и численность военных группировок, оперативную обстановку накануне и в ходе Восточно-Прусской операции. Н.Д. Постников подробно раскрывает причины поражения русской армии и объективно отображает ту негативную роль, которую сыграли в этом командующий Северо-Западным фронтом Я.Г. Жилинский и командующий 1-ой армией П.К. Ренненкампа. Всё это позволяет говорить о том, что рецензируемая монография представляет собой чрезвычайно удачную попытку всестороннего комплексного исследования Восточно-Прусской операции.

В работе автор уделяет большое внимание почти забытому сегодня Гумбинненскому сражению, победа русского оружия в котором стала одной из причин краха германского плана «блицкрига» в августе 1914 г., спасла Францию от военного поражения и, в конечном итоге, изменила ход Первой мировой войны. Н.Д. Постникову удалось показать подлинное историческое и военно-стратегическое значение Гумбинненского сражения. В этом отношении вполне оправданным представляется обращение автора к документам личного происхождения – мемуарам, письмам и дневникам У. Черчилля, Ф. Фоша и других военных и политических деятелей Антанты, отдававших должное победе русских под Гумбином.

Показательно, что военные события рассматриваются не только через призму анализа действий военачальников. Используя воспоминания, письма, дневники и архивные документы, автор показывает войну «из окопов», – глазами обычных людей, строевых офицеров, что даёт возможность читателю прочувствовать свою сопричастность к событиям той драматической эпохи. Насыщение канвы исследования чувствами и переживаниями участников событий, несомненно, делает чтение книги более увлекательным, что также необходимо отнести к достоинствам рецензируемой монографии.

Из критических замечаний следует отметить лишь то, что исследование только выиграло бы, если бы автор смог привлечь больше источников на немецком языке. Впрочем, это не умаляет несомненных достоинств рецензируемой книги и позволяет говорить о монографии Н.Д. Постникова как о самостоятельном и значимом исследовании по истории Первой мировой войны.

*Кандидат исторических наук,
доцент Хорихин В.В.*

НАШИ АВТОРЫ

Абдусаламов Магомед-Паша Балашович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства (г. Махачкала); e-mail: vikingpasha@mail.ru

Анашкина Алена Геннадьевна – аспирант кафедры новой и новейшей истории и методологии факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: Allein87@mail.ru

Балашова Елена Григорьевна – аспирант кафедры истории Российского православного института св. Иоанна Богослова (г. Москва); e-mail: rekaelena@mail.ru

Быстров Сергей Викторович – аспирант кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: serega_bystrov@mail.ru

Варшавский Дмитрий Игоревич – аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета; e-mail: mr.varshavski@mail.ru

Волобуев Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета; e-mail: volobuevov@yandex.ru

Воронин Сергей Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, член Общественной палаты Российской Федерации, заведующий кафедрой всеобщей истории Российского университета дружбы народов (г. Москва); e-mail: e-mail: svoronin.rudn@mail.ru

Гадицкая Марина Александровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории Сочинского филиала Российского университета дружбы народов; e-mail: marinagaditskay@mail.ru

Гибизов Дмитрий Валерьевич – аспирант кафедры политологии и права Московского государственного областного университета, старший офицер-оператор Национального центра управления в кризисных ситуациях МЧС России; e-mail: GibizovD@yandex.ru

Давыдова Юлия Александровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и гуманитарных наук Московского государственного университета экономики, статистики и информатики; e-mail: ylkadav@mail.ru

Егоров Денис Иванович – аспирант кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета, учитель истории Средней образовательной школы №630 (г. Москва); e-mail: vindex68@mail.ru

Идрисов Юсуп Магомедович – кандидат исторических наук, доцент кафедры историко-правовых дисциплин Северо-Кавказского филиала Российской правовой академии (г. Махачкала); e-mail: markes06@mail.ru

Кудрявцева Надежда Анатольевна – соискатель новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета, преподаватель истории Московского колледжа железнодорожного транспорта; e-mail: sanaan@rambler.ru

Кучин Юрий Степанович – аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета; e-mail: mailforkuchin@gmail.com

Мезенцева Юлия Ивановна – кандидат педагогических наук, профессор кафедры методики обучения изобразительному и декоративно-прикладному искусству Московского государственного областного университета; e-mail: fakul-izonr@mgou.ru

Печищева Людмила Александровна – докторант Российского государственного гуманитарного университета, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологии Московского государственного лингвистического университета; e-mail: lusya-85@inbox.ru

Скорик Александр Павлович – доктор философских наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права и отечественной истории Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасский политехнический институт); e-mail: s_a_p@mail.ru

Слободянина Анна Валерьевна – аспирант кафедры новой и новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета, учитель истории, обществознания и права Гимназии № 13 (г. Долгопрудный); e-mail: slobodyanina@gmail.com

Хорихин Вячеслав Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета, проректор по воспитательной работе и молодежной политике Московского государственного областного университета; e-mail: vv.khorikhin@mgou.ru